

Язык вражды против общества

**Составитель:
Александр Верховский**

Москва
Апрель 2007

Настоящий материал (информация)
произведен и (или) распространен
иностранным агентом
РОО Центр «Сова»
либо касается деятельности
иностранного агента
РОО Центр «Сова».

18+

УДК 323:[316.647.5:070] (470+571) (082.1)
ББК 66.3(2Рос),54я43
Я41

Я41 **Язык вражды против общества: (сб. статей) / сост.: А. Верховский.** — М.: Центр «Сова», 2007. — 259 с.: табл. (Научное издание)
ISBN 5-98418-008-1

Книга подводит итог очередного этапа многолетнего проекта, посвященного проблеме этнической и религиозной интолерантности (языка вражды) в средствах массовой информации в современной России.

В сборник включены доклад о мониторинге языка вражды в СМИ в 2006 году, другие аналитические статьи, касающиеся методологии изучения языка вражды, его связи с другими аспектами интолерантности.

Затронут также ряд частных проблем: язык вражды в интернете, проведение экспертизы по делам о возбуждении вражды и ненависти и т.д.

Сборник составлен и выпущен при поддержке
Института «Открытое общество» — Фонд Сороса

Составитель — А. Верховский
Редактура и корректура — В. Ахметьева
Дизайн, коллаж на обложке — Н. Винник
Верстка — М. Гаврилова

Подписано в печать 26.04.2007. Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж 1200. Заказ .
ОО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д.4, под.3, к.2.
Телефон/факс: (495) 628-63-46. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: http://sova-center.ru
Типография Россельхозакадемии. 115598 Москва, ул. Ягодная, 12.

ISBN 5-98418-008-1

© Авторы, 2007 — тексты статей
© Верховский А.М., 2007 — составление
© Винник Н.В., 2007 — оформление

Содержание

От составителя.....	5
<i>Галина Кожевникова</i> Язык вражды после Кондопоги.....	10
<i>Эдуард Понарин, Дмитрий Дубровский, Анна Толкачева, Раиса Акифьева</i> Индекс (ин)толерантности прессы	72
<i>Виктор Шнирельман</i> СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия	107
<i>Раиса Акифьева, Анна Толкачева</i> Трансформация дискурса проправительственной прессы Санкт-Петербурга: толерантность «до» и «после» Кондопоги.....	150
<i>Алексей Кочергин</i> Язык вражды как следствие секьюритизации этничности (случай Краснодарского края).....	178
<i>Евгений Кислов</i> Язык вражды в Республике Бурятия	193
<i>Валерия Ахметьева</i> «Люди с псыими головами»: образ чеченцев в российских СМИ.....	203
<i>Сергей Лукашевский</i> НПО в зеркале российских СМИ: дискредитация, диффамация, пропаганда.....	211
<i>Анастасия Денисова</i> Cyber H8 — ответный удар.....	218

Михаил Кроз, Наталья Ратинова

От языка вражды к возбуждению ненависти:
проблемы судебно-экспертной оценки
ксенофобских материалов СМИ226

Оксана Грунченко

Назначать, нельзя отказаться, или Назначать нельзя, отказаться247

Сведения об авторах.....257

От составителя

Российское общество все больше озабочено проблемами этнической и религиозной ксенофобии, ростом национализма, умножением преступлений на почве ненависти¹ и, шире, всем тем кругом проблем, которые так или иначе связаны с этничностью (и в меньшей степени — с религией). Симптомами, вызывающими эту озабоченность, становятся, в частности, события в Кондопоге, марши ультранационалистов, громкие убийства представителей тех или иных меньшинств. На этом фоне как-то забывается тема, волновавшая общество пять и десять лет назад: язык, на котором говорят с обществом средства массовой информации, проявление этнорелигиозной толерантности в этом языке. Мы назвали такую явную и неявную интолерантность в СМИ языком вражды.

Конечно, убийство — более значимое событие, чем статья в газете. И мы далеки от того, чтобы прямо возлагать ответственность за расистские убийства на интолерантных журналистов. И тем не менее то, как обсуждаются этнические и религиозные аспекты общественной и частной жизни, несомненно, влияет на саму эту жизнь. Значение имеют не только прямые призывы к дискриминации или к толерантности, но и то, как говорят о Других, какие понятия используют.

Мы убеждены, что язык вражды — это проблема не только для наиболее дискриминируемых меньшинств. Язык вражды искажает реальные проблемы и порождает, прямо или косвенно, агрессию. Он разрушителен для общества в целом, и в частности для журналистики как профессии и для журналистского профессионального сообщества.

Эта книга подводит итог очередного этапа многолетнего проекта, посвященного проблеме этнической и религиозной интолерантности (языка вражды) в средствах массовой информации в современной России. Проект велся и ведется коалицией неправительственных организаций; на момент подготовки этой книги в нее входят Центр развития демократии и прав человека, Информационно-исследовательский центр «Демос», Центр экстремальной журналистики и Информационно-аналитический центр «СОВА». Проект включает и исследования, и различные попытки

¹ Центр «СОВА» активно занимается этими проблемами. См. наш веб-сайт (<http://sova-center.ru>), а также последнюю выпущенную книгу: Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «СОВА», 2006.

воздействовать на ситуацию: обучение журналистов и студентов факультетов журналистики, профессиональные и общественные дискуссии, публичные акции.

Основную ответственность за мониторинг СМИ и аналитическую работу в проекте несет Центр «СОВА». Мы же предлагаем вашему вниманию этот сборник, сочетающий результаты исследований и отражение некоторых дискуссий, представляющихся нам значимыми.

Мы также продолжаем отмечать на сайте Центра (см.: <http://xeno.sova-center.ru/213716E>) наиболее существенные публикации СМИ, касающиеся языка вражды. Постоянно обновляются две ленты сообщений. Одна включает наиболее примечательные случаи употребления языка вражды, причем таковыми мы считаем не только очевидно неприемлемое словоупотребление, но и, напротив, спорные, пограничные случаи. Цель нашего проекта — не «обличить» журналистов, но инициировать обсуждение того, как следует писать на этнически или религиозно окрашенные темы. Другая лента как раз и включает случаи такого обсуждения в СМИ. На сайте можно также найти новости проекта и все его результаты: аналитические обзоры, статьи и т.д.

Мониторинг СМИ, который ведет Центр «СОВА» по более или менее единообразной методике (изменения оговариваются при публикации каждого нового этапа), прошел уже шесть этапов. Результаты последнего представлены в статье Г. Кожевниковой в этом сборнике.

Доклады по предыдущим этапам (начиная с третьего они также написаны Г. Кожевниковой) доступны в интернете:

1. Осень 2001 — зима 2002 годов — в книге «Язык мой»; см. на портале «Права человека в России» (http://www.hro.org/editions/h_speech/index.htm).
2. Четыре месяца после «Норд-Оста» может быть загружен на сайте Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21371EF>).
3. В период парламентской и президентской кампаний 2003—2004 годов — доступен на портале «Права человека в России» (http://www.hro.org/docs/rep/lan/lan_1.php).
4. В течение полутора месяцев после Беслана — там же (http://www.hro.org/docs/rep/beslan/index_1.php; опубликован также в «Язык вражды в обществе, политике и СМИ», см. ниже)).
5. В сентябре-октябре 2005 года — там же (http://www.hro.org/docs/rep/beslan2005/index_1.php; опубликован также в: Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. Сборник докладов. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006).

Методика, которой придерживается Центр «СОВА», не раз подвергалась критике. Немалую часть критических замечаний мы постарались учесть при доработке методики на новых этапах. Замечания, касающиеся недостаточной операциональности некоторых понятий, используемых в мониторинге (особенно определений видов языка вражды)², мы принимаем и можем только заметить, что на практике единообразие применения методики обеспечивается непосредственным контролем работы. Это плохо для тиражирования методики, но хорошо для скорости обработки материала.

Наше исследование ориентировано в первую очередь на оценку общих тенденций в развитии языка вражды, а не на оценку отдельной публикации. Для такой оценки наши методы недостаточно объективны (и мы принимаем критику, высказанную в наш адрес в статье «Индекс (ин)толерантности» в этом сборнике). Мы и не стремились «ставить баллы» той или иной публикации, но выводы, сделанные в докладах Г. Кожевниковой о тенденциях развития языка вражды, мы считаем достаточно обоснованными.

Наша методика касается в первую очередь таких категорий, как сюжет, лексика и «тональность» текста, но не затрагивает фундаментальные основы языка вражды — стереотипизацию как таковую.

Стремясь компенсировать для читателя ограниченность применяемого нами инструментария, мы включили в сборник две статьи с принципиально иными подходами к анализу СМИ.

Статья «Индекс (ин)толерантности» представляет иную методику оценки языка вражды. К сожалению, на основе этой методики пока не проведены достаточно масштабные исследования. Мы можем представить лишь один пример, и то использовавший лишь качественную сторону предлагаемого «индекса», — это статья Р. Акифьевой и А. Толкачевой о двух официальных газетах Петербурга.

Статья же В. Шнирельмана представляет язык вражды в СМИ как часть более общего процесса развития этнической ксенофобии в обществе, в том числе развития «культурного расизма» (и принципиального для него механизма стереотипизации).

На последнем по времени этапе мониторинга «СОВЫ» анализировались только федеральные СМИ. Столичную картину дополняют статьи авторов, представляющих ситуацию в своих регионах. Но мы стремились не просто представить «портрет региона», а отобрать статьи, предлага-

² См. статью «Индекс (ин)толерантности» в этом сборнике, а также: Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ» // Международный институт гуманитарно-политических исследований (http://www.igpi.ru/bibl/other_article/1101820840.html).

ющие какой-то дополнительный угол зрения на язык вражды. Так, в статье Е. Кислова о Бурятии отмечены не только тенденции в СМИ, но и приведены очень показательные примеры стереотипного «этнического языка» простых граждан.

Уже упоминавшаяся статья о двух петербургских газетах отслеживает, в частности, важные дискурсивные изменения, связанные с событиями в Кондопоге. Конечно, язык вражды был весьма заметен и до этого, но сентябрь 2006 года можно назвать «прорывом ксенофобии в публичное пространство», причем прорыв этот произошел не только (и не столько даже) в СМИ, сколько в пространстве политики и публичной дискуссии в целом.

Статья А. Кочергина на примере СМИ Краснодарского края обращается к соотношению этнической тематики (и используемого при этом языка) со все более значимой в последние годы темы безопасности.

Следующие три статьи сборника посвящены определенным тематическим или жанровым разновидностям языка вражды. В. Ахметьева пишет о «чеченцах» в СМИ — о медиа-образе чеченского народа (но не о самой чеченской проблеме). С. Лукашевский рассматривает неправительственные организации как объект языка вражды — по аналогии с этническими или религиозными группами. И наконец, А. Денисова пишет о языке вражды в интернете.

Последняя статья обращается и к теме, неизбежно связанной с изучением языка вражды: «Что делать?» и даже «Как наказывать?». Здесь следует подчеркнуть, что Центр «СОВА» в известной дилемме ограничения пропаганды ксенофобии и ограничения свободы слова стремится занимать позицию, ориентированную скорее на защиту свободы слова. В частности, мы полагаем, что критические (и даже резкие) высказывания в адрес тех или иных идей, культурных и иных особенностей как таковых вовсе не обязательно должны рассматриваться как возбуждение вражды по отношению к той или иной группе людей.

Но все же есть, конечно, ситуации, когда приходится говорить и о наказании, в том числе даже и об уголовном наказании. Постановка же вопроса о наказании неизбежно отсылает нас к проблеме экспертизы текста, о которой «СОВА» публиковала статьи и в предыдущих своих изданиях. Именно проблемам экспертизы посвящены две последние статьи сборника. Статьи О. Грунченко и М. Кроза и Н. Ратиновой написаны с разных позиций, но обе они затрагивают и такую важную проблему: в каких случаях и к каким экспертам уместно обращаться, с целью оценки текста. Для нас очевидно, что дискуссия по этому поводу фактически только начинается.

Наш сборник — далеко не первая книга, выпущенная в рамках проекта. Ему предшествовали:

1. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

2. «Язык вражды» и свобода слова: Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле / Профессиональная этика журналиста: Рабочие материалы. М.: Галерея, 2003.

3. Кожевникова Галина. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее. М.: Центр «СОВА», 2004.

4. Севортьян Анна, Шароградская Анна. Освещение этнического многообразия. Пособие для факультетов журналистики. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2005.

5. Верховский Александр, Кожевникова Галина. Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. Stuttgart: Ibidem, 2005.

6. Язык вражды в обществе, политике и СМИ. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2005.

7. Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Центр экстремальной журналистики, 2006.

8. Вражда на заборах. М.: Центр «Демос», 2006.

Это очень разные книги. В них публиковались результаты исследований, публицистические статьи, учебные материалы для будущих и уже работающих журналистов. В 2000 году наш проект начинался как попытка нескольких НПО получше разобраться в том, как функционирует язык вражды в СМИ, и привлечь внимание общества к самой проблеме. В тех пор тема языка вражды исследовалась целым рядом экспертов (см. обзор в статье «Индекс (ин)толерантности»), сам термин стал общепринятым, по нему читаются спецкурсы на факультетах журналистики. Но проблема остается и даже, пожалуй, обостряется.

Поэтому обсуждение, несомненно, будет продолжено. Оно должно касаться не только динамических параметров и механизмов формирования языка вражды в СМИ. Очень важна взаимосвязь последнего с языками других сфер — политической, академической, бытовой. Язык вражды всегда в той или иной степени подстрекательский, а значит, должна максимально широко и вдумчиво обсуждаться также и проблема соотношения защиты свободы слова и необходимых ограничений на публичные проявления ксенофобии. Список тем можно было бы продолжить. И Центр «СОВА» приглашает заинтересованных авторов к дальнейшей дискуссии.

Галина Кожевникова

Язык вражды после Кондопоги

Анализ результатов мониторинга языка вражды в российских СМИ (сентябрь-декабрь 2006 г.)

Введение

Шестой этап мониторинга в рамках проекта «Язык вражды в российских СМИ» проводился в течение четырех месяцев, с 1 сентября по 31 декабря 2006 г., в соответствии с традицией, заложенной на предыдущих этапах исследования¹.

Методика мониторинга была несколько скорректирована (в основном дополнена несколькими новыми строками рубрикаторов), однако кардинальных изменений в ней не произошло, что сохраняет принципиальную для нас возможность сопоставления с результатами прошлых лет. Там, где это возможно, мы проводим сравнение данных по всем этапам мониторинга начиная с 2001 года. Однако в некоторых случаях из-за изменений методики, проведенных после завершения первого этапа, а также из-за невозможности выделить в нем долю федеральных СМИ, сопоставление ведется начиная с данных мониторинга 2002 года.

Как и ранее, мониторы отбирали материалы не только в буквальном соответствии с определением вида языка вражды (см. ниже), но и исходя из того, было бы им неприятно прочитать то или иное высказывание, сделанное в адрес той этнической или религиозной группы, к которой они себя причисляют. Отобранные материалы классифицировались по целому ряду рубрикаторов, главными из которых являются виды и объекты языка вражды и отношение журналиста к некорректному высказыванию.

Автор выражает глубокую признательность участникам мониторинга Валерии Ахметьевой, Ксении Изотовой, Ирине Косалс и Александру Толстикову, ценные наблюдения и замечания которых очень помогли в анализе собранных материалов.

¹ Об этих этапах см. Введение – Примеч. ред.

Уже во время нынешнего исследования мы столкнулись с проблемами, которые существующая методика преодолеть не позволила. Связаны они были, в первую очередь, с анализом телепередач. Мы осуществляли их мониторинг с использованием распечаток текстов передач, однако если ранее «потери» в оценке телевизионного языка вражды, связанные с учетом аудиовизуального ряда, были, на наш взгляд, незначительны, то теперь мы их оцениваем как существенные². Поэтому сразу необходимо отметить, что представленные результаты – лишь минимальная оценка языка вражды в последние четыре месяца 2006 года.

Главным новшеством данного этапа стало внесение в список объектов языка вражды понятия «мигрант». Связано это с тем, что за последние полтора-два года данное слово практически полностью утратило свой социальный смысл (любой человек, вне зависимости от его этнической принадлежности, сменивший место жительства, в том числе и внутри России, например, переехавший из Иваново в Москву) и одновременно приобрело ярко выраженную этническую окраску («нерусский» человек, пусть даже гражданин России, переехавший или предположительно переехавший в условно «русский» регион)³. Как устойчивое явление это было зафиксировано нами еще на предыдущем этапе работы, осенью 2005 года, и тогда же было решено скорректировать методику⁴.

Как и в предыдущих докладах, все названия объектов языка вражды в нашем исследовании мы заключаем в кавычки, так как, строго говоря, имеются в виду не сами этнические или религиозные группы, а их медиа-образы (например, не те люди, которые считают себя, например, грузинами или русскими, а те, кого журналисты так называют).

Кроме того, для удобства анализа нами по-прежнему будет использоваться понятие «суммарного» количества языка вражды – то есть суммы некорректных высказываний, одобряемых и не осуждаемых журналистами.

Важной чертой нынешнего исследования стало то, что оно проводилось одновременно с мониторингом тематических публикаций,

² Подробнее об этом см. раздел «Телевидение».

³ Подробнее об этом см.: Кожевникова Г. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Центр экстремальной журналистики, 2006. С. 95–105.

⁴ Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана // Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. Сборник докладов. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006. С. 28–29.

который наш центр вел с лета 2005 года по гораздо более широкому кругу источников. Отбирались и анализировались на наличие языка вражды статьи, посвященные конкретным темам: «Война в Чечне», «Миграция», «Террор» и т.п.⁵ Этот материал позволил, в частности, более объемно представить картину проявлений языка вражды в период данного «стандартного» мониторинга и будет использован в представляемом анализе.

Виды языка вражды

Список видов языка вражды, включающий в себя 17 позиций, представлен в том порядке, в котором в дальнейшем будут приводиться все статистические данные (кроме специально оговоренных случаев).

- А. Призывы к насилию (то есть в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия; провозглашение насилия допустимым средством в своих статьях, документах и т.п.; в том числе и в виде абстрактных призывов типа «Бей жидов!»);
- В. призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов;
- С. завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных, примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора ...» и т.п.);
- Д. создание негативного образа этнической или религиозной группы (сопряжено не с конкретными обвинениями (к которым относятся другие пункты), а скорее передано тоном текста или фрагмента текста);
- Е. оправдание исторических случаев насилия и дискриминации (выражения типа «турки резали армян в 1915 году в порядке самообороны»);
- Ф. публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы Холокоста или утверждение, что «чеченцев выслали за то, что они перешли на сторону Гитлера»);
- Г. утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как

- таковой (идеи типа «азербайджанцы только на рынке работают», «казахи туповаты»);
- Н. утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой (типа «мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом», «поляки всегда злоумышляли против русских»);
- И. утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы (например, «цыгане – воры»);
- Ж. утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы («евреи корыстолюбивы», «цыгане – обманщики» – отличать от утверждения культурной или интеллектуальной неполноценности);
- К. рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- Л. обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности», «иногородцы превращают Москву в нерусский город», «мормоны подрывают нашу православную идентичность»);
- М. упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике или просто при упоминании этнонима);
- Н. призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, протесты против строительства мечети в «православном городе»);
- О. цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; аналогично – предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики;
- Р. обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии (в буквальном смысле, в отличие от призывов не допустить закрепления в регионе);
- Q. отрицание гражданства (то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации).

⁵ См., в частности, статьи Валерии Ахметьевой и Сергея Лукашевского в этом сборнике.

Эти виды мы, как и прежде, условно разделяли по степени жесткости (можно даже сказать, общественной опасности) на обобщенные категории:

Жесткий:

- призывы к насилию,
- призывы к дискриминации,
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации,
- призывы не допустить закрепления в регионе.

Средний:

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации,
- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации,
- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой,
- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы,
- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы,
- обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство,
- обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии.
- отрицание гражданства.

Мягкий:

- создание негативного образа этнической или религиозной группы,
- утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы как таковой,
- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы,
- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте,
- цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария.

Объекты языка вражды

Список объектов языка вражды включает в себя 28 позиций. Как и в предыдущем случае, список объектов приводится в том порядке, в котором далее будет приводиться статистика (кроме специально оговоренных случаев):

1. чернокожие;
2. американцы;
3. западные европейцы;
4. евреи;
5. украинцы;
6. русские;
7. цыгане;
8. таджики;
9. китайцы;
10. вьетнамцы;
11. чеченцы;
12. армяне;
13. азербайджанцы;
14. иракцы;
15. арабы (кроме иракцев);
16. турки-месхетинцы;
17. иные народы Кавказа и Закавказья (не чеченцы, армяне или азербайджанцы);
18. кавказцы как целое;
19. народы Азии (вне или внутри СНГ, кроме явно перечисленных);
20. иные этнические категории (то есть более или менее конкретные объекты помимо уже перечисленных);
21. общая этническая ксенофобия (то есть без указания конкретного объекта);
22. православные;
23. мусульмане;
24. католики (и униаты);
25. новые и малочисленные религиозные группы;
26. иные религиозные категории;
27. общая религиозная ксенофобия («не православные», «не христиане», «не мусульмане» и т.д.);
28. мигранты.

Источники

Список изданий и телепередач для мониторинга был несколько изменен по сравнению с предыдущими этапами.

Отдельно следует остановиться на списке телепрограмм.

Во-первых, мы отказались от наблюдений за телевизионной криминальной хроникой, исключив из исследования программу «Петровка, 38»: все-таки механизм формирования негативного этнического стереотипа⁶ с помощью упоминания этничности в криминальной хронике стал очевидным даже для парламентариев, собравшихся такое упоминание запретить законодательно⁷.

Во-вторых, ориентируясь на опыт предыдущих этапов исследования, мы решили исключить из наблюдений ежедневные информационные программы (кроме программы «25-й час»), в которых некорректные высказывания практически не встречались. И ошиблись. Но кто же в августе, когда формировался список программ для мониторинга, мог предположить, что через месяц в стране развернется антигрузинская кампания, и именно информационные выпуски ведущих каналов страны станут основными ее проводниками!

Что же касается «25-го часа», то по техническим причинам нам пришлось отказаться от мониторинга интервью с приглашенными в нее экспертами, значительная часть которых и содержала язык вражды, и использовать **неполные** тексты программы, размещенные на веб-сайте телеканала⁸. Таким образом, реальный вклад этой программы в «копилку» языка вражды был существенно выше, чем это отражено в нынешнем исследовании.

Итак, в список исследуемых изданий и программ вошли 1 ежедневная и 7 еженедельных телепрограмм; 8 ежедневных и 5 еженедельных газет – всего 21 издание и телепередача. Хотя это количественно

⁶ Кожевникова Г. Криминальная хроника и формирование этнических стереотипов // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2005. 21 декабря (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/69116B5>).

⁷ «Единая Россия» намерена ввести законодательный запрет на упоминание национальности в криминальной хронике // Там же. 2006. 26 сентября (<http://xeno.sova-center.ru/89CCE27/89CD2B5/800F67D>); Мосгордума поддержала законопроект о запрете упоминания этничности в криминальной хронике // Там же. 2006. 19 декабря (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/86FB5B9>).

⁸ Подробнее об этом см. раздел «Подлог и недосказанность как искусство пропаганды».

несколько больше, чем было в предыдущие годы⁹, объем материала сопоставим с предыдущими этапами исследования.

Газеты:

Ежедневные:

1. Комсомольская правда;
2. Московский комсомолец;
3. Твой день (бывшая газета «Жизнь»);
4. Газета;
5. Известия;
6. Новые Известия;
7. Время новостей;
8. Независимая газета.

Еженедельные:

9. Русский курьер;
10. Литературная газета;
11. Аргументы и факты;
12. Жизнь за всю неделю (еженедельный выпуск бывшей газеты «Жизнь»);
13. Россия.

Телепрограммы:

Ежедневная:

1. 25-й час (ТВ-Центр).

Еженедельные:

2. Программа Максимум (НТВ);
3. Судите сами (Первый канал);
4. К барьеру (НТВ);
5. Постскрипtum (ТВ-Центр);
6. Вести недели («Россия»);
7. Неделя (РЕН-ТВ);
8. Русский взгляд (Московия).

⁹ В 2005 году в мониторинге было задействовано 19 наименований газет и передач, в 2004 – 18, в 2003 – 20.

Общие результаты

Всего за период исследования в таблицу было внесено 528 записей, которые распределились по отношению авторов публикаций к языку вражды следующим образом:

	Поддержка		Нейтрально		Осуждение		Всего
	Записей	%	Записей	%	Записей	%	
Всего	321	60,8	127	24,05	80	15,15	528
В том числе обсуждение ЯВ ¹⁰	5	18,52	4	14,81	18	66,67	27

Это чуть больше общего количества отмеченных публикаций, поскольку на некоторые статьи приходилось заводить по несколько записей (запись заводится на каждую новую пару вид—объект языка вражды). Если сравнивать количество языка вражды и его динамику с предыдущими этапами мониторинга, можно увидеть следующее:

Годы ¹¹	1 месяц	2 месяц	3 месяц	4 месяц	Всего
2002	368	195	103	100	766
2003 ¹²	185	232	173	158	748
2004	175	—	—	—	214 ¹³
2005	94	99	—	—	193
2006	156	178	105	89	528

Из этой таблицы можно увидеть, что язык вражды фактически вернулся на уровень 2002 года — времени стремительного подъема

¹⁰ Здесь и далее в таблицах будет использоваться сокращение ЯВ — язык вражды.

¹¹ Для краткости здесь и далее в таблицах этапы исследования мы обозначаем годом начала каждого этапа.

¹² Данные приводятся только по федеральным СМИ.

¹³ Мониторинг длился 6 недель.

ксенофобной агрессии в российских СМИ¹⁴. И связано это не только с существенным ростом числа ксенофобных публикаций, но и с корректировкой методики — включением в список объектов понятия «мигрант», ставшего абсолютно «этническим». Именно этот объект дал почти половину прироста некорректных высказываний по отношению к прошлому году. Это не стало неожиданностью: события в Кондопоге, антигрузинская и антимигрантская кампании, пришедшие на осень 2006 года, были основными провоцирующими факторами роста языка вражды (что видно и по помесечной динамике).

Стоит отметить, что наши мониторы порой подходили к проявлениям языка вражды более «терпимо», нежели сами представители журналистского сообщества. Во-первых, мы по-прежнему не учитываем указание гражданства участника криминального эпизода как проявление языка вражды, хотя и в обществе, и в журналистской среде все более и более очевидна максимальная этнизация гражданской принадлежности человека. Более того, в случае, если реальная этническая принадлежность участника криминального эпизода не совпадает с его «этническим» гражданством, журналист считает обязанным это подчеркнуть: *«адвокат гражданина России, грузина по национальности»¹⁵, «шайкой фальшивомонетчиков руководили перебравшиеся в Россию жители Грузии Гарибов и Мамедов (оба — азербайджанцы по национальности)»¹⁶.*

Впрочем, иногда из этого правила (не считать упоминание гражданства проявлением языка вражды) делались исключения — когда криминальный сюжет навязчиво повторялся в нескольких публикациях одного выпуска с использованием различной лексики, как например, это было в случае газеты «Твой день», когда в один день на соседних полосах она умудрилась опубликовать четыре (!) заметки, содержащие язык вражды, на «криминально-грузинскую тему», в которых фигурировали «грузинская диаспора», «грузинские криминальные авторитеты» и «грузино-абхазские головорезы». Причем в двух из четырех заметок описывался один и тот же эпизод.

¹⁴ Напомним, что высокие показатели языка вражды сентября 2004 года связаны с терактом в Беслане: после первых недель тогда был отмечен резкий спад некорректных высказываний — примерно вдвое, по сравнению с сентябрем, и закрепление на этом, более низком, уровне. См. об этом: Кожевникова Г. Язык вражды после Беслана: поиски врага и ответственность журналистов // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2004. 8 декабря (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/492BB55>).

¹⁵ Берсенева Анастасия. Оса ужалила мафию // Новые Известия. 2006. 24 ноября.

¹⁶ Фальшивомонетчики удивили милиционеров ручной работой // МК. 2006. 18 октября.

Не отмечались как проявления языка вражды упоминания о том, что «чеченская диаспора выдала подозреваемых в убийстве кондопожан», хотя мы в целом вполне солидарны с высказыванием по этому поводу колумниста газеты «Твой день» Леонида Шахова, который считает, что рассуждения о выдаче/невываде «диаспорой» подозреваемых формируют образ этнической группы, не желающей жить по законам¹⁷.

Кроме того, языком вражды мы не считали высказывания, свидетельствующие о стремлении навязать свой стиль жизни людям, придерживающимся иных правил. Например, рассуждения о том, что исламофобия исчезнет, как только ее носитель выпьет водки с мусульманином, или репортаж о возвращении из Афганистана в Россию принявшего ислам советского военнопленного с женой и ребенком. В последнем мать солдата говорит о том, что ничего страшного в «афганской» семье сына нет: «Когда придет, перекрестим, дадим русские имена»¹⁸.

Мы отдаем себе отчет в том, что нашей методикой охватываются не все проявления интолерантности. Но даже при таком «лояльном» подходе мы наблюдаем существенный рост количества языка вражды по сравнению с прошлым годом.

Отметим и еще один параметр, оценка которого позволяет говорить о том, что нынешняя ситуация сопоставима именно с 2002 годом, — уровень осуждения журналистами языка вражды.

Осуждение ЯВ:	2001	2002	2003	2004	2005	2006
	33,30 %	15,55	9,3	20,47	22,2	15,15 %

15 % осуждения языка вражды в последнем мониторинге включают значительное количество публикаций, критикующих антигрузинские публикации других изданий, что значительно повысило уровень осуждения ксенофобных высказываний. Но антигрузинская кампания не была принята существенной частью россиян (и СМИ в последние годы не выделяли «грузин» как врагов¹⁹), что и создало относительно редкую

¹⁷ Шахов Леонид. Черно-белая жизнь // Жизнь за всю неделю. 2006. 13 сентября.

¹⁸ Балыкова Наталья. Мусульманин // Твой день. 2006. 9 ноября. Отметим, что название репортажа, вероятно, сознательно отсылает читателя к знаменитому одноименному фильму Владимира Хотиненко, в котором воспроизводится идентичная ситуация неприятия «чужих» ценностей.

¹⁹ Например, в 2005 году на «иных уроженцев Кавказа и Закавказья» — объект, включающий и грузин в том числе, — пришлось всего 4 некорректных высказывания, в 2004 — 5, 2003 — 49 (и в основном это были не грузины).

ситуацию широкой дискуссии. И даже несмотря на относительное неприятие антигрузинской кампании, можно констатировать, что за вычетом избирательной кампании 2003 года мы имеем самый низкий за все время исследования уровень критического отношения журналистов к интолерантным высказываниям.

Источники

На этом этапе мониторинга, в отличие от прежних лет, нам не встретилось СМИ, в котором мы бы не нашли примеров языка вражды.

Источники в таблице расположены в порядке убывания суммарного количества языка вражды.

Источники:	Поддержка		Нейтрально		Суммарно		Осуждение		Всего	
	Количество	В % по категории ²⁰	Количество	В % по категории	Количество	В % по категории	Количество	В % по категории	Количество	В %
<i>Газеты</i>										
Комсомольская правда	88	27,41	13	10,24	101	22,54	7	8,75	108	20,45
Московский комсомолец	61	19	18	14,17	79	17,63	10	12,5	89	16,86
Твой день	35	10,9	18	14,17	53	11,83	3	3,75	56	10,61
Известия	18	5,61	9	7,09	27	6,03	8	10	35	6,63
Газета	12	3,74	13	10,24	25	5,58	19	23,75	44	8,33
Новые Известия	4	1,25	13	10,24	17	3,79	12	15	29	5,49
Время новостей	9	2,8	8	6,3	17	3,79	8	10	25	4,73

²⁰ Здесь и далее выражение «в % по категории» означает, что проценты показывают распределение по столбцу слева. То есть сумма этих процентов дает 100.

Источники:	Поддержка		Нейтрально		Суммарно		Осуждение		Всего	
	Количество	В % по категориям ²⁰	Количество	В % по категориям	Количество	В % по категориям	Количество	В % по категориям	Количество	В %
Русский курьер	14	4,36	2	1,58	16	3,57	1	1,25	17	3,22
Независимая газета	4	1,25	9	7,09	13	2,9	5	6,25	18	3,41
Литературная газета	9	2,8	3	2,36	12	2,68	0	0	12	2,27
Аргументы и факты	11	3,43	1	0,79	12	2,68	0	0	12	2,27
<i>Телепрограммы</i>										
Русский взгляд	20	6,23	5	3,94	25	5,58	0	0	25	4,73
Программа Максимум	0	0	9	7,09	9	2,01	0	0	9	1,71
Судите сами	9	2,8	0	0	9	2,01	0	0	9	1,71
25-й час	8	2,49	0	0	8	1,79	0	0	8	1,52
Россия	7	2,18	0	0	7	1,56	1	1,25	8	1,52
К барьеру!	5	1,56	1	0,79	6	1,34	1	1,25	7	1,33
Постскриптум	4	1,25	2	1,57	6	1,34	0	0	6	1,14
Вести недели	2	0,62	3	2,36	5	1,12	0	0	5	0,95
Жизнь за всю неделю	1	0,31	0	0	1	0,22	4	5	5	0,95
Неделя, РЕН-ТВ	0	0	0	0	0	0	1	1,25	1	0,19
Всего	321	100	127	100	448	100	80	100	528	100

Осуждение языка вражды

Источники:	Осуждение	В % ²¹
<i>Газеты</i>		
Жизнь за всю неделю	4	80
Газета	19	43,18
Новые Известия	12	41,38
Время новостей	8	32
Независимая газета	5	27,78
Известия	8	22,86
К барьеру!	1	14,29
Россия	1	12,5
Московский комсомолец	10	11,24
Комсомольская правда	7	6,48
Русский курьер	1	5,88
Твой день	3	5,36
Литературная газета	0	0
Аргументы и факты	0	0
<i>Телепрограммы</i>		
Неделя, РЕН-ТВ	1	100
Русский взгляд	0	0

²¹ За 100 % принимается общее количество негативных высказываний в данном СМИ.

Источники:	Осуждение	В %
Программа Максимум	0	0
Судите сами	0	0
25-й час	0	0
Постскриптум	0	0
Вести недели	0	0
Всего	80	15,15

Телевидение

Формально доля «телевизионного» языка вражды мало изменилась и даже немного снизилась по сравнению с предыдущими этапами мониторинга.

	2002	2004	2005	2006
От общего количества	13,1	5,1	15,5	13,26
Суммарный показатель	11,2	6,3	15,5	12,88

Как мы уже упоминали, реальный уровень «телевизионного» языка вражды несколько выше. Среди причин того, что в нынешнем мониторинге цифры занижены, хотелось бы отметить следующее. К сожалению, нынешняя методика мониторинга языка вражды не позволяет в полной мере учитывать «телевизионный» эффект — то есть совокупность влияния аудиовизуального ряда телерепортажа. Ранее, однако, это не казалось нам непреодолимым препятствием: общая тональность информационных передач — а именно они составляли значительную часть телепрограмм, включенных в мониторинг — не носила ярко выраженной эмоциональной окраски, и этот изъян методики влиял на результаты незначительно.

Однако к началу нынешнего этапа произошли существенные изменения. Главным из них, повлекшим за собой все остальное, стала

замена сообщений о расистских нападениях, сопровождаемых кадрами с места происшествия и фактически сделанных в жанре нейтральной криминальной хроники, на полноценные «антискинхедские» сюжеты. Очередное расистское нападение являлось в них лишь поводом порассуждать об опасности ксенофобии в России. Эти сюжеты были гораздо длиннее, чем обычный криминальный репортаж, — отсюда возникла проблема хронометража и оценки «удельного веса» сюжета во всем информационном выпуске. Кроме того, такие сюжеты носили не информационный, а скорее «просветительский» (вернее, пропагандистский) характер. «Просвещение» вылилось в популяризацию видеозаписей сцен скинхедского насилия, ранее распространенных только в узком кругу посетителей неонацистских сайтов, — и это создало для нас проблему оценки агрессивности сюжета.

О неумении телевидения освещать проблему радикального национализма мы неоднократно говорили в последние два года. Исключение здесь составляли сюжеты РЕН-ТВ. Так же, как и остальные сюжеты на «скинхедскую» тему, они вызвали много вопросов, однако журналисты этого канала, по крайней мере, всегда недвусмысленно высказывали свое неприятие того, что показывали в репортажах.

С течением времени ситуация не только не улучшилась, но и продолжает ухудшаться. Зачастую репортажи о движении скинхедов выглядят как плохо скрытая реклама неонацистов, популяризация неонацистской эстетики. Положения не спасает даже закадровый комментарий авторов сюжетов. Это несоответствие реального эффекта телесюжета и текста комментария стало очевидным именно в 2006 году²², и нынешняя методика не позволяет оценить долю каждого из таких сюжетов в общем количестве записей.

В качестве наиболее наглядного примера, на наш взгляд, следует привести сюжет программы «Максимум» о движении праворадикалов. 15-минутный репортаж о российских неонацистах вышел в эфире НТВ 16 сентября 2006 г. По всем оценкам, он был похож на рекламный неонацистский ролик: в нем были показаны лидеры наиболее одиозных неонацистских объединений России, продемонстрированы кадры неонацистских нападений, прозвучали рассуждения о «здоровом» и «нездоровом» национализме и расизме, были показаны военно-спортивные тренировки неонацистов. При этом авторы сюжета не высказывали никакого внятного отношения к персонажам своего сюжета. Передача

²² Кожевникова Г. Скинхед телевизионный // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 15 мая (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/7502623>).

была по достоинству оценена российскими неонацистами — вот лишь несколько их оценок: «На НТВ вышла передача, которая просто поразила меня своим позитивным настроем по отношению к НС!»; «Молодцы только НТВ... программа "Максимум"... они единственные не побоялись в этот день осветить движение НСО»; «...Получился редкостный драйв, вызывающий прилив адреналина и желание действовать, а не сидеть на месте... Что сказать в завершение? Сюжет получился такой органичный и цельный, что, похоже, журналисты сами прониклись симпатией к соратникам НСО»²³. Это не помешало НТВ повторить сюжет в итоговой программе 30 декабря 2006 г. Очевидно, что эффект этого сюжета, дважды повторенного и неоднократно анонсированного (что также не фиксирует наша методика мониторинга), его вклад в ксенофобную картину мира, формируемую российским телевидением, гораздо выше, чем, например, десяток некорректных упоминаний этничности в криминальной хронике. Однако оценить это в рамках нынешней методики не представляется возможным.

Отметим еще одну особенность «телевизионного» языка вражды — мы практически не встречаем его осуждения со стороны автора сюжета. Конечно, здесь есть некоторая специфика жанра, но вряд ли подчеркнутая «нейтральность» должна достигать столь высоких показателей.

Газеты

А вот в ситуации с печатными СМИ по сравнению с предыдущим годом практически ничего не изменилось, кроме уже отмеченного выше количественного роста ксенофобных проявлений.

По-прежнему лидируют «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец», собрав на двоих 37 % от общего количества всех некорректных публикаций и 34 % от публикаций, в которых язык вражды не осуждается автором (в 2005 году эти показатели были 34 % и 30,1 % соответственно). «МК» и «Комсомолка» уже три года лидируют в нашей выборке СМИ, да и до этого, в 2002—2003 годах, они были в первой тройке этого нелестного лидерства.

При этом главный редактор «МК» Павел Гусев, будучи председателем Комиссии Общественной палаты по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, в 2006 году неоднократно призывал СМИ к толерантности, и даже инициировал в мае 2006 года обращение к коллегам с призывом не допускать в эфир и на страницы газет «политических авантюристов и

лиц, проповедующих расовую, этническую, религиозную вражду, ненависть и насилие»²⁴. Обращение подписал и Владимир Сунгоркин, главный редактор «Комсомольской правды». Однако эти призывы и инициативы никак не повлияли на ситуацию в подведомственных им изданиях, и столь откровенный цинизм ситуации дискредитировал в целом позитивную общественную инициативу.

Третье место, как и в прошлом году, занимает газета «Твой день» (бывшая «Жизнь»). Однако вместе с названием в ней изменилась и структура языка вражды. Если годом ранее весь язык вражды в газете состоял исключительно в публикации комиксов, иллюстрирующих анекдоты (даже, кстати, не «этнические»), где персонажи изображались украинцами, то на этот раз анекдоты составили лишь 1/7 часть ксенофобных публикаций, а основной массив составило немотивированное упоминание этничности в криминальной хронике. Осуждение языка вражды в этом издании встречается только в статьях, самой темой которых является участие СМИ в формировании ксенофобных стереотипов.

Одновременно стоит, на наш взгляд, отметить довольно значительное снижение количества не осуждаемого языка вражды в «Известиях» и «Газете» (с 9,3 % по каждому из изданий в 2005 году до 6 и 5,6 % в 2006 году соответственно).

И вновь, возвращаясь к теме некорректного отношения журналистов к языку вражды, отметим, что в наибольшей степени, по сравнению с прошлым годом, «уровень критичности» упал во все той же лидирующей практически по всем негативным показателям «Комсомольской правде» (с 14,3 до 6,5 %) и, что несколько неожиданно, в «Независимой газете» (с 44,4 до 27,8 %).

Субъекты языка вражды

Традиционно при анализе некорректных высказываний мы рассматриваем случаи, когда субъектом языка вражды является не автор статьи, а кто-либо другой, чье высказывание лишь транслируется. В силу жанровой структуры СМИ самым массовым субъектом языка вражды, конечно, все равно остается журналист, но если исключить из общего количества некорректных высказываний те, которые принадлежат собственно журналистам, получим следующую картину (за 100 % принято общее количество субъектов языка вражды — 579).

²⁴ Главные редакторы призвали себя к толерантности // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 5 мая (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/743062F>).

²³ НС — национал-социалисты; НСО — Национал-социалистическое общество. Отзывы взяты с праворадикальных сайтов и форумов.

	Суммарно		Осуждение		Всего	
	Записей	В %	Записей	В %	Записей	В %
Политик	22	3,8	10	1,73	32	5,53
Чиновник	10	1,73	2	0,34	12	2,07
Представитель правоохранительных органов	17	2,94	6	1,04	23	3,97
Военный	2	0,34	0	0	2	0,34
Художник, фотограф	17	2,94	0	0	17	2,94
Эксперт	13	2,24	1	0,17	14	2,42
Рядовой гражданин	95	16,41	30	5,18	125	21,59
Религиозный деятель	8	1,38	1	0,17	9	1,55
Деятель культуры	13	2,24	2	0,34	15	2,59
Общественный деятель	17	2,94	7	1,21	24	4,14

Доля «журналистского» языка вражды, по сравнению с прошлым годом существенно выросла – с 40 до 52 %, приблизившись к показателям предыдущих лет (в 2004 и 2003 годах она составляла 56 %, в 2002 – 55 %). Кстати, возможно, этим и объясняется столь низкий уровень осуждения языка вражды, который мы отметили выше, – свои ошибки, в отличие от чужих, реже замечают и признают.

Зато довольно неожиданно снижение доли «рядового гражданина» – 21,6 % от общего количества высказываний: это меньше показателей не только предыдущего мониторинга (30,7 %), который был скорее исключением из правил, но и всех мониторингов, за исключением самого первого (доля «рядового гражданина» составляла в 2002 и 2003 годах 27 %, в 2004 году – 24,3 %). Объяснить этого снижения мы не можем.

Кроме того, отметим возрастание роли иллюстративного материала в повышении агрессивности публикации (который так же, как и усредненные высказывания «рядового гражданина», отражает скорее позицию

редакции издания). Раньше некорректные иллюстрации сводилась к карикатурам, теперь же мы видим гораздо большее разнообразие. Это и фотографии, находящиеся в откровенном противоречии с пафосом статьи, и диссонирующие с текстом публикации диаграммы и рисунки.

То, что подобные иллюстрации искажают восприятие текста, смещают его в сторону «этнического», доказывает пример дискуссии одной из читательниц с авторами «Комсомольской правды». 13 сентября газета опубликовала выдержки из стенограммы круглого стола на тему «Почему москвичи не любят приезжих». В целом вполне сбалансированная публикация сопровождалась, в частности, диаграммой «Граждане каких стран СНГ совершают больше всего преступлений в столице», иллюстрировавшей выступление на круглом столе представителя Академии МВД России Виктора Гладких. Сам В. Гладких подчеркивает, что речь идет о четверти всех привлеченных к ответственности за совершенные преступления: *«Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности, приезжие составляют 46,2%! Половина из них – наше ближнее зарубежье»*. Приведенная же диаграмма (проиллюстрированная, кстати, коллажем из гильз, наручников и пистолета) указывала лишь общее количество преступлений, совершенных гражданами стран «ближнего зарубежья», а не их удельный вес в общей картине московской преступности, и таким образом подталкивала читателя к выводу о «разгуле иностранной преступности» в городе. Поэтому неудивительно, что вскоре в редакцию поступило возмущенное письмо читательницы: *«Прочла ваш “круглый стол”... и удивилась: неужели в Москве преступления совершают только украинцы да кавказцы? А сами москвичи? А приезжие из других российских городов? Странная у вас борьба с ксенофобией получается!»* Совершенно очевидно, что именно иллюстрация, а не текст повлияли на восприятие читателя. Газете пришлось оправдываться²⁵.

Мы не говорим уже о случаях, прямо нарушающих закон, как например, это было в публикации газеты «Твой день», где криминальная хроника была проиллюстрирована фотографиями несовершеннолетних²⁶.

Говоря об изобразительном ряде, сопровождающем публикации, нельзя не упомянуть и еще один нюанс. Иногда статьи, посвященные проблемам ксенофобии в России и призванные вызвать сочувствие к жертвам расистского и неонацистского насилия, сопровождаются иллюстрациями, оскорбительными для этих самых жертв. Так, например, в репортаже о покушении на антифашиста, произошедшем 22 декабря 2006 г. (тогда

²⁵ Подробнее об этом см.: Преступность: осторожнее со статистикой и иллюстрациями // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 13 сентября.

²⁶ В Москве орудует банда 12-летних беременных цыганок // Твой день. 2006. 21 декабря.

при взрыве самодельного взрывного устройства пострадали пять милиционеров), «Комсомольская правда» отмечает, что рядом со взрывчаткой была «табличка с надписью о том, что в такой-то квартире “живут черн... ха...”. Не будем цитировать эту хамскую надпись целиком»²⁷, — добавляют журналисты. А вот «Московский комсомолец» цитировать не стал — просто опубликовал фотографию таблички²⁸.

Традиционно, другие субъекты языка вражды мы объединили в группы, которые условно определили как «государство» и «общество». «Государство» (в лице чиновника, военного и сотрудника правоохранительных органов) дает нам в сумме лишь 37 высказываний, а «общество» (общественный и религиозный деятели, эксперт и деятель культуры) — 62 (политических деятелей мы, как и прежде, из сравнения исключаем, так как они могут быть отнесены и к «государству», и к «обществу»).

Соотношение «государство/общество», которое оставалось примерно одинаковым на протяжении последних лет, в 2006 году довольно существенно изменилось.

	2001		2002		2003		2004		2005		2006	
	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %
Государство	22	26,8	43	22,3	45	28,8	10	28,57	9	27,27	37	37,37
Общество	60	73,2	150	77,7	111	71,2	25	71,43	24	72,73	62	62,63

Конечно, «общество» остается основным производителем языка вражды, но соотношение между ним и «государством» на этом этапе заметно изменилось — чиновники явно перестают следить за своей риторикой, сознательно или неосознанно доводя до зрителей и читателей свои ксенофобные идеи и представления.

В качестве примеров здесь можно привести высказывания двух высокопоставленных представителей государства. Глава Карелии Сергей Катанандов заявил, что «главной причиной (беспорядков в Кондопоге — Г.К.) стало то, что на наших глазах группа представителей другого народа вела себя дерзко и вызывающе, игнорируя менталитет нашего народа»²⁹, разделив

²⁷ Алмакаев Кирилл, Сергеева Марина. Скинхеды устроили взрыв в жилом доме в Москве // Комсомольская правда. 2006. 23 декабря.

²⁸ Каралова Мила, Захарова Дарья. Нацисты попали в милицию // Московский комсомолец. 2006. 25 декабря.

²⁹ Здесь и далее выделено нами.

таким образом жителей города, граждан России на «наш народ» и «другой народ». Заместитель директора Федеральной миграционной службы (ФМС) генерал Вячеслав Поставнин прокомментировал постановление правительства, запрещающее работу иностранцев в некоторых секторах торговли, так: «Компактное проживание в каком-то районе страны или региона граждан другого гражданства не должно превышать 17–20 %, особенно если они другой национальной культуры и вероисповедания. Превышение этой нормы создает дискомфорт для коренного населения». Более того, на следующий день генерал уточнил свою позицию. Его разъяснения, данные «Московским новостям»³⁰ и «Московскому комсомольцу», показали, что вопрос «комфортности» рассматривается им именно в аспекте «культурного расизма»: «Гражданство в этом смысле не играет той роли, которую играют этническая принадлежность или культурные различия. Конфликт в Кондопоге или другом населенном пункте мог вспыхнуть и в случае, если бы туда приехала на постоянное жительство большая группа американцев или дагестанцев, у которых могла возникнуть культурно-религиозная дистанцированность от местного населения».

Ни в том, ни в другом случае журналисты никак не отреагировали на эти заявления. Да и вообще уровень осуждения как «государственного», так и «общественного» языка вражды, отмеченный в ходе нынешнего этапа исследования, крайне низок — самый низкий за все годы наблюдения.

Впрочем, к высказываниям чиновников журналисты по-прежнему относятся более критично, нежели к высказываниям представителей общества, и это не может не радовать: ведь ксенофобная позиция, выраженная человеком, облеченным властью, по своим последствиям, как правило, гораздо более опасна, нежели высказывания писателя или эксперта. Ситуация 2005 года, когда журналисты осуждали «государство» за язык вражды на треть реже, чем «общество», тенденцией не стала.

Уровень осуждения языка вражды

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Государство	31,8 %	34,9 %	17,8 % ³¹	33,3 %	42,8 %	21,6 %
Общество	19,7 %	28 %	24,32 %	29 %	60 %	17,8 %

³⁰ Газета не включена в данный мониторинг.

³¹ Здесь низкий уровень осуждения был связан с избирательной кампанией и большой долей скрытой и явной политической рекламы представителей «Единой России», которые, будучи представителями государства, претендовали на депутатские мандаты.

Что же касается некорректных высказываний политиков, то здесь, как и прежде, все довольно неопределенно. Сами политики, за исключением наиболее одиозных персонажей, стараются высказываться аккуратно: их вклад в нынешний мониторинг — чуть выше 5 %, и это соответствует обычным показателям (за исключением 2005 года, где 9 % языка вражды «от политиков» были связаны с выборами в Мосгордуму). То же можно сказать и об осуждении этих высказываний журналистами. В 2006 году оно составило 31 %, после всплеска 2005 года (67 %) ³². Впрочем, как и по отношению к другим высказываниям, нынешняя доля осуждения — самая низкая за все время мониторинга ³³. По-прежнему среди осуждаемых высказываний мы не видим тех, которые были допущены членами «Единой России». Но не в последнюю очередь низкая доля осуждения связана с тем, что большая доля некорректных высказываний политиков приходится на телевизионные ток-шоу, где ведущий не всегда заинтересован в выражении своего отношения к некорректным высказываниям. Причем телеканалы приглашали не только относительно умеренного Сергея Бабурина, но и одиозных Николая Курьяновича или Николая Павлова.

Виды языка вражды

Как и прежде, в таблицах мы выделяем значения, большие 20, и проценты, большие 5.

Для удобства мы удаляем из таблицы нулевые строки. На этот раз в нее не вошли два вида языка вражды — «оправдание исторических случаев насилия и дискриминации» и «цитирование без комментариев».

Абсолютные значения

Вид ЯВ	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
Призывы к насилию	1	11	12	11	23
Призывы к дискриминации	23	10	33	12	45

³² Что также было связано с выборами в Мосгордуму и активным осуждением предвыборной националистической риторики партии «Родина».

³³ Доля осуждения некорректных высказываний политиков в 2001–2004 годах находилась в диапазоне 35–44 %.

Вид ЯВ	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
Завуалированные призывы к насилию и дискриминации	18	11	29	13	42
Создание негативного образа группы	25	10	35	5	40
Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации	0	1	1	0	1
Утверждения о неполноценности	11	3	14	1	15
Утверждения об исторических преступлениях группы	2	1	3	1	4
Утверждения о криминальности группы	81	17	98	11	109
Утверждения о моральных недостатках	51	13	64	1	65
Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы	20	7	27	3	30
Обвинение в негативном влиянии	8	3	11	3	14
Упоминание в унижительном или оскорбительном контексте	128	38	166	18	184
Призывы не допустить закрепления в регионе	14	11	25	6	31
Обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии	11	6	17	4	21
Отрицание гражданства	14	7	21	3	24
Всего	407	149	556	92	648

Процентное соотношение

Вид ЯВ	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
Призывы к насилию	0,25	7,38	2,16	11,96	3,55
Призывы к дискриминации	5,65	6,71	5,93	13,04	6,94
Завуалированные призывы к насилию и дискриминации	4,42	7,38	5,22	14,13	6,48
Создание негативного образа группы	6,14	6,71	6,29	5,43	6,17
Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации	0	0,67	0,18	0	0,15
Утверждения о неполноценности	2,70	2,01	2,52	1,09	2,31
Утверждения об исторических преступлениях группы	0,49	0,67	0,54	1,09	0,62
Утверждения о криминальности группы	19,9	11,41	17,63	11,96	16,82
Утверждения о моральных недостатках	12,53	8,72	11,51	1,09	10,03
Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы	4,91	4,7	4,86	3,26	4,63
Обвинение в негативном влиянии	1,97	2,01	1,98	3,26	2,16
Упоминание в унижительном или оскорбительном контексте	31,45	25,5	29,86	19,57	28,4
призывы не допустить закрепления в регионе	3,44	7,38	4,5	6,52	4,78

Вид ЯВ	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии	2,7	4,03	3,06	4,35	3,24
отрицание гражданства	3,44	4,7	3,78	3,261	3,70
Всего	100	100	100	100	100

В распределении языка вражды по видам по сравнению с предыдущим годом произошли существенные изменения.

«Упоминание в унижительном контексте», в основном сводящееся к немотивированному подчеркиванию этничности участников криминального эпизода, сохранило свою лидирующую позицию, остающуюся неизменной с 2002 года, но доля этого вида языка вражды в общем количестве негативных высказываний снизилась с 32,5–38,5 % в предыдущие годы до 28,4 % в последнем мониторинге. То же происходит и с «суммарным показателем» – на нынешнем этапе он составил 29,86 % от общего количества высказываний, не осуждаемых журналистами, тогда как в предыдущие годы колебался в диапазоне от 34,4 до 45,1 %.

Именно этот вид языка вражды, по нашему мнению, является прямым инструментом формирования негативных этнических стереотипов в СМИ. Уменьшение интенсивности его использования при отсутствии других изменений, отмеченных на нынешнем этапе мониторинга, могло бы порадовать. Но мы отмечаем лишь уменьшение процентной доли этого вида языка вражды; в сочетании с общим ростом количества негативных высказываний оно означает, что эта, относительно мягкая, форма языка вражды уменьшается за счет более жестких форм (см. также ниже). Так что происходящее перераспределение является скорее негативным явлением.

Отметим и другое. Этот вид языка вражды традиционно является наименее осуждаемым журналистами – ведь его основную массу составляет безоценочная (преимущественно анонимная) криминальная хроника, журналистские оговорки или ложно понятая журналистами

политкорректность. Например, в серии репортажей «Комсомольской правды» о краже у Филиппа Киркорова: газета четырежды возвращалась к этому сюжету и трижды не забывала напомнить читателям, что участницей криминального эпизода была «цыганка», а затем, видимо, для «восстановления справедливости», сообщила, что воровка «не цыганка, как сообщалось ранее, а татарка». Зачем вообще нужно было сообщать этническую принадлежность задержанной, журналисты даже не задумываются. Однако при низком уровне критичности по отношению к подобным высказываниям на этот раз мы ожидали некоторых изменений. Ожидания эти были связаны с инициативной «Единой России» о запрете упоминания этничности в криминальной хронике, выдвинутой, напомним, дважды – в сентябре и декабре 2006 года. О дискуссии вокруг этого предложения мы скажем ниже, здесь же отметим, хотя уровень осуждения «унизительного контекста» немного вырос по сравнению с предыдущими годами (в 2006 году он составил 9,78 % от высказываний этого типа, в 2003–2005 годах находился в диапазоне 7,1–8,6 %, а вот в 2002 году был выше – 10,8 %), но отнюдь не благодаря единороссовской инициативе. Довольно активное обсуждение законопроекта **никак** не повлияло на уровень критичности к подобным высказываниям, а имеющийся незначительный рост связан с целой серией публикаций, отразивших возмущение антигрузинской кампанией.

Второе место среди видов языка вражды на этот раз принадлежит «утверждению криминальности группы». Основная масса высказываний о «криминальности» пришлась на сентябрь 2006 года и напрямую связана с обсуждением событий в Кондопоге. Именно в этих публикациях активно эксплуатировался образ «криминального другого народа», который, вне зависимости от гражданства, не может проживать рядом с «нашим народом». Конечно, СМИ не удалось обойти навязчивый «антигрузинский» поток, однако с самого начала большинство СМИ (за исключением трех газет-лидеров – «Комсомолки», «МК» и «Твоего дня») заявляли, или, по крайней мере, ясно давали понять своим читателям, что рассматривают его как целенаправленную и некорректную антигрузинскую пропаганду. И публикации, в которых было явно выражено негативное отношение к антигрузинской кампании, а публикуемая криминальная хроника сопровождалась скептическим комментарием («образцово-показательная атака на выходцев и граждан Грузии», «второй грузинский фронт»³⁴ и т.п.), как язык вражды нами не рассматривались.

³⁴ Карачева Екатерина, Ломовцев Эдуард, Пауков Виктор. Второй грузинский фронт // Время новостей. 2006. 4 октября.

Ведь в этом случае без упоминания «грузин» терялся бы смысл критики пропагандистской кампании.

Третье место в нынешнем мониторинге приходится на «утверждения о моральных недостатках» (10 %), а четвертое – на «создание негативного образа» (6,2 %). Напомним, последний вид языка вражды является самым неопределенным, когда желание уязвить «чужого» проявляется не в конкретных обвинениях, а передается общей тональностью текста. Порой в стремлении хоть как-то задеть объект неприязни встречаются довольно забавные вещи. Вот, например, Андрей Добров, ведущий программы «Русский взгляд», рекламирует сериал «Тихий Дон»: «Горькая ирония судьбы в том, что снимался он на иностранные деньги и в главных ролях – иностранцы, люди, не понимающие, кого они играют, для кого они играют и зачем они это играют. Просто у них лица не русские, такие, европейские брахицефалы»³⁵, – завершает он рассуждение незнакомым и на слух явно очень обидным словом. Между тем «брахицефал» – вовсе не ругательство, как, вероятно, думает журналист, а антропологическое понятие, связанное с формой черепа. И, например, русские – преимущественно как раз брахицефалы.

Нынешняя четверка лидеров – довольно привычное распределение мест в наших мониторингах.

	1 место	2 место	3 место	4 место
2001	Создание негативного образа	Утверждения о неполноценности	Утверждения о криминальности	Утверждения о моральных недостатках
2002	Упоминание группы в унизительном контексте	Утверждения о моральных недостатках	Утверждения о криминальности	Утверждения о неполноценности
2003	Упоминание группы в унизительном контексте	Утверждения о моральных недостатках	Утверждения о неполноценности	Утверждения о криминальности
2004	Упоминание группы в унизительном контексте	Утверждения о криминальности	Утверждения о моральных недостатках	Создание негативного образа

³⁵ Русский взгляд. 2006. 5 ноября.

	1 место	2 место	3 место	4 место
2005	Упоминание группы в унижительном контексте	Призывы не допустить закрепления в регионе	Утверждения о моральных недостатках	Создание негативного образа
2006	Упоминание группы в унижительном контексте	Утверждения о криминальности	Утверждения о моральных недостатках	Создание негативного образа

Как позитивное изменение можно отметить, что, по сравнению с предыдущим годом, более мягкие виды – «криминальность» и «моральные недостатки» вытеснили со второго места «призывы не допустить закрепления в регионе» – антимигрантскую этнически окрашенную риторику, по существу довольно жесткую.

Но вряд ли при этом можно сказать, что жесткий язык вражды утрачивает свои позиции. Скорее, происходит изменение акцентов с одних жестких призывов на другие – при почти трехкратном сокращении «призывов не допустить закрепления в регионе» примерно во столько же раз увеличилась интенсивность явных или скрытых призывов к дискриминации³⁶.

Вид ЯВ	Призывы к насилию		Призывы к дискриминации		Завуалированные призывы к насилию и дискриминации		Призывы не допустить закрепления в регионе...	
	Кол-во	В % ³⁷	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %
2005	11	4,66	7	2,97	6	2,54	30	12,71
2006	23	3,55	45	6,94	42	6,48	31	4,78

Но еще более тревожно изменение отношения к жесткому языку вражды. В 2006 году мы отмечаем самый низкий за весь период наблюде-

³⁶ Об изменении динамики жесткого языка вражды в целом см. ниже.

³⁷ От общего количества негативных высказываний.

ний уровень журналистского осуждения подобных призывов и заявлений. Единственное исключение – отношение к завуалированным призывам к насилию и дискриминации, но связано это с тем, что в эту категорию попали критические статьи о «Русском марше-2006» с его лозунгом «Кондопога – город-герой», в неявном виде выражающем поддержку сентябрьским погромам кавказцев в Карелии.

Динамика осуждения жестких видов языка вражды по результатам всех этапов мониторинга выглядит следующим образом:

Вид ЯВ ³⁸	Призывы к насилию	Призывы к дискриминации	Призывы не допустить закрепления в регионе...	Завуалированные призывы к насилию и дискриминации
2001	80 % ³⁹	59,22 % ⁴⁰	59,03 %	24,32 %
2002	65,71 %	53,84 %	32,65 %	27,27 %
2003	52,63 %	52,38 %	13,72 %	17,64 %
2004	80 %	42,9 %	33,3 %	27,3 %
2005	72,7 %	70,3 %	60 %	66,7 %
2006	47,8 %	26,67 %	19,35 %	30,95 %

Не только статистика, но и субъективные ощущения мониторов говорят об ужесточении тональности СМИ. В некоторых изданиях уже можно определить журналистов, прямо пропагандирующих праворадикальные взгляды или, как минимум, являющихся настолько откровенными сторонниками того же Движения против нелегальной иммиграции, что в изложениях конфликтных событий они придерживаются только версии праворадикалов, намеренно искажая события. Кроме того, дискриминационная риторика официальных лиц, начиная с президента Путина, рассуждающего о необходимости защиты «коренного населения»⁴¹, и

³⁸ За 100 % принято общее количество языка вражды по этим видам.

³⁹ По сумме видов «прямые и непосредственные призывы к насилию» и «призывы к насилию в виде общих лозунгов».

⁴⁰ По сумме видов «прямые и непосредственные призывы к дискриминации» и «призывы к дискриминации в виде общих лозунгов».

⁴¹ См. об этом раздел «Подлог и недосказанность как средство пропаганды».

заканчивая уже упомянутыми рассуждениями генерала Поставнина о «20 % комфортности» или заявлениями главы Карелии Катанандова о возможности перераспределения собственности по этническому принципу («По нашим сведениям, у выходцев с Кавказа здесь всего несколько фирм. Большая часть бизнеса, основные ресурсы, магазины находятся в руках местных предпринимателей, но если это не так, то будем поправлять местную власть»⁴²), легитимирует жесткую, порой откровенно расистскую, риторику журналистов и экспертов, придавая ей «государственный» статус.

Подавляющее большинство осуждения «жестких» высказываний — это, как и ранее, репортажи об акциях праворадикалов, о расистских нападениях или судах над скинхедами, в которых приводятся лозунги нападавших. Из 42 случаев осуждения жесткого языка вражды таких 33.

Если обратиться к дополнительным материалам, использованным в «тематических» мониторингах, ситуация выглядит еще более пугающей, — и это прямой результат событий в Кондопоге. Мы заметили, что в статьях, посвященных проблеме ксенофобии в России, уровень осуждения некорректных высказываний несравнимо выше, чем в других тематических статьях — 66 % от всех отобранных публикаций в период с 1 июня 2005 г. по 31 августа 2006 г., тогда как в остальных тематических публикациях⁴³ он составляет около 25–33 % (за исключением криминальной хроники, где уровень осуждения не превышает 5 % от всех негативных высказываний). Столь высокий уровень осуждения неудивителен: ведь поводом для подобных статей, как правило, является расистское насилие или другие крайние проявления этнической или религиозной ксенофобии. «Язык вражды» в таких статьях — обычно высказывание открытое, а если завуалированное, то четко атрибутированное журналистом как некорректное. Однако Кондопога это соотношение изменила. И даже в тематическом блоке «Ксенофобия» уровень осуждения упал с 66 до 41 %. То есть даже в прямых рассуждениях о недопустимости расового насилия и этнического погрома агрессивная ксенофобия перестает быть однозначно осуждаемой, а расистское преступление прямо или косвенно начинает оправдываться «засильем инородцев».

⁴² Витебская Татьяна, Клиш Борис, Укконен Алексей. Массовые волнения в Кондопоге: Руками простых людей с кавказцами расправляется криминал? // Известия. 2006. 5 сентября.

⁴³ Имеются в виду тематические блоки, в которых есть значимая для темы подборка материалов, — «Миграция», «Террор».

Из остальных изменений, отраженных в таблице, нам кажется важным отметить резкое увеличение доли высказываний, отрицающих гражданскую принадлежность того или иного человека по этническому принципу. Это вид языка вражды был внесен в список лишь в 2005 году. И тогда он хотя и употреблялся, активно субъектами языка вражды не использовался (мы насчитали лишь 2 высказывания). Теперь же мы отмечаем резкий всплеск подобных высказываний — до 24, причем для него также характерна крайне низкая форма осуждения со стороны журналистов — именно потому, что такие высказывания, как правило, не осмыслены как некорректные. Ни журналисты, ни те, кто с ними беседует, часто не готовы признать, что гражданство России, во-первых, может принадлежать не только этническому русскому и, во-вторых, может приобретаться не только по праву рождения. Вот типичные примеры подобных высказываний: «Горожане вышли на улицу, потребовав “выселить из Кондопоги всех жителей чеченской национальности в течение 24 часов”. Кстати, аналогичные лозунги выдвигали жители Астраханской и Ростовской областей, Краснодарского края... (напомним, во всех перечисленных регионах в конфликтах участвовали граждане России⁴⁴ — Г.К.) парадокс: в положение кавказцев власть почему-то входит, а в положение своих граждан — нет, считая их, когда рванет, националистами и провокаторами»⁴⁵. «Я правильно понимаю, что призыв президента освободить российские рынки от засилья иностранцев разобьется вот об этот закон? Те же азербайджанцы просто станут россиянами, и все **останется по-прежнему?**»⁴⁶

Объекты языка вражды

Анализ данных по объектам языка вражды не принес никаких особенных неожиданностей.

Как и выше, приводим таблицу по объектам без нулевых строк. Ни разу на этом этапе мониторинга не встретились некорректные высказывания в адрес «православных», «турок-месхетинцев» и «иракцев».

⁴⁴ См. об этом: Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году // Русский национализм. Идеология и настроение. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 11–12.

⁴⁵ Семиряга Владимир. Ребята с юга // Россия. 2006. 14 сентября.

⁴⁶ Соколов-Митрич Дмитрий. По зубам ли рынок русскому торговцу // Известия. 2006. 30 октября.

Абсолютные значения

Объект ЯВ:	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
Чернокожие	3	2	5	1	6
Американцы	7	5	12	0	12
Западные европейцы	3	3	6	0	6
Евреи	3	6	9	7	16
Украинцы	13	5	18	0	18
Русские	5	3	8	5	13
Цыгане	13	5	18	0	18
Таджики	5	1	6	0	6
Китайцы	6	3	9	0	9
Вьетнамцы	2	0	2	1	3
Чеченцы	51	12	63	4	67
Армяне	8	3	11	1	12
Азербайджанцы	12	5	17	1	18
Арабы (кроме иракцев)	2	2	4	0	4
Иные народы Кавказа и Закавказья (не чеченцы, армяне или азербайджанцы)	54	19	73	11	84
Кавказцы как целое	54	25	79	13	92
Народы Азии (вне или внутри СНГ, кроме явно перечисленных)	9	3	12	1	13
Иные этнические категории	16	7	23	2	25
Общая этническая ксенофобия	40	27	67	29	96

Объект ЯВ:	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
Мусульмане	22	6	28	5	33
Католики (и униаты)	0	2	2	0	2
Новые и малочисленные религиозные группы	1	0	1	0	1
Иные религиозные категории	2	0	2	2	4
Общая религиозная ксенофобия	3	3	6	1	7
Мигранты	47	13	60	4	64
Всего	381	160	541	88	629

Процентное соотношение

Объект ЯВ:	Поддержка	Нейтральное	Суммарно	Осуждение	Всего
Чернокожие	0,79	1,25	0,92	1,14	0,95
Американцы	1,84	3,12	2,22	0	1,91
Западные европейцы	0,79	1,87	1,11	0	0,95
Евреи	0,79	3,75	1,66	7,95	2,54
Украинцы	3,41	3,12	3,33	0	2,86
Русские	1,31	1,87	1,48	5,68	2,07
Цыгане	3,41	3,12	3,33	0	2,86
Таджики	1,31	0,62	1,11	0	0,95

Китайцы	1,57	1,87	1,66	0	1,43
Вьетнамцы	0,52	0	0,37	1,14	0,48
Чеченцы	13,39	7,5	11,65	4,54	10,65
Армяне	2,1	1,87	2,03	1,14	1,91
Азербайджанцы	3,15	3,12	3,14	1,14	2,86
Арабы (кроме иракцев)	0,52	1,25	0,74	0	0,64
Иные народы Кавказа и Закавказья (не чеченцы, армяне или азербайджанцы)	14,17	11,88	13,49	12,5	13,35
Кавказцы как целое	14,17	15,63	14,6	14,77	14,63
Народы Азии (вне или внутри СНГ, кроме явно перечисленных)	2,36	1,87	2,22	1,14	2,07
Иные этнические категории	4,2	4,37	4,25	2,27	3,97
Общая этническая ксенофобия	10,5	16,88	12,38	32,95	15,26
Мусульмане	5,77	3,75	5,18	5,68	5,25
Католики (и униаты)	0	1,25	0,37	0	0,32
Новые и малочисленные религиозные группы	0,26	0	0,18	0	0,16
Иные религиозные категории	0,52	0	0,37	2,27	0,64
Общая религиозная ксенофобия	0,79	1,87	1,11	1,14	1,11
Мигранты	12,34	8,12	11,09	4,54	10,17
Всего	100	100	100	100	100

Лидирующую позицию занимает выражение «общей этнической ксенофобии» (15,3 % от общего количества высказываний). Затем следуют «кавказцы» (14,6 %) и собирательная группа «Иные народы Кавказа и Закавказья», включающая, в частности, «грузин» (13,4 %) ⁴⁷. Кроме

⁴⁷ Их 84 записей, попавших в базу данных, на «грузин» приходится 75.

этих трех групп десятипроцентный рубеж преодолели также «чеченцы» (10,67 %) и «мигранты» (10,17 %). Это не уникальная ситуация – после Беслана, например, почти такая же доля высказываний приходилась всего на четыре объекта. А учитывая все события осени, все нынешние показатели вполне объяснимы, и лишнее свидетельство тому – динамика языка вражды в отношении этих объектов.

	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Общая этническая ксенофобия	23	33	21	19	96
Кавказцы как целое	54	18	9	11	92
Иные народы Кавказа и Закавказья...	7	58	15	4	84
Чеченцы	39	13	13	4	67
Мигранты	17	23	11	13	64

Лидерство «чеченцев» и «кавказцев» в сентябре – это явный «эффект Кондопоги». При том что мы не классифицируем как язык вражды само по себе этноцентристское описание конфликта («чеченцы против русских / русские против чеченцев»), все рассуждения вокруг этого конфликта были построены столь некорректно, что и «чеченцы» и «кавказцы» все равно стали лидерами сентября, а динамика языка вражды в отношении них полностью соответствует уже неоднократно отмеченному нами «кризисному» языку вражды: всплеск, затем резкое снижение и стабилизация.

Октябрь – это период антигрузинской вакханалии в прессе, которая сошла на нет уже к середине ноября.

А вот «общая этническая ксенофобия» и «мигранты» – объекты очень стабильные, не претерпевающие резких взлетов и падений (даже Кондопога и антигрузинская кампания лишь несколько повысили уровень). Безоговорочное лидерство «общей этнической ксенофобии» и существенные показатели «мигрантов», объекта этнически окрашенного, но тоже направленного против «всех нерусских», а также крайне незначительные показатели большинства оставшихся объектов (12 из

них не преодолели даже двухпроцентного показателя) свидетельствует о все большем размывании образа врага (за исключением «кавказского»). Теперь противостояние именно «рамочному», крайне неконкретному врагу, а потому при удобном случае могушему воплотиться в любой более конкретный образ (как это случилось с «грузинами»), — главная тема рассуждений российских СМИ.

И еще одно крайне тревожное наблюдение. Ранее мы отмечали крайне низкий уровень осуждения журналистами антикавказской риторики и стабильно высокий — негативных высказываний против абстрактных «нерусских».

Теперь же картина изменяется:

Осуждение ЯВ по его объектам	2002	2003	2004	2005	2006
Общая этническая ксенофобия	31,81	28,33	57,14	52,27	30,2
Мигранты	—	—	—	—	6,25
Чеченцы	11	10,53	22,03	5,21	5,97
Кавказцы как целое	35,2	8,71	29,15	9,09	14,13
Сумма антикавказских высказываний	17,45	9,78	28,92	5,5	10,98

После двухлетнего перерыва резко снизился уровень осуждения высказываний в адрес «нерусских», хотя он по-прежнему остается одним из самых высоких. Но при этом мы видим крайне низкий уровень осуждения антимигрантской риторики. То есть если язык вражды в адрес «нерусских» примерно трети журналистов еще кажется неприличным, то при замене в некорректном высказывании «нерусского» на «мигранта», уже фактически ставшего его синонимом, это будет воспринято как должное.

Показательно, что довольно резко снизился уровень вражды в адрес «некавказских» этнических групп, которых четко ассоциируют с «мигрантами», — «таджики» и «китайцы» упоминаются втрое реже, чем год назад, реже, хотя и не в столь разительной пропорции, упоминаются и другие выходцы из стран Центральной Азии. И опять же, на наш взгляд, это связано с «уходом» этнического языка вражды в антимигрантский. Это, к сожалению, приводит к неутешительному выводу — российские

СМИ взяли на вооружение демагогию ДПНИ: «Говорим “мигрант”, подразумеваем — “нерусский”».

Уровень осуждения античеченского языка вражды остается крайне низким уже второй год. Вероятно, причин этому можно найти множество, однако нам хотелось бы упомянуть о двух.

Во-первых, образ «чеченца-врага» сформировался в СМИ уже давно⁴⁸, никаких предпосылок к его изменению нет.

Во-вторых, возможно, здесь мы видим негативный эффект цензуры. За последние полтора года информационная политика в отношении конфликта в Чечне изменена, и явно не эволюционным путем. Даже если бы не стало известно о пресловутой рекомендации СМИ изменить лексику при освещении этого конфликта (в том инструктивном письме указывалось на недопустимость ассоциаций чеченских и других боевиков с «воинами Аллаха» или «мусульманами»; предлагалось вместо слова «шахид» употреблять слова «террорист», «смертник», вместо «ваххабит» — «исламский боевик» и т.д.)⁴⁹, исчезновение этнических и религиозных терминов из тематических публикаций по Чечне стало бы очевидным даже при поверхностном взгляде на публикации из региона. Конфликт, уже достаточно этнизированный в сознании россиян, теперь пытаются представить в терминах криминально-террористических («бандиты», «боевики», «террористы», «антиправительственные силы»). Показательным в этом смысле является то, что за полтора года тематического мониторинга статей, посвященных Чечне (вернее, всех публикаций, так или иначе с Чечней связанных), нами было отмечено лишь 22 статьи, содержащие язык вражды, причем лишь 14 из них были направлены против чеченцев.

Конечно, за годы многолетнего конфликта появился опыт его относительно корректного освещения. Безусловно, присутствует и некая журналистская рефлексия (ведь недаром после крупных терактов мы отмечали, что античеченские высказывания после шоковой реакции возвращаются к минимуму, тогда как язык вражды в отношении каких-то других групп, как правило, закрепляется на более высоком уровне), но, к сожалению, у нас нет оснований думать, что эта рефлексия была бы столь эффективна без цензурного вмешательства. Более того, если при освещении конфликта в Чечне запрет на использование этнической риторики осознан, то при обсуждении других тем это осознание уже не

⁴⁸ Кожевникова Г. Язык вражды после Беслана...

⁴⁹ Цензура или этика? Государственному ТВ — государственную политкорректность // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2005. 9 ноября (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/659A02B>).

срабатывает. Скорее наоборот: уже сформировавшийся мощнейший античеченский стереотип совмещается с плохо скрытым цензурным ограничением, так что существующее ксенофобное раздражение только усиливается («а почему, в конце концов, кто-то должен быть “равнее” других?»). Это, в свою очередь, приводит к тому, что вне «чеченской темы» журналист иногда едва ли не смакует возможность оттранслировать негативное античеченское высказывание или самому упомянуть «чеченцев» в том или ином негативном контексте, а смакование априори отвергает критическое отношение к высказыванию.

По поводу остальных объектов отметим, что основную массу антиисламского языка вражды по-прежнему составляет использование слова «шахидка» (14 случаев из 33), — хотя, по субъективным ощущениям мониторов, слово постепенно начинает исчезать из употребления, вытесняясь более нейтральными «террористка», «смертница» и т.п. Удельный вес антиисламского языка вражды, по сравнению с прошлым годом, сократился с 9 до 5,25 %, но одновременно сократился и уровень осуждения подобных высказываний — с 25 до 15 %.

Интересно отметить, что вновь в качестве негативистского приема некоторые газеты воспроизводят противопоставление «агрессивные мусульмане / благостные православные». Так, например, газета «Твой день» к годовщине теракта публикует воспоминания заложников «Норд-Оста» и их родственников, которые — в пределах соседних абзацев — сообщают о том, что террористы предложили отпустить женщину, которую «приняли за “свою”»: внешне она очень похожа на мусульманку», и о том, что «прямо перед штурмом был крестный ход. Когда священник уже совершил обход, на минуту вдруг засветило солнце, ветер утих... А через несколько минут начался штурм»⁵⁰. Не хочется обижать заложников и их родственников, чьи воспоминания журналист приводит без всякого комментария. Возможно, они действительно так запомнили. Но во-первых, слухи о том, что террористы отпускают «своих», — это только слухи, их еще в 2002 году опровергли сами освобожденные и с тех пор эта версия ни разу не была реанимирована в не критичном изложении⁵¹. А во-вторых, штурм был

⁵⁰ Диденко Инна. Строкова Анна. Память «Норд-Оста» // Твой день. 2006. 27 октября.

⁵¹ Кстати, месяц спустя к сюжету об отпуске «своих» из «Норд-Оста» уже в «Российской газете» вернулся Валерий Выжutowич, рассуждая именно об опасности не критичного отношения к информации, которая может оказаться «дезой», потому что ее главный адресат — общество, которое обязательно воспримет и запомнит ксенофобную информацию. См.: Выжutowич Валерий. Разговор без повода // Российская газета. 2006. 8 декабря.

ночью и солнце выглянуть никак не могло. Почему журналист в заметке опубликовал эти воспоминания и почему, опубликовав, не счел нужным прокомментировать, остается только гадать. Но в результате совмещения двух этих сомнительных высказываний читатель получает то самое негативистское и, главное, абсолютно искусственное противопоставление «мусульман» и «православных», о котором мы говорили.

Возможно, стоит обратить внимание на то, что уже в течение трех лет (с 2004 года) в нашем мониторинге не встречаются «православные». И причин этому может быть две. Во-первых, возможно, журналисты хотя бы об одной группе научились писать корректно. И это отчасти так. Например, в дискуссии о введении «Основ православной культуры» в российских школах авторы публикаций четко разделяют РПЦ как институт, в отношении которого они высказываются достаточно критично, и православных верующих, к которым у авторов претензий нет. Но ведь в отношении других групп такого разделения понятий нет. Значит, можно предположить, что в каком-то виде существует и табу на критические высказывания в адрес православных. Частично это подтверждает и практически полное отсутствие осуждения ксенофобных высказываний представителей РПЦ в СМИ.

Таблицы неосуждения языка вражды

Таблица «Вид—объект»

Здесь и далее при отсутствии разбивки по отношению авторов к языку вражды используется суммарный показатель «поддержки» и «нейтрального отношения». В этой таблице мы выделяем значения, больше 5. Нулевые строки и столбцы выделены курсивом.

А	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	И	Ж	К	Л	М	О	Р	Q	Всего
Чернокожие																
0	0	0	1	<i>0</i>	0	0	0	0	1	0	0	4	0	<i>0</i>	0	6
Американцы																
0	0	0	1	<i>0</i>	0	4	1	1	4	0	1	1	0	<i>0</i>	0	14
Западные европейцы																
0	0	0	1	<i>0</i>	0	1	1	0	3	0	1	0	0	<i>0</i>	0	8

А	В	С	Д	Е	Ф	Г	Н	І	Ј	К	Л	М	О	Р	Q	Всего	
Мигранты																	
2	11	8	5	0	0	0	1	16	11	4	5	8	11	0	2	2	86
Всего																	
14	45	35	42	0	1	15	6	121	79	37	15	197	35	0	21	26	689

В этой таблице показано, какие этнические или религиозные стереотипы в настоящее время присутствуют в российских СМИ. Опуская «упоминания в унижительном контексте», которые проявляются по отношению к подавляющему большинству объектов мониторинга, можно увидеть следующее.

Как и в прошлом году, объект «общая этническая ксенофобия» собрал на себя большую часть жесткого языка вражды – 27 %. По сравнению с предыдущим годом (33 %) эта доля снизилась, видимо, за счет этнизации термина «мигрант», который и принял на себя основную нагрузку жестких, по сути криминальных, высказываний – 34,4 %.

При этом основной формой претензий к обеим группам является утверждение их криминальности, что неудивительно: относительно корректные рассуждения об «этнических преступных группировках»⁵² практически повсеместно – в том числе и в устах представителей правоохранительных органов – трансформировались в бессмысленные рассуждения об «этнической преступности».

В свою очередь, утверждения о криминальности целой этнической группы зачастую оправдывают собственные расистские установки автора, завуалированные под популистский лозунг «защиты коренного населения» (в духе: «Мы не с народом рядом не хотим жить, а с преступниками; кто ж виноват, что преступники – весь народ»). Такой способ рассуждения, что не менее важно, исключает возможность конструктивного обсуждения огромной социальной проблемы – коррупции в правоохранительных органах и их неэффективности.

Одним из основных обвинений в адрес «мигрантов», помимо этого, являются утверждения об их моральных недостатках, сводящиеся к рас-

⁵² По поводу корректности ведомственного термина, укоренившегося в бытовом употреблении и изменившего свой смысл, единого мнения нет. Но мы еще раз подчеркиваем, что все спорные моменты нами разрешались в пользу журналистов. Поэтому рассуждения об «этнических преступных группировках» как язык вражды не рассматривались.

суждениям типа «*Мы работаем, честно платим налоги, а они приезжают на все готовенькое...*»⁵³ или «*Культуру нашу надо принимать, а не ходить в платках этих, как мусульманки во Франции*»⁵⁴.

Одним из наиболее интересных явлений, отразившихся в нашем мониторинге, стало распределение утверждений, косвенно отрицающих гражданство людей по этническому принципу. Наибольшее количество этих высказываний собрали «чеченцы» и «кавказцы» (8 и 6 соответственно). И это – лишнее подтверждение того, что ни Чечня, ни даже Северный Кавказ в целом уже не воспринимаются некоторой частью общества как часть России. Собственно, не воспринимаются даже теми, кто по долгу службы обязан охранять целостность России, – а как иначе объяснить появления милицейских пресс-релизов, в которых говорится, например, что ОМОНОм были проверены «*частопосещаемые места Ленинского района Иркутска на предмет выявления выходцев Северо-Кавказского региона* (так в тексте – Г.К.), *незаконно находящихся на территории России*»⁵⁵.

Остальные стереотипы стандартны и не изменяются едва ли не на протяжении всего периода наших исследований. «Чеченцев» и «кавказцев» чаще всего обвиняют в криминальности и моральных недостатках, «американцы» по-прежнему представлены недалекими и неискренними, «мусульмане» обвиняются в криминальности (в основном в приверженности терроризму) и моральных недостатках.

Отметим также что, в отличие от мусульман, претензии в отношении группы «общая религиозная ксенофобия», хотя и есть, но четко не сформулированы; в основном это рассуждения о том, что «русский человек не может быть неправославным».

Таблицы обобщенных категорий

Традиционно мы проводим анализ некорректных высказываний по обобщенным категориям видов и объектов языка вражды.

Объекты объединены в следующие группы:

⁵³ Комментарии к: Зарубина Елена. Им нужна облегченная программа // Комсомольская правда. 2006. 5 октября.

⁵⁴ Саргин Александр. Как определить соотечественника? // Газета. 2006. 13 октября.

⁵⁵ В Иркутске в ходе проверки кафе и салонов игровых автоматов задержаны более 100 нелегалов // Интерфакс. 2006. 13 октября (http://www.interfax.ru/r/V/0/0.html?id_issue=11604257).

Выходцы из стран Азии вне СНГ:

- китайцы,
- вьетнамцы,
- иракцы,
- арабы (кроме иракцев).

Выходцы с Кавказа и из Средней Азии:

- таджики,
- чеченцы,
- армяне,
- азербайджанцы,
- турки-месхетинцы,
- иные народы Кавказа и Закавказья,
- кавказцы как целое.

Объект «Народы Азии вне и внутри СНГ» разделен поровну между двумя вышеназванными обобщенными объектами. Поэтому в таблице встречаются дробные числа.

Чтобы иметь возможность сравнительного анализа с предыдущими результатами, мы оставили отдельным объектом «евреев», хотя антисемитская риторика на этом этапе практически не встречалась. Осталась и группа Запад, включающая «американцев» и «западных европейцев».

Остальные этнические объекты попали в прочие:

- чернокожие,
- украинцы,
- русские,
- цыгане,
- иные этнические категории,
- общая этническая ксенофобия.

Отдельным обобщенным объектом мы считаем «религиозные группы».

Кроме того, новый объект «мигранты» мы решили не включать в объединенные группы, в частности, потому, что не всегда возможно разделить этническую и религиозную нагрузку, которую этот термин несет в тексте.

О том, как сгруппированы по степени жесткости виды языка вражды, было сказано выше.

Абсолютные значения

	Выходцы из стран Азии вне СНГ	Выходцы с Кавказа и из Средней Азии	Запад	Евреи	Прочие	Религиозные группы	Мигранты	Всего
Жесткий	5,5	43,5	0	4	36	8	32	129
Средний	8	128	7	1	39	14	30	227
Мягкий	12	161	15	4	87	30	24	333
Всего	25,5	332,5	22	9	162	52	86	689

В процентах по видам

	Выходцы из стран Азии вне СНГ	Выходцы с Кавказа и из Средней Азии	Запад	Евреи	Прочие	Религиозные группы	Мигранты	Всего
Жесткий	4,26	33,72	0	3,10	27,91	6,2	24,81	100
Средний	3,52	56,39	3,08	0,44	17,18	6,17	13,22	100
Мягкий	3,6	48,35	4,5	1,20	26,13	9,01	7,21	100
Всего	3,7	48,26	3,19	1,31	23,51	7,55	12,48	100

В процентах по объектам

	Выходцы из стран Азии вне СНГ	Выходцы с Кавказа и из Средней Азии	Запад	Евреи	Прочие	Религиозные группы	Мигранты	Всего
Жесткий	21,57	13,08	0	44,44	22,22	15,4	37,21	18,72
Средний	31,37	38,5	31,8	11,11	24,07	26,9	34,88	32,95
Мягкий	47,06	48,42	68,2	44,44	53,7	57,7	27,91	48,33
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Если сравнить изменение доли разных видов языка вражды на протяжении всех шести лет исследований, получается следующая картина:

Динамика видов языка вражды по годам⁵⁶

В %	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Жесткий	10	11,61 ⁵⁷	11,31	12,63	10,71	18,72
Средний	40	22,19	19,21	20,53	17,86	32,95
Мягкий	49	66,2	69,48	66,84	71,43	48,33

Первое, что бросается в глаза, – резкое увеличение доли жесткого языка вражды, на 50–80 % больше значений всех предыдущих лет. В прежние годы мы отмечали лишь незначительные колебания, на долю

⁵⁶ За 100 % принимается общее количество неосуждаемых негативных высказываний.

⁵⁷ В первый месяц после «Норд-Оста» этот показатель составил 9,93 %.

жесткого языка вражды не влияли теракты даже такого масштаба, как Беслан и «Норд-Ост».

Увеличилась и доля среднего языка вражды, не достигнув, правда, своего максимума (2001 года). Но в сравнении с 2002–2005 годами мы видим рост на те же 50–80 %.

Подобное перераспределение языка вражды за счет сокращения доли мягких его видов наглядно подтверждает субъективные ощущения мониторов, отмечавших во время исследования не только количественный рост негативных высказываний, но и их ужесточение.

Если мягкие виды языка вражды, как правило, являются несознательными оговорками или неудачным ерничеством, то о большинстве высказываний, относящихся к среднему и жесткому языку вражды, этого сказать нельзя. Здесь мы уже имеем дело с сознательным обобщением информации: от упоминаний в криминальной хронике – к утверждениям криминальности группы; от рассуждений о моральных недостатках – к требованиям выселения и т.п. Напомним, выше мы отмечали, что появилась целая группа журналистов, прямо транслирующая установки праворадикальных активистов или предоставляющих им трибуну. Все это позволяет говорить о том, что изменилось качество языка вражды: от журналистской небрежности и оговорок он перешел, по большей части, к сознательной ксенофобной пропаганде.

Интересно отметить, что рост неприязни довольно равномерно распределился по всем обобщенным группам, за исключением «уроженцев Кавказа и Средней Азии», в отношении которых вдвое выросло количество «жестких» высказываний и в 3,5 раза – «средних». Безусловно, в основном это антикавказская риторика. И риторика эта по жесткости превысила показатели даже после Беслана и «Норд-Оста».

Динамика языка вражды по отношению к группе «Выходцы с Кавказа и из Средней Азии»⁵⁸

В %	«Норд-Ост»	2003, выборы	Беслан	2005	2006
Жесткий	10,48	13,79	10,1	5,48	13,08
Средний	21,83	16,9	20,19	10,96	38,5

⁵⁸ За 100 % принимается общее количество неосуждаемых высказываний по отношению к группе.

В %	«Норд-Ост»	2003, выборы	Беслан	2005	2006
Мягкий	67,69	69,72	69,71	83,56	48,42
Всего	100	100	100	100	100

Из других показателей обобщенных таблиц, возможно, стоит остановиться на значительных изменениях отношения к «религиозным группам» — здесь мы также наблюдаем довольно существенное усиление жесткости высказываний, но сравнение показателей с данными предыдущих лет показывает, что религиозно окрашенный язык вражды всего лишь вернулся к привычной «норме» после некоторого благополучия прошлого года.

Язык вражды по отношению к религиозным группам

	2002	2003	2004	2005	2006
Жесткий	10	19,35	13,03	4,55	15,40
Средний	34,54	30,11	34,78	9,09	26,90
Мягкий	55,45	50,54	52,17	86,36	57,70
Всего	100	100	100	100	100

Если по количеству некорректных публикаций 2006 год отстает от пост-«Норд-Ост»-овского мониторинга, самого неблагоприятного в плане языка вражды, то по большинству ключевых параметров, в первую очередь по жесткости высказываний и по направленности пропаганды, нынешний год сопоставим именно с тем периодом. И ожидать улучшения ситуации нет никаких оснований, памятуя о том, что наступает год федеральных выборов.

От статистики к контексту

Подлог и недосказанность как искусство пропаганды

В ходе этого мониторинга мы несколько раз сталкивались как с намеренным, далеко ведущим по своим последствиям, искажением информации в СМИ, так и с откровенной манипуляцией собственными материалами в расчете на разные целевые аудитории.

Говоря о намеренном искажении информации, мы имеем в виду, в первую очередь, выступление Владимира Путина на заседании Совета по национальным проектам, где была произнесена фраза о необходимости защиты «коренного населения». Вот как выглядело это выступление в изложении телевидения:

«Мы не можем пройти мимо трагических событий последнего времени. Не можем. И это не только в Кондопоге. А что в Москве было? А что было в других регионах? То нападения на иностранцев, то погибают наши граждане. Это не в последнюю очередь результат того, что государство, региональные власти и муниципальные власти не могут до сих пор отрегулировать эту сферу деятельности. Сплошная коррупция в административном аппарате и в правоохранительных органах. И конечно граждане недовольны. Руководителям субъектов РФ принять дополнительные меры по совершенствованию торговли на оптовых и розничных рынках в целях защиты интересов российских товаропроизводителей и населения, коренного населения России»⁵⁹ (орфография сохранена — Г.К.).

Однако на самом деле рассуждения о Кондопоге (где, напомним, основными участниками конфликта с обеих сторон были граждане России) и о защите «коренного населения» прозвучали не в одном логическом фрагменте выступления, а в разных — причем довольно удаленных друг от друга. В этом можно убедиться, прочитав стенограмму заседания на официальном сайте Администрации Президента⁶⁰.

Мы не собираемся оправдывать В. Путина. Он неоднократно делал резкие заявления, находившиеся «на грани фола» и интерпретируемые обществом как этнически окрашенные. Достаточно вспомнить фразу про террористов и сортир, которая была воспринята не как «антитеррористическая», а как античеченская — и именно так обсуждалась в обществе и СМИ:

⁵⁹ Канавин Илья. Время делать выводы // Вести. РТР. 2006. 5 октября (www.vesti.ru/comments.html?id=51676&date=05-10-2006).

⁶⁰ Начало заседания Совета по реализации приоритетных проектов и демографической политике // Официальный сайт Администрации Президента России. 2006. 5 октября (http://president.kremlin.ru/appears/2006/10/05/1906_type63378_112062.shtml).

«Стоит ли ходить на выборы? Тем более ни один человек, здравомыслящий человек, не будет говорить, что “чеченцев надо мочить в сортире”»⁶¹, — привела в 2003 году «Новая газета» цитаты из школьных сочинений.

Нет сомнений, что и в этом случае фраза о «коренном населении» и без телевизионного вмешательства была бы воспринята как «этническая». Но здесь поражает другое: официальные, подконтрольные государству телеканалы (или даже служба президентского протокола, организовавшая съемку) так перемонтируют выступление главы государства, что существенно смещают и без того сомнительно расставленные акценты в сторону однозначно «этнической» их трактовки. Стоит ли после этого удивляться появлению в эфире телевидения сообщений о выявлении «*нелегалов с Северного Кавказа*»⁶², и предложениях «*пускать работать на рынки только славян*»⁶³, публикуемых в качестве «гласа народа» в газетах? Одновременно, **ни в одном** из попавших в наш мониторинг изданий и передач нам не встретились критическая оценка этого заявления В. Путина.

Говоря о «манипуляции» собственными материалами, мы имеем в виду несоответствие печатных (эфирных) версий тому, что представляется «аутентичным» воспроизведением в интернете. Конечно, несоответствие материалов «настоящих» СМИ и их интернет-версий — явление не новое. Более того, отчасти оно обусловлено объективными причинами — например, у большинства изданий в интернет-версии не попадают рекламные материалы. До нынешнего этапа мы не рассматривали это как проблему, связанную с проявлениями языка вражды.

Однако практика «тематического мониторинга»⁶⁴ показала, что лакуны и несоответствия интернет-версий, возможно, достойны отдельного исследования как предмет манипуляции языком вражды⁶⁵.

Приведем лишь два примера.

На веб-сайте программы «25-й час» телеканала «ТВ-Центр» говорится, что материалы, представленные там, это «*аутентичные расшифровки*

⁶¹ Вишневецкий Борис. Школьники воспитывают власть // Новая газета. 2003. 11 декабря.

⁶² Ревунов Александр. Операция «Иностранец» // Вести. Канал Россия. 16 ноября. 11-00. (<http://www.vesti.ru/comments.html?id=52831>).

⁶³ Надо ломать всю систему торговли на наших рынках // Комсомольская правда. 2006. 13 октября.

⁶⁴ В рамках этой работы часть материалов отбиралась по интернет-версиям изданий.

⁶⁵ Впервые мы обозначили проблему в 2004 году, при написании тематического обзора публикаций по Беслану: Кожевникова Г., Изотова К. Как избежать ксенофобии в момент национального кризиса // Полит.Ру. 2004. 21 октября (http://www.polit.ru/research/2004/10/21/hate_speech1.html).

программ, выходящих на канале ТВ Центр. Они не являются вариантом программ для публикации в печатных СМИ, а полностью соответствуют эфирной версии»⁶⁶. Но это неправда. Значительную часть выпуска программы составляет интервью с приглашенными экспертами. Именно в этих интервью был заложен большой ксенофобный потенциал — наиболее ярким примером стало, пожалуй, участие в программе «неоевразийца» Александра Дугина (эфир 15 сентября 2006 г.). Однако выступления гостей в стенограмму выпусков программ не включены.

Второй пример связан с газетой «Известия». 15 ноября 2006 г. там была опубликована подборка материалов, связанных с разговорами о демонтаже «Бронзового солдата» в Таллине, — интервью с президентом Эстонии и комментарий Максима Юсина. Подчеркнем: мы не обсуждаем здесь сами события, связанные с возможностью демонтажа военного памятника, в данном случае нас интересует только способ подачи материала. Интервью, в котором журналист демонстрировал плохо скрытую агрессию, а местами и откровенную грубость, пытаюсь — безуспешно — спровоцировать президента Эстонии на некорректные, прежде всего антирусские, высказывания, было опубликовано под заголовком «Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес: Место памятнику советскому солдату — на кладбище». То есть фактически главе эстонского государства приписывалась крайне агрессивная и оскорбительная для большинства россиян фраза⁶⁷. На самом деле президент такого не говорил. Слова о кладбище были взяты из рассуждений о разных способах изменить значение памятника павшим советским воинам, избавив его от «оккупационной» смысловой нагрузки, которую он сейчас несет для многих эстонцев, и превратив его в памятник «Павшим сынам Эстонии». Дополнением к интервью стал комментарий М. Юсина «Как вам это объяснить, господин президент?» (орфография оригинала — Г.К.⁶⁸), в котором также достаточно некорректно трактуются фрагменты интервью⁶⁹.

Но в интернет-версии газеты материал преподнесен совершенно по-иному. Само интервью озаглавлено: «Президент Эстонии Тоомас Хендрик

⁶⁶ Сайт телеканала «ТВ-Центр» (<http://www.tvc.ru/center/index/id/3300000000000000.html>).

⁶⁷ О роли памяти о Великой Отечественной войне в сознании современных россиян см., например: Гудков Лев. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Негативная идентичность. М.: НЛО, 2004. С. 20–58.

⁶⁸ Впрочем, и в самом тексте местоимение «Вы» пишется с маленькой буквы. Вероятно, это намеренное выражение неуважения.

⁶⁹ В основном комментарий содержит политический, а не этнический язык вражды.

Ильвес: «По-русски я знаю несколько выражений. Например, “дружба народов”»⁷⁰, а комментарий М. Юсина и вовсе отсутствует.

Еще раз повторим — мы не располагаем достаточным количеством материала для того, чтобы делать какие-то выводы из этого «несоответствия версий», однако обозначить это случайно выявленное, но режущее глаз несоответствие нам показалось важным.

Антигрузинская кампания

Осень 2006 года была богата на события, однако ни в одном из них масс-медиа не играли такой роли, как в антигрузинской кампании, развернувшейся в России с конца сентября 2006 года. Напомним, все началось с того, что 27 сентября в Тбилиси по обвинению в шпионаже были задержаны российские офицеры. Через несколько дней они были освобождены и вернулись в Российскую Федерацию, однако Россия ввела жесткие внешнеполитические санкции против Грузии — были прекращены выдача виз грузинским гражданам, транспортное и почтовое сообщение. Все это сопровождалось взаимными некорректными политическими обвинениями политических деятелей России и Грузии.

Уже на следующий день после задержания офицеров в СМИ начали появляться материалы, направленные не только против Грузии как политического оппонента, но и против этнических грузин. При этом печатные СМИ сразу же разделились на два лагеря — принявших «заказ» на антигрузинскую пропаганду (все те же «КП», «МК», «Твой день» и другие) и не принявших его. Подчеркнем, речь идет именно о позиции редакции, а не о позиции конкретных журналистов.

В отличие от газет и журналов, телевидение никакой критичности по отношению к кампании не выказало, целиком ее поддержав и одобрив. Телевизионный эффект был усилен многократным повторением одной и той же информации по различным каналам и в разных новостных выпусках. Особенно «отличилось» в эти дни НТВ, подготовившее столь специфический выпуск программы «Чистосердечное признание» (эфир 8 октября), что он стал главной темой сразу для нескольких статей телекритиков, в том числе в газетах, не склонных к политкорректности.

Сразу же появились рассуждения на тему «Как мы еще можем насолить Грузии» — с предложениями «запретить грузинам работать в России» и «запретить им переводить деньги в Тбилиси». Ну, а с начала октября начались массовые публикации «антигрузинской» криминальной хроники.

⁷⁰ <http://www.izvestia.ru/world/article3098363/>

Вполне логичным ее выводом должен был стать вывод о повсеместной криминальности грузин, но, видимо, не доверяя логическим способностям граждан, этот вывод уже прямо декларировали некоторые эксперты, в первую очередь из правоохранительных органов: «В Российской Федерации граждане Грузии совершают значительно больше преступлений, чем, к примеру, граждане Казахстана, — каждый сотый грузин против каждого тысячного казаха»⁷¹; «в грузинской среде очень сильны воровские традиции, как ни в какой другой в настоящее время»⁷²; «грузинские граждане сегодня это категория группы риска, то есть наиболее подвержены и преступности, скажем так, и нарушениям российского законодательства...»⁷³

«Криминальная» тема была главной в антигрузинской пропаганде⁷⁴, но были и более тонкие попытки. Особенно интересно создание негативного образа грузин с культурно-исторической точки зрения, предпринятое членом Общественной палаты политологом Андраником Миграняном, который в «Известиях» рассказал читателям о том, что «в свое время армяне поделились с соседями-грузинами царским родом... Армянские князья и полководцы расширяли границы средневекового грузинского государства. Армяне построили столицу Грузии и до сих пор практически все более или менее значимые памятники архитектуры — это результат меценатства армянских купцов и промышленников, которые жили и трудились в Тифлисе. Месроп Маштоц — создатель армянского алфавита — создал алфавит и для братского грузинского народа. Но никогда ни один грузинский деятель культуры или политический деятель ни разу не отметили, хотя бы в интересах исторической справедливости, вклад соседнего народа в культуру, науку, архитектуру грузинского государства. Так что неблагодарность является характерной чертой как отдельных людей, так и народов»⁷⁵.

А вот журналист Екатерина Деева не поленилась прочитать «Витязя в тигровой шкуре» и осознала, что эта поэма содержит в себе оправдание моральной нечистоплотности при достижении геополитических интересов. А поскольку М. Саакашвили неоднократно заявлял, что это одно из его любимых произведений, то он, безусловно, человек морально нечистоплотный, кровожадный и прочая, и прочая... А каким же еще может быть человек, который любит такие произведения?⁷⁶

⁷¹ Варшавчик Сергей. Ромодановский обнадежил соотечественников // Независимая газета. 2006. 29 сентября.

⁷² Максимум // НТВ. 2006. 7 октября.

⁷³ Постскрипtum // ТВ-Центр. 2006. 7 октября.

⁷⁴ См. раздел «Обобщенные таблицы».

⁷⁵ Мигранян Андраник. Цель для Саакашвили // Известия. 2006. 16 октября.

⁷⁶ Деева Екатерина. Кызылбаши и тигровая шкура // Московский комсомолец. 2006. 10 октября.

К чести журналистов печатных изданий отметим, что значительная их часть не приняла антигрузинскую кампанию и активно против нее выступила. Об обсуждении антигрузинского языка вражды будет сказано ниже, здесь же, на наш взгляд, стоит отметить, что печатные СМИ довольно активно осуждали весь комплекс антигрузинских действий. Это были и статьи с выражением личной позиции по поводу антигрузинской вакханалии (как, например, статья Ольги Бакушинской в «Известиях»⁷⁷), и публикации, в которых скрупулезно перечислялись факты одобренного государством притеснения этнических грузин, и материалы, откровенно кампанию высмеивавшие. Последнее наиболее удачно, на наш взгляд, было сделано журналом «Власть», опубликовавшим в рубрике «Националистические страницы» варианты того, как еще можно «бороться» с соседями. Например, при конфронтации с Японией рекомендовалось «разъяснить населению, что президент России в первую очередь мастер глубоко национального самбо, а дзюдо было временным увлечением», при напряженности в российско-норвежских отношениях — «запретить въезд в Россию всем лауреатам Нобелевской премии мира», а в случае трений с Казахстаном — «провести неудачное испытание ракеты-носителя на Байконуре»⁷⁸.

Обсуждение языка вражды

Источник ⁷⁹	Поддержка	Нейтральное	Осуждение	Всего
Газета	0	0	4	4
Известия	1	0	3	4
Новые Известия	0	1	3	4
Жизнь за всю неделю	0	0	3	3
Твой день	1	1	1	3
Комсомольская правда	2	0	1	3

⁷⁷ Бакушинская Ольга. Революция одной розы, или Грузин ли я? // Известия. 2006. 17 октября.

⁷⁸ Россия в кольце зла // Власть. 2006. 23 октября. С. 79–88.

⁷⁹ Таблица упорядочена по убыванию общего количества статей, обсуждающих язык вражды.

Источник ⁷⁹	Поддержка	Нейтральное	Осуждение	Всего
Время новостей	0	1	1	2
Русский курьер	1	0	1	2
Московский комсомолец	0	1	0	1
Россия	0	0	1	1
Всего	5	4	18	27

Если судить по статистике, за время проведения мониторинга тема языка вражды в СМИ обсуждалась довольно активно (27 публикаций). Однако если рассматривать эти публикации по существу, картина становится менее радужной.

Во-первых, на этот период пришлось пресловутая инициатива «Единой России» о запрете упоминания этнической принадлежности участников криминальных эпизодов. Причем информационным поводом она стала дважды — в сентябре, когда ее выдвинули депутаты Госдумы, и затем в декабре, когда она обсуждалась в Мосгордуме. И именно обсуждению этой инициативы было посвящено больше трети подобных статей — 10 из 27.

Безусловно — и мы не раз это подчеркивали — немотивированное упоминание этничности в криминальной хронике является очень эффективным инструментом формирования негативного этнического стереотипа. Но при этом, во-первых, существуют очевидные случаи, когда подобное упоминание оправданно фабулой эпизода, и во-вторых, сама проблема упирается исключительно в профессионализм журналистов и решаться должна через ее корпоративное или общественное обсуждение, но уж никак не цензурными средствами.

К сожалению, даже этот информационный повод показал, что сами представители журналистского сообщества в подавляющем большинстве в таком ракурсе проблему не рассматривают. Дискуссии о том, как подобное упоминание формирует негативный стереотип и как избежать этого, не прибегая к цензурным ограничениям, не возникло⁸⁰. Более

⁸⁰ Надо отметить, что отсутствие профессионального обсуждения проблемы — реакция, характерная не только для изданий, попавших в мониторинг. Обсуждение законопроекта в других СМИ абсолютно идентично описанному.

того, этот механизм стереотипизации прямо отрицается. Так, например, вице-президент общероссийской общественной организации работников СМИ «Медиасоюз», член Общественной палаты Елена Зелинская, осуждая эту инициативу, заявила: *«Национальная рознь разжигается не газетчиками. Я не могу припомнить ни одного случая, когда газета что-то печатала, и что-то происходило из-за этой публикации»*⁸¹. Конечно, Е. Зелинская стремится защитить СМИ, понимая, чем чревато стремление государства регулировать их деятельность. Однако ее рассуждения об отсутствии негативных последствий от публикаций — явный результат запальчивости. Приведем лишь наиболее дикий пример «прямого» действия публикации. В 1999 году после взрывов домов в Москве одна из центральных газет сообщила, что задержан подозреваемый в участии в этих терактах. При этом в газете была названа вымышленная «кавказская» фамилия. На следующий день в одной из московских школ был жестоко избит мальчик с такой фамилией, а когда его мать попыталась возмутиться, директор школы заявила, что в ее школе дети террористов учиться не будут.

Как правило, реплики по поводу единосроссовской инициативы сводились к безоговорочному одобрению, с одной стороны (*«Если дело так пойдет и дальше (имеется в виду традиция упоминания этничности и религиозной принадлежности — Г.К.), может дойти до смешного... Православный водитель случайно подрезал машину водителя-мусульманина? Смело пиши: “Межрелигиозное ДТП!”»*⁸²), и столь же безоговорочному неприятию — с другой. Неприятие, надо отметить, зачастую выявляло устойчивые ксенофобные установки участника дискуссии⁸³.

Показателем того, что общество не осознает серьезности самой проблемы, является, на наш взгляд, и то, что, как уже говорилось выше, довольно активное обсуждение законопроекта никак не повлияло на уровень критичности к упоминанию этничности в криминальной хронике изданий и программ.

Из числа выступлений противников законопроекта нам, к сожалению, удалось встретить лишь одно аргументированное рассуждение о проблеме. Борис Клиш в «Известиях» обратил внимание на то, что необходимо разделять обоснованно и необоснованно публикуемую информацию и что никаким законом это регламентироваться не может,

⁸¹ Национальную рознь разжигают не журналисты // Новые Известия. 2006. 25 сентября.

⁸² Гамов Александр. Скоро мы докатимся до «межрелигиозных ДТП» // Комсомольская правда. 2006. 20 сентября.

⁸³ Стешин Дмитрий. Этот законопроект лоббируют диаспоры // Там же.

а каждое последующее «улучшение» закона будет только расширять область запретов⁸⁴.

При всей спорности позиции инициаторов законопроекта именно они показали, что осознают механизм формирования образа «криминальности» этнических групп как проблему, которую необходимо решать. И недвусмысленно указали журналистам: *«Вы не можете решить проблему в профессиональном сообществе? Тогда получите цензуру»*. Журналисты же в подавляющем большинстве продемонстрировали полное неприятие какой-либо критики в свой адрес.

Второй относительно крупный блок публикаций, посвященных обсуждению языка вражды в СМИ, связан с антигрузинской кампанией. Опосредованно он тоже связан с дискуссией, описанной выше: ведь именно криминальная хроника составила ядро антигрузинской пропаганды в масс-медиа.

Говоря об антигрузинской кампании и — как основной ее составляющей — поведении СМИ в эти дни, хотелось бы отметить два принципиальных момента.

Во-первых, именно здесь и именно от имени профессиональной журналистской организации было обращено внимание на антигрузинскую стереотипизацию: *«По мнению представителей Союза журналистов России, многие телеканалы сознательно отбирают подобные новости “по национальному признаку”. ... Тема уроженцев Грузии широко звучит и в чисто криминальных хрониках теленовостей. Складывается впечатление, что почти все преступления в Москве, о которых рассказывают тележурналисты, совершают люди с фамилиями, оканчивающимися на “швили” и “дзе”. Подобная избирательность удивляет, так как только в Москве за один день произошло 328 преступлений, большинство из которых совершили как раз граждане России»*⁸⁵.

Почему это заявление не стало, как законопроект единосроссов, поводом для содержательной дискуссии? Почему те же представители Союза журналистов не подключились в декабре к обсуждению единосроссовской инициативы, а вернее, все той же проблемы, о которой они (Союз журналистов) заявили в октябре? Можно предположить, что эта

⁸⁴ Клиш Борис. У преступников нет национальности, имени-отчества, фамилий? // Известия. 2006. 27 декабря.

⁸⁵ Обращаем внимание, что даже в этой фразе присутствует отрицание гражданства по этническому принципу. Ведь ничто не мешает этническому грузину быть гражданином России, а подобная грамматическая конструкция это отрицает. См.: Берсенева Анастасия. ДТП с грузинским акцентом // Новые Известия. 2006. 11 октября.

реакция была не профессиональной (осознание общего механизма стереотипизации и протест против него), а моральной (реакция порядочного человека на безобразную государственную кампанию дискриминации конкретной этнической группы) — общественное возмущение спало, а профессиональная проблема так и осталась непроговоренной.

Но отсутствие профессионального сообщества, способного к обсуждению проблемы (в том числе и с учетом критики извне), делает непрактичными апелляции к корпоративной дискуссии, которая должна заменить цензуру. Более того, обсуждение «проблемы криминальной хроники» показало: цензура выгодна журналистам — она маскирует и нивелирует недостаток профессионализма⁸⁶.

Вторая особенность обсуждения языка вражды в дни антигрузинской кампании сводится к тому, что одни и те же авторы то осуждали, то продуцировали антигрузинский язык вражды. Целиком и полностью это относится к газетам «Твой день» и «Жизнь за всю неделю».

Справедливости ради надо отметить, что тема языка вражды в СМИ для этих изданий, а вернее, для одного из их авторов Леонида Шахова является крайне актуальной, и он к ней часто обращается, акцентируя внимание читателей на механизмах ксенофобной пропаганды. Это и наблюдения за композицией информационных программ⁸⁷, и анализ освещения событий в Кондопоге («...Одна газета написала, что “у убитых русских парней были отрезаны уши”. Все понимают, это ложь. Но для чего-то автор наврал. Вот и должны власти взять этого автора за те же уши, а его редактора за мягкое место и спросить, зачем вы это пишете?»), и критика лояльности СМИ к некорректным высказываниям чиновников («Говорят, например: “А что мы сделаем, если (внимание!) чеченская диаспора не выдает преступников?” Допустим, я житель Карелии, и к какому, скажите, заключению я приду, услышав, что такие-сякие чеченцы не выдают убийц?»⁸⁸).

Но вот началась антигрузинская кампания. И что мы видим на страницах этих родственных газет⁸⁹?

4 октября Леонид Шахов в газете «Твой день» рассуждает о том, что если мы вышлем в Грузию всех грузинских граждан, то Саакашвили

⁸⁶ См., например: Герои без роду-племени? // Лениздат.Ру. 2006. 25 декабря (<http://www.lenizdat.ru/a0/ru/pm1/c.shtml?i=1046199&p=0#1>).

⁸⁷ Леонид Шахов о «государственном антифашизме», неискреннем и необедительном // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2006. 12 апреля (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/7248050>).

⁸⁸ Шахов Л. Черно-белая жизнь.

⁸⁹ Напомним, эти две газеты — результат деления газеты «Жизнь».

не прокормит «эту тьму тати — карманников, барсеточников и воров в законе...»⁹⁰

18 октября — тот же автор, но в газете «Жизнь за всю неделю»: «И та же красавица диктор Екатерина Андреева с Первого канала, что усердно расставляет сегодня в новостях акценты на национальной принадлежности крупных дельцов и мелких жуликов, будет с такой же прилежностью рассказывать о том, что роднит “два братских народа”»⁹¹.

6 октября в газете «Твой день» Алексей Булатов выражает возмущение антигрузинской пропагандой, основанной на криминальной хронике, прямо называя ее фашистской: «Пожалуйста, не надо пиара. Не делайте врага из НАРОДА. А то мы горазды. У нас по четным дням один народ — враг. По нечетным — другой. Я-то лично не поведусь, но тысячи наших граждан не застрахованы от того, что в них не вскипит кажущаяся благородной ярость ко всем грузинам, и от болезни, которая именуется фашизмом»⁹². Через две недели, 20 октября, он вновь возвращается к этой теме, говоря, что в результате этой медийной кампании «не знаю, как с грузинской преступностью, но с грузинами мы точно покончим»⁹³.

А еще месяц спустя, 17 ноября, этот же автор заявляет, что никакой дискриминационной кампании не было, а были лишь «отдельные перегибы» на местах⁹⁴.

И еще один штрих к обсуждению языка вражды в масс-медиа. Обсуждение это ведется только на страницах газет. Телевидение в дискуссии о языке вражды в целом не участвует. Зато в газетах в подавляющем большинстве обсуждается именно телевизионный язык вражды. С одной стороны, это понятно: те же Ирина Петровская или Юрий Богомолов, неоднократно обращавшиеся к теме интолерантности в СМИ, — профессиональные телекритики. Кроме того, безусловно, влияние телевидения на формирование этнических стереотипов куда более значительно, чем влияние газет. Однако ситуация, при которой журналисты практически не обращают внимания на собственную продукцию, как минимум, выглядит странно. Впрочем, это лишний раз доказывает, что сообщество не заинтересовано в конструктивном обсуждении проблемы, и это, вероятно, главная причина, по которой можно прогнозировать ухудшение ситуации с языком вражды в СМИ в дальнейшем.

⁹⁰ Шахов Л. Воевать так с янками // Твой день. 2006. 4 октября.

⁹¹ Он же. И это пройдет // Жизнь за всю неделю. 2006. 18 октября.

⁹² Булатов Алексей. Мы так не договаривались! // Твой день. 2006. 6 октября.

⁹³ Он же. Хотя ли русское войны // Там же. 20 октября.

⁹⁴ Он же. Нет, тут Михаил Саакашвили явно перегнул // Твой день. 2006. 17 ноября.

Заключение

Выводы, которые можно сделать из анализа результатов мониторинга 2006 года, неутешительны.

Язык вражды растет количественно и эволюционирует, мимикрирует, маскируясь под социальную риторику. Растет и жесткость публикаций, не говоря уже о нарастании агрессивности телепрограмм. Не только скрытые, но уже и откровенно дискриминационные и даже погромные высказывания не являются не только табуированными, но и однозначно осуждаемыми.

Показатели нынешнего мониторинга по интенсивности и распределению некорректных публикаций и репортажей, по отношению к ним самих журналистов вполне сопоставимы с осенью 2002 года, одним из самых неблагоприятных моментов за время нашего исследования. И тем более тревожно, что в отличие от шока «Норд-Оста» мы не видим резких взлетов шоковой реакции с последующим спадом, а видим вполне стабильный уровень языка вражды. И это означает качественное изменение языка вражды, одно из немногих, зафиксированных нами за все время работы по проекту: непрофессиональную истерическую реакцию сменяет переход к вполне сознательной пропаганде.

Журналисты если и готовы противостоять отдельным ксенофобным кампаниям, то скорее с гражданских, личностных, а отнюдь не с профессиональных позиций. К сожалению, это абсолютно не гарантирует общество от того, что в следующий раз, когда объект травли будет выбран иной, более отвечающий ксенофобным установкам этих же самых, ныне протестующих, журналистов, новая дискриминационная кампания ими поддержана не будет.

И наоборот: как профессионалы многие журналисты не только не готовы, но, похоже, даже не способны взвешенно обсуждать проблему самоограничения, в частности, направленного на предотвращение дальнейшего роста ксенофобии или хотя бы на непровоцирование агрессивных реакций.

Невозможность корпоративного обсуждения сугубо профессиональной проблемы и абсолютное неприятие какой-либо критики в свой адрес создают парадоксальную ситуацию, в которой цензура становится выгодной большинству участников дискуссии, за исключением небольшой группы действительно профессиональных журналистов: сторонники административного регулирования СМИ получают карт-бланш на введение цензурных ограничений, мотивируя их благородными целями борьбы с ксенофобией, а журналисты-непрофессионалы, вместо того, чтобы

исправлять собственные ошибки, получают возможность изображать несправедливо преследуемых жертв ограничения свободы слова.

Результаты мониторинга 2006 года по большинству ключевых параметров сопоставимы с 2002 годом. Однако не «Норд-Остовский», а следующий за ним 2003-й, предвыборный, год был в нашем исследовании наиболее неблагоприятным. Наступивший 2007 год — тоже год выборов. И к сожалению, учитывая все вышесказанное, результаты мониторинга-2006 дают основания опасаться, что в этом году нас ожидает очередной всплеск ксенофобии на телевидении и в СМИ.

Эдуард Понарин, Дмитрий Дубровский,
Анна Толкачева, Раиса Акифьева

Индекс (ин)толерантности прессы

Язык вражды как исследовательская и правозащитная проблема

Проблема выработки инструмента измерения hate speech – языка вражды, как переводят этот термин исследователи, встала на повестку дня российского исследовательского сообщества сравнительно недавно. Причиной тому послужила изменившаяся ситуация со свободой слова. Очевидно, что в тоталитарном обществе свобода слова не существовала, и потому проблема языка вражды не стояла настолько остро. Собственно, с появлением первых неподцензурных публикаций выяснилось, что большое количество людей использует свободу слова в основном для проповеди идей расовой, этнической или религиозной ненависти. В связи с этим исследование и оценка того, что является языком вражды, стало актуальным, с одной стороны, с точки зрения правоохранительных органов, поскольку подпадали под статью 74 (затем 282) УК РФ, с другой – для правозащитного сообщества, поскольку публикации и высказывания, подпадающие под определение языка вражды, являются еще и разновидностями нарушения прав человека. Тем не менее, до определенного времени все исследования были сосредоточены на конкретных случаях – публикациях и высказываниях, предположительно содержащих элементы языка вражды. В связи с этим и правоохранительные органы, и правозащитное сообщество использовали экспертное знание, носители которого также накапливали материал по данной проблеме. Естественно, что как для мониторинга языка вражды, так и для преследования в уголовном порядке наиболее агрессивных проявлений языка вражды необходима выработка определенных критериев анализа, а также обоснование той методологической базы, с помощью которой этот анализ, собственно, и проводится. Вместе с тем журналистское сообщество также было заинтересовано в четкости определений и критериев, прежде всего для уточнения вопросов, связанных с профессиональной этикой. Таким

Материал для настоящей публикации был получен в рамках проекта INTAS «Tolerance and Intolerance in the Post-Soviet Press: Applying New Methods of Measurement and Evaluation» (2005–2006).

образом, назрела необходимость сформулировать принципы и методы описания и исследования такого социокультурного явления, как язык вражды. Вместе с тем возникла необходимость не только определить, что именно можно определить как язык вражды, но и каким образом можно произвести градуировку такого сложного явления, каковы критерии отделения «мягкого» высказывания от «жесткого». Особенно важно это в контексте существования проблемы юридической ответственности за возбуждение ненависти и вражды, с одной стороны, и защиты свободы слова – с другой.

Несколько упрощая проблему, можно сказать, что по отношению к реальной ситуации задача исследования и анализа языка вражды может быть сформулирована как анализ высказываний большинства о меньшинстве¹.

Согласно гипотезе Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа, в определенном смысле социальная реальность конструируется и категоризируется в языке². Это значит, что название Других в дискурсивной практике устанавливает и/или укрепляет границы между группами в социальной реальности. Так, классическим стали исследования Ван Дейка и его школы³, в которых исследуются дискурсивные стратегии и объяснительные модели, где в качестве Мы-группы выступает этническое большинство, а в качестве Они-группы – этнические меньшинства. Одной из основных особенностей текстов «большинства» является так называемая поляризованная репрезентативность, то есть наделение Мы-группы и Они-группы прямо противоположными признаками, как правило, создающими бинарные оппозиции: наиболее классическим примером является «Мы чистые – Они грязные».

Последовательность выстраивания границ «Мы – Они» в дискурсивной практике можно описать как:

1. Номинация – наименование группы Других.
2. Наделение данной группы определенными характеристиками или приписывание ей определенных действий.

¹ Хотя, безусловно, понятно, что язык вражды порождается и представителями меньшинств.

² Sapir Edward. In Language, Culture, and Personality // Selected Writings of Edward Sapir. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949. P. 162; Whorf Benjamin. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y.: Oxford University Press – L.: Toronto, 1972. P. 242–243.

³ Dijk van Teun. Discourse as structure and process. London: Sage, 1997; Dijk van Teun. Discourse as social interaction. London: Sage, 1997.

3. Интерпретация, то есть определение позиции данной группе в заданной системе характеристик.

Важно заметить, что в чистом виде трудно представить именно эту последовательность, поскольку зачастую сама тема высказывания уже задает характеристики там, где по формальным признакам этих характеристик нет. Например, представление о том, что «рынки контролируются азербайджанцами» является достаточно распространенным среди жителей Санкт-Петербурга; следовательно, в тексте могут присутствовать формулы «они на рынках торгуют», что уже является, таким образом, негативной характеристикой. Иными словами, помимо самого текста есть внетекстовая реальность, которая воздействует на восприятие и текста в целом, и упоминаемых групп.

Известный дискурсивный треугольник «автор — предполагаемая аудитория — текст»⁴ с точки зрения социологии массовых коммуникаций можно также изучать с различных позиций. Исследователь, по терминологии Кеннета Пайка, исходит из так называемого этного, внешнего по отношению к культуре, подхода⁵. Очевидно, что все части упомянутого треугольника могут быть рассмотрены как в рамках этного, то есть внешнего, критического подхода, так и эмного, то есть оперирующего понятиями самой культуры. В современном российском дискурсе модели, дискриминационные с этной, исследовательской точки зрения, приняты и зачастую считаются нормальными, поскольку нормальны с точки зрения эмной, внутренней. Например, высказывания, объясняющие, что представители какой-нибудь этнической группы на самом деле не торговцы, а «ученые, врачи, учителя», только укрепляют объяснительную модель культурного расизма, с точки зрения которого только представитель «цивилизованной» профессии достоин уважения общества⁶.

⁴ Frake Charles. The Ethnographic Study of Cognitive Systems // Anthropology and Human Behavior. Wash. D.C.: Anthropological Society of Washington, 1962. P. 72–85.

⁵ Понятия emic и etic образованы лингвистом Кеннетом Пайком от терминов phonemic и phonetic соответственно. «Эмным» подходом Пайк называл изучение определенной системы изнутри, используя язык описания самой системы, «эт-ным» — взгляд на нее извне, со стороны внешнего наблюдателя. См.: Pike Kenneth. Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior // Language and thought: an enduring problem in psychology. Princeton, NJ: D. Van Nostrand Company, 1967. P. 32–39.

⁶ Забегая вперед, отметим, что с точки зрения общепринятых подходов к исследованию языка вражды такое высказывание, скорее всего, будет расценено как «позитивное».

1. Исследования языка вражды в России

Можно утверждать, что существующие исследования текстов языка вражды в современной российской литературе разделяются на два основных типа. Первые исследования опираются, как уже указывалось, на качественные методы, в большей мере анализируя типы и виды объяснительных моделей или дискурсивных стратегий. Они могут дать характеристику дискурсу в целом, но не позволяют ни оценить масштаб явления, ни сравнить различные издания, региональную специфику и т.д. Однако такая методика позволяет исследовать именно влияние дискурса на дискриминационные социальные практики. Наиболее важным в таких исследованиях является анализ языкового поведения как этнического большинства, так и меньшинства, причем наиболее важный их вывод — это то, что в дискурсах и большинства, и меньшинств используются общие модели. Одним из важных результатов этой работы явился вывод о сложности отделения доминирующих объяснительных моделей в языке ненависти радикальных текстов (например, теория заговора) от принятого в обществе нормального дискурса, языка большинства. Основные дискурсы, господствующие в обществе (согласно классификации О. Карпенко⁷, «классический», «этнический», «хозяйский», «культурный» расизм), в той же мере распространены и используются как в общественном дискурсе, так и в маргинальных слоях общества. Отличие состоит в способах презентации этих моделей. Например, в общепринятых текстах будет отсутствовать экспрессивная лексика, которая в радикальных текстах используется только в дискриминационных дискурсивных моделях, что само по себе ошибочно принимается за язык вражды.

Например, в 2001 году в рамках федеральной целевой программы «Воспитание установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001–2005) проводилось изучение языка ненависти на сайтах радикальной направленности в Рунете. В рамках данного исследования был проанализирован язык сайтов различной ориентации — от неонацистов до неоязычников. Основным подходом в данной работе был анализ дискурса, учитывающего не только номинации различных групп «Других», но и предсказываемые им действия⁸. Иными

⁷ Карпенко Оксана. «И гости нашего города» // Отечественные записки. 2002. № 6.

⁸ Основные результаты работы опубликованы: Дубровский Д.В., Карпенко О.В., Кольцова Е.Ю., Торчинский Ф.И., Шпаковская Л.Л. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003.

словами, речь шла не только о называемых Других, но и о приписываемых Им характеристиках и действиях.

Примером других работ, посвященных языку вражды, являются исследования, в которых основной упор делается на типологию форм высказываний. Так, автором, который одним из первых опубликовал систематическую сводку по языку вражды в России, стала Вера Малькова⁹. Согласно В. Мальковой, «этническая» информация распространяется по «этническим каналам». Сама же информация делится на «концентрированную», которую несут СМИ этнических диаспор и меньшинств, и «рассеянную», которую распространяют «наднациональные издания». Особой проблемой при этом называется «содержание и направленность» этнической информации, а также ее «потенциальный эффект». В частности, В. Малькова указывает на существование «этнопозитивной» и «этноконфликтной» этнической информации¹⁰. Другими словами, предполагается, что есть «хорошая» и «плохая» информация об этнических группах, которую могут распространять СМИ¹¹.

Исследовательница предложила типологию форм проявления этнической информации в прессе, которая должна проиллюстрировать «механизм передачи этничности в массовое сознание»¹²:

К формам передачи такой информации в прессе автор отнесла следующие:

1. Сообщение фактов (как правило, специально отобранных) о жизни этносов, их культуре, экономике, политике.
2. Создание и распространение этнических образов и стереотипов, как позитивных, так и негативных.

Показательно, что в рассматриваемых примерах словосочетание «болгары — дружественный народ» автор предлагает рассматривать как «создание позитивного стереотипа», а «чеченские бандиты», соответственно, отрицательного, нетолерантного.

⁹ Малькова Вера. Остановитесь! Оглянитесь! К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. М.: ИЭА РАН, 2002.

¹⁰ Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Мы — сограждане (СМИ и общество). М.: Бонфи, 2002. Т. 2. С. 296–313.

¹¹ Такую информацию автор еще называет «позитивной» и «конфликтной» этничностью.

¹² Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М.: НИК, 2002. 158–159.

3. Конструирование этнических идей, иногда подчеркивающих пользу или вред Нам со стороны Других.

Автор явно различает «конструирование» конфликтное, то есть высказывания, связывающие мигрантов с вредом («слишком много этнических мигрантов приезжает к нам, они нам мешают, их надо выселить»), и позитивное, то есть высказывания, связывающие их с пользой («К нам приезжают многие инокультурные мигранты из разных уголков страны и зарубежья, и они привозят нам много своих обычаев, много интересного из своей жизни, поэтому мы познаем жизнь во всем ее многообразии»).

4. Толерантная или конфликтная мифология о прошлом, настоящем и будущем Нас и Их, о наших и Их интересах и их защите.
5. Толерантная или конфликтная лексика, содержащаяся в этнической информации, в том числе в заголовках публикаций, которые даются в газетах.
6. Изобразительные средства — рисунки, фотографии, карикатуры с этнической тематикой.

Можно согласиться с уже высказывавшейся критикой по поводу такой типологии. Суммируя мнение, высказанное авторами исследования ксенофобии в СМИ¹³, можно сказать, что в настоящей типологии нарушен основной ее принцип, а именно общее основание для типологии. Действительно, можно ли объединять в качестве общих форм «лексику», указанную в п. 5, мифологию (п. 4) и «изобразительные средства»?

Кроме того, наибольшие сомнения вызывает использование терминов, связанных с принципиально другой научной традицией, например «конструирование этнических идей». Представляется, что такое использование термина «конструирование» не вполне корректно, поскольку речь идет о высказывании, достаточно определенно оценочном. Конструирование же — это процесс.

В дальнейшем подобный подход был развит и конкретизирован В. Мальковой в монографии «Не допускается разжигание межнациональной розни»¹⁴. В этой работе, которая в целом повторяет предыдущую, автор предлагает определенную систему анализа языка вражды в рамках уже предложенного деления на этнические лексемы, этнические

¹³ Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ» // Международный институт гуманитарно-политических исследований (http://www.igpi.ru/bibl/other_article/1101820840.html).

¹⁴ Малькова В. «Не допускается разжигание межнациональной розни». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М.: Academia, 2005.

стереотипы, этнические идеологемы и мифологемы¹⁵. При этом основным концептом, при помощи которого анализируются тексты, является «толерантность» и противопоставленная ей «конфликтность» (отсюда и термин «конфликтогенные лексемы»).

Судя по очередности изложения выделенных лексем, автор предлагает рассмотреть лексемы по шкале от «нейтральности» до очевидной «интолерантности». В таком случае становится понятной логика представления следующих групп лексем:

- употребление толерантных слов и выражений;
- лексемы, обозначающие отклонение от нормы;
- нейтральные этнические лексемы;
- этнические лексемы-нелепости;
- метафорические или эпатажные лексемы;
- лексемы-насмешки;
- лексемы-обвинения;
- лексемы-ярлыки;
- лексемы-стереотипы¹⁶.

Обращает на себя внимание определенная двойственность, связанная с пониманием толерантности. Обращаясь к «толерантным» лексемам (по мнению автора, к ним относятся «гуманизм», «дружба народов», «уважение», «великодушные» и т.д.), исследователь противопоставляет их следующей группе, которая представлена словосочетаниями, обозначенными как «отклонения от нормы». В качестве таковых рассматриваются слова «антисемитизм», «национализм», «шовинизм», употребленные «в осуждающем контексте». Как кажется, возникает довольно много вопросов в связи с теми примерами, которые приводятся автором для подтверждения своей позиции. Вызывает недоумение, например, включение в список толерантной лексики лексем, описывающих «близость, единство или родство некоторых народов»¹⁷. Как представляется, в таком случае в разряд толерантной лексики попадут многочисленные расистские тексты, в которых будет доказываться, например, арийскость славян и германцев в противопоставлении к «унтерменшам». Кроме того, возражение вызывает использование таких терминов, как «тревожащая лексика» и «конфликтогенные лексемы». Автор считает, что частое использование таких слов, как «конфликт», «агрессия», «нападение», само по себе является конфликтогенным фактором, который якобы используется журналистами в целях «сознательного нагнетания чувства тревожности

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Там же.

и обеспокоенности». Принимая позицию такого рода, следует считать, например, все журналистские публикации, посвященные нападениям на почве расовой, религиозной или этнической розни, примером «нагнетания тревожности». Как кажется, позиция такого рода не только достаточно уязвима для критики, но и создает почву для ограничения публикаций, в которых речь идет о социальных проблемах, в том числе и различного рода конфликтных ситуациях.

Особой категорией в данной типологии являются «нейтральные этнические лексемы». В качестве примеров в монографии указаны, в частности, «чеченский акцент», «американские спецслужбы». Автор делает оговорку, что такие примеры «сами по себе достаточно нейтральны», но, поскольку грань достаточно тонка, она нарушается в случае использования определенного контекста. Показательно, что приведенные примеры, на наш взгляд, далеки от нейтральности хотя бы потому, что реальность, к которой адресуются лексемы такого рода, предполагает определенную степень проблематизации¹⁸.

Далее автор переходит уже на маркированные «этнические лексемы». Под этническими лексемами автор понимает словосочетания, либо содержащие «этнические» маркеры («грузинские песни», «американский флаг»), либо элементы сниженной лексики, связанной с языковой дискриминацией определенных групп («чечмеки» и т.д.). В качестве лексем-нелепостей фигурируют выражения, которые, очевидно, показывают представления самого автора об этническом языке. Можно, безусловно, согласиться с автором по поводу выражения «лица кавказской национальности», но совсем непонятно, почему «грузинские чеченцы» или «русские корейцы» фигурируют в качестве примеров такого рода лексем-нелепостей. Очевидно, что в таком случае выражения вроде «американский еврей» также попадет в такие нелепости, между тем кажется очевидным, что в ряде случаев речь идет просто об указании гражданства вместе с этнической принадлежностью (как в случае с «грузинскими чеченцами»).

Особо хочется остановиться на такой группе, как метафорические или эпатажные лексемы, представленные выражениями типа «русские любят левый вариант» или «цыган прижмут к ногтю». Автор рассуждает, что, мол, журналисты просто «таким странным образом сообщали о предстоящей регистрации цыган в Москве»¹⁹. Эта ремарка кажется чрезвычайно показательной по двум причинам. Во-первых, кажется, саму по себе регистрацию

¹⁸ О проблематизации см. ниже.

¹⁹ Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 41.

представителей определенной этнической группы в Москве автор дискриминационной не считает. Нетолерантным, по сути дискриминационным, таким образом, становится не столько событие, сколько «неправильное» сообщение о нем. Во-вторых, показательно, что, следуя логике автора, рассмотренной выше, такого рода информацию вообще не надо было публиковать, поскольку она явно будет «тревожащей и нагнетающей».

Еще более уязвимыми с этой точки зрения кажутся предложенные для анализа «идеологемы»²⁰. Так, в качестве примера «консолидирующих» идеологем приводятся рассуждения, что азербайджанцы едут в Россию потому, что считают ее своим домом (из статьи под названием «Есть ли “кавказская крыша” у рынков?»). А примером правильной передачи нетолерантной информации становится высказывание представителя президента в Государственной Думе, который действительно высказал мнение, что «бомжи, бродяги, нищие таджики нам не нужны...», и журналист воспроизвел эти слова, немедленно попав в разряд «идеологемы обособления»... Вообще вся система, предложенная В. Мальковой, страдает, как кажется, одним главным недостатком. Помимо существенных замечаний, предъявляемых к такой систематизации, для постоянного мониторинга и оценки уровня интолерантности прессы попросту невозможно использовать систему, при которой заполняется формуляр с 347 позициями²¹.

Гораздо более удачный принцип классификации материала был предложен исследовательской группой правозащитных организаций (среди которых — Центр «Панорама», Фонд защиты гласности, Центр развития демократии и прав человека и Московская Хельсинкская группа), которые проводили мониторинг уровня ксенофобии на страницах печатных СМИ в различных регионах России. В дальнейшем эта методика была развита и серьезно откорректирована в рамках работы Информационно-аналитического центра «СОВА»²².

Первоначально (в 2002 году) в предложенной методике уровень интолерантности определялся по принципу наличия дискриминации по отношению к определенным группам (объекты языка вражды) и по шкале выраженности дискриминационных лозунгов и призывов. Очевидным

²⁰ Полный список идеологем приводится: Там же. С. 81.

²¹ Там же. С. 208–221.

²² Последняя опубликованная версия доступна на сайте Центра «СОВА» (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/698E1F2>).

Анализ самого последнего этапа мониторинга включен в этот сборник. Там же можно видеть и классификацию языка вражды, используемую в мониторинге «СОВЫ» сейчас, исправленную, в частности, с учетом критики недостатков первоначальной классификации — *Примеч. ред.*

образом авторами данного исследования были учтены еще и зарубежные рекомендации по недопущению языка вражды. В результате авторы разделили весь спектр текстов на три категории:

Жесткий язык вражды:

- прямые и непосредственные призывы к насилию;
- призывы к насилию в виде общих лозунгов;
- прямые и непосредственные призывы к дискриминации;
- призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда исторических и современных примеров насилия и дискриминации).

Не столь жесткий, средний язык вражды:

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации;
- публикации, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;
- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической группы;
- указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами;
- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы;
- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;
- обвинение в негативном влиянии той или иной этнической группы на общество, государство;
- призывы не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической группе.

Относительно мягкий язык вражды:

- создание негативного образа этнической группы;
- упоминание названия этнической группы в уничижительном контексте;
- утверждения о неполноценности той или иной этнической группы как таковой;
- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической группы;
- упоминание этнической группы или ее представителей в уничижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике);

- цитирование явно ксенофобских высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста²³.

Обращает на себя внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, авторы этой методологии признаются, что «введенные нами виды не только не имеют четких границ, но и заведомо пересекаются»²⁴. Кроме того, мониторам предлагалось еще и «исходить из того, насколько им самим было бы неприятно прочитать подобные высказывания» о той группе, к которой они сами себя причисляют²⁵. В этом смысле степень субъективизма такого рода оценки представляется достаточно высокой: с одной стороны, сами мониторы оценивали степень неприятности того или иного высказывания, с другой — сама классификация, в чем авторы признаются сами, предполагает неоднозначность отнесения того или иного высказывания к определенному описанному выше типу. Таким образом, представляется, что для целей индексирования текстов подобная технология оказывается неприемлемой²⁶.

В последнем по времени публикации варианте такого рода классификация была изменена²⁷. Прежде всего, авторы отказались от деления языка вражды на жесткий, средний и мягкий, как в предыдущей версии. Тем не менее, в большинстве случаев классификация высказываний была сохранена.

В этой классификации есть также ряд моментов, которые представляются весьма спорными с точки зрения их операционализации. Прежде всего, это, конечно, комментарий к классу D (создание негативного

²³ Верховский Александр. Введение // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002. С. 17–18; Он же: Общий анализ результатов мониторинга // Там же. С. 42–43.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Там же.

²⁶ При этом мы ни в коем случае не разделяем той критики, которая уже была высказана в отношении данной работы; например, по вопросу «каким образом и кого может “дискредитировать связь этнических и религиозных групп с российскими... государственными структурами”, если мы признаем российское государство легитимным...» (Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Указ. соч.). Для авторов настоящей работы эта категория вполне приемлема, например, для классификации распространенного среди праворадикальных групп термина ZOG — «zionist occupation government». Очевидно, что подобное возражение критиков здесь явно неуместно.

²⁷ Кожевникова Галина. Язык вражды после Беслана: поиски врага и ответственность журналистов // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2004. 8 декабря (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/492BB55>).

образа этнической или религиозной группы), согласно которому форма передачи такого рода высказывания вообще не текстовая, а высказывание «скорее передано тоном текста». Совершенно очевидно, что именно автор имеет в виду, и, одновременно, представляется совершенно невозможным хоть как-то операционализировать «тон» всего текста. Кроме того, это еще и явное нарушение принципов классификации: единицей анализа в данном случае становится не высказывание, а весь текст целиком. Этот же недостаток можно адресовать и другим классам: например, F — публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы Холокоста или утверждение, что «чеченцев выслали за то, что они перешли на сторону Гитлера»), и E — оправдание исторических случаев насилия и дискриминации (выражения типа «турки резали армян в 1915 году в порядке самообороны»). В обоих случаях речь явно может идти не только об отдельных высказываниях, но и о целых текстах. Некоторые классы, наоборот, как представляется, грешат некоторой детализированностью: например, класс N. (призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, протесты против строительства мечети в «православном городе»)). Очевидно, что не менее агрессивной будет антимигрантская риторика вообще, без указания этнической и религиозной принадлежности мигрантов²⁸, но она в такой формулировке не будет подпадать под мониторинг, по крайней мере, под эту позицию. Еще одним уязвимым пунктом в методике мониторинга представляется ориентация на конкретные объекты языка вражды. Г. Кожевникова признается, что после бесланских событий в рубрике в качестве отдельного объекта языка вражды были включены «ингуши»²⁹. Другими словами, использование такого подхода в ситуации, когда объектом языка вражды гипотетически может стать любой народ мира, просто не вполне удобно, коль скоро каждый раз будет необходимо включать туда новый объект вражды в связи с конкретными высказываниями в адрес конкретного народа.

Общим принципом этой методологии, как кажется, является классификация реального массива текстов. Г. Кожевникова давно и хорошо знает практически все возможные виды языка вражды, и потому такая классификация охватывает действительно существующие высказывания.

²⁸ Наиболее ярким примером является риторика Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ).

²⁹ Кожевникова Г. Язык вражды после Беслана...

Схожим образом была проведена и работа в рамках Федеральной целевой программы «Воспитание установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», результаты которой опубликованы на сайте Института гуманитарно-политологических исследований³⁰. Авторы предложили систематизацию по наличию следующих интенций, высказанных в тексте:

- 1) призывов к насилию (геноциду, убийствам, физическим правам, сексуальному насилию, репрессиям, депортациям) или угрозам насилия в отношении этнической группы, ее фрагментов или отдельных ее представителей;
- 2) призывов к этническим чисткам на определенных территориях, к фильтрации миграционных потоков по этническому принципу или угроз таковых в отношении этнической группы, ее фрагментов или отдельных ее представителей;
- 3) призывов к дискриминации (нарушению прав и свобод человека, умалению в гражданских правах, лишению социально-статусных и профессиональных позиций) этнической группы, ее фрагментов или отдельных ее представителей, равно как и требований льгот и привилегий по этническому принципу;
- 4) утверждений об исторических и актуальных преступлениях (криминальности) той или иной этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей;
- 5) утверждений о наличии заговора, предосудительных и опасных намерений той или иной этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей против другой этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей;
- 6) пропаганды исторических и современных примеров насилия и дискриминации в отношении этнической группы, ее фрагментов или отдельных ее представителей;
- 7) сознательной фальсификации информации, ставящей под сомнение исторические и актуальные факты насилия и дискриминации в отношении этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей;
- 8) указания на связь этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей с криминальными структурами, экстремистскими организациями, нелегитимными и нелегальными политическими акторами;

³⁰ Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Указ. соч.

- 9) обвинения в негативном влиянии той или иной этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей на экономические, социальные, политические процессы;
- 10) утверждения о наличии устойчивых негативных «черт национального характера» или «этнических особенностей психики» применительно к той или иной этнической группе, ее фрагментам или отдельным представителям;
- 11) упоминания названия этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей в уничижительном, оскорбительном контексте;
- 12) утверждения о физической, интеллектуальной, духовной или моральной неполноценности этнической группы, ее фрагментов или отдельных представителей.

Очевидно, что такого рода система также весьма несвободна от критики, прежде всего по вопросу о том, насколько реальные тексты укладываются или не укладываются в предложенные авторами данного исследования 12 пунктов. Следует указать, что, критикуя методику, высказанную в работе «Язык мой...», авторы предлагают считать нетолерантным исключительно указание на связь этнической группы... с нелегитимными и нелегальными политическими акторами (п. 8). В связи с этим представляется не вполне понятным, куда тогда можно отнести фразу, например, о том, что «государственное телевидение захвачено представителями известной национальности», кратко изложенную в термине «тель-авидение»? Правда, наверное, такая фраза будет отнесена в п. 9 — о негативном влиянии группы на социальные, политические процессы. Вообще, обращает на себя внимание некоторая несоразмерность предложенного списка. На наш взгляд, некоторые предложенные принципы более объемны, нежели другие, и включают более широкий класс высказываний. Например, указания на связь представителей определенной этнической группы с криминалом совершенно очевидно входят в пункт о негативном влиянии определенной группы на социальные и политические процессы. Кроме того, особая проблема возникает с термином «сознательная фальсификация» информации, ставящей под сомнение факты этнической дискриминации. Поскольку достаточно хорошо известна, например, историческая школа отрицания Холокоста, то будет ли пересказ положений в рамках этой идеологии «несознательной» фальсификацией или авторы имеют в виду, что любое отрицание, скажем, Холокоста или геноцида армян, является по преимуществу несознательным?

Обращает на себя внимание и этноцентричный подход, свойственный авторам последнего исследования. Действительно, представление

о наличии устойчивых «черт национального характера» или «этнических особенностей психики» применительно к той или иной этнической группе является общим местом в рассуждениях отечественных и зарубежных этнопсихологов. Очевидно, степень субъективизма в определении того, какие черты являются негативными, а какие позитивными, весьма и весьма высока. В связи с этим кажется показательным мнение, разделяемое, впрочем, и В. Мальковой, что бывает позитивная и негативная этническая информация, существуют позитивные и негативные черты национального характера. В самом деле, простая логика сопротивляется идее, что позитивные черты «национального характера» коллективны, а негативные — индивидуальны. Странно, что авторы не обращают внимания на логику переноса, свойственную расистскому дискурсу в целом, очевидно, считая толерантными высказывания вроде «все африканцы — умные» (поскольку высказывание «все африканцы — глупые» будет попадать именно в разряд негативной этнической характеристики).

Тем не менее, более широкий принцип классификации, положенный в основу указанного исследования, на наш взгляд, имеет преимущество перед более дробной классификацией коллективной монографии «Язык мой...» потому, что несмотря на уже указанные замечания позволяет определять тексты более целостно и с меньшими затратами времени на оценку конкретного текста и издания. Представляется, что принцип минимизации классов высказываний, своего рода укрупнения кластеров может быть положен в основу индекса, используя который можно будет переводить формальную качественную оценку текстов в количественные параметры его толерантности/ интолерантности.

Совершенно иные идеи положены в систему, сравнительно недавно предложенную группой авторов, которые называют свой подход психолого-правовым³¹. В рамках этого подхода текст рассматривается как частный случай межгруппового общения. В связи с этим применяются те базовые конструкты, которые используются для характеристики межгруппового общения в рамках социально-психологической теории. Таких конструктов три: информационно-коммуникативный, перцептивный и интерактивный³². Авторы исследования выстраивают соответствующие этим базовым концептам группы. Так, информационно-коммуникативному конструкту соответствует группа «ложной идентификации», перцептивному — ложной атрибуции, а интерактивной — «мнимой обороны».

³¹ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2005.

³² Там же. С. 109.

Ложная идентификация, согласно авторам — это формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии путем приписывания негативных характеристик, стремления следовать древним обычаям, утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации над другой.

Ложная атрибуция — приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии. В эту категорию входят перенос ответственности за деяния отдельных представителей определенной группы на всю группу, утверждение о несовместимости групп, высказывания в духе теории заговора, объяснение всех проблем социальной, культурной и политической жизни действиями определенной этнической, расовой, религиозной группы.

Мнимая оборона — это, по версии авторов, побуждение к действиям против какой-либо нации, расы и религии различными способами: от оправдания геноцида до различных призывов к дискриминации и насильственным действиям по отношению к представителям определенной группы (групп)³³.

В данном подходе, очевидно основанном на логике развития концепта насилия, свойственной радикальному дискурсу, есть определенная целостность. Если в первой группе речь идет исключительно о формировании образа Другого, а во второй — оправдание последующего насилия в отношении Других как «самообороны» в связи с их вредоносностью, а в третьей — оправдание или призывы к насилию по отношению к уже обрисованным и обвиненным группам.

Проблема в использовании данного подхода для оценки уровня интолерантности прессы заключается, по всей видимости, в том, что сами авторы ставили свою задачу исключительно утилитарно, а именно: указать, какие именно признаки возбуждения расовой, национальной и религиозной вражды следует искать в искомом тексте. Авторы указывают, что собственно конструкция статьи 282 УК РФ не требует обязательной оценки степени выраженности проявлений вражды и ненависти³⁴. Тем не менее, в наиболее ярких случаях, очевидно, шкала, предложенная Александром Ратиновым, Михаилом Крозом и Натальей Ратиновой, может быть использована именно как измерительная с точки зрения нарастания концепта насилия в тексте. Это ее свойство и было использовано авторами индекса интолерантности, о котором речь идет ниже.

³³ Там же. С. 110–111.

³⁴ Там же. С. 117.

Иногда исследователи вообще отказываются от того, чтобы выделять классы высказываний, и останавливаются исключительно на признаках, характеризующих интолерантность в текстах³⁵. Это представляется достаточно взвешенным решением. Речь идет о признаках, которые можно выделить на основании формального анализа, не прибегая к классификации собственно высказываний и их смыслу. Выглядят они так:

1. Поляризованная репрезентативность, то есть жесткое и отчетливое деление на Своих, совпадающих с нормой, обладающих положительными признаками, и Чужих, аномальных, обладающих исключительно отрицательными качествами. При этом неважно, каким образом выглядит конструкция, созданная посредством такой модели: это может быть и «все русские высокодуховны» («позитивное конструирование»), и «все нерусские бездуховны» («негативное конструирование»). Показательно, что результат в случае обоих высказываний совершенно одинаков.
2. Наличие побудительных конструкций в отношении определенным образом описанной группы, например, «выдворим всех кавказцев из России» или «женщина должна сидеть дома».

Продолжая эту линию рассуждений, Елена Кольцова и Екатерина Таратута предложили свою последовательность формального анализа текста³⁶. В этой последовательности обращает на себя внимание несколько ценных замечаний. Во-первых, авторы предлагают удачный, на наш взгляд, термин «сверхобобщение», когда Мы-группе приписываются все положительные качества и свойства³⁷. Любопытен и термин «расширение», когда своя группа презентруется как группа, представляющая интересы более широкой группы (например, «всех русских», «всех славян», «всех православных» и т.д.). Представленная система достаточно проработанна, но тем не менее обладает недостатком, на наш взгляд, схожим с тем, который был отмечен для исследования «Язык мой...». Дело в том, что авторы сами отмечают, что проведение мониторинга по представленной методике требует не только специальной подготовки, но и специалистов особого профиля³⁸, что делает затруднительным широкое использование этого инструментария.

³⁵ Дубровский Д.В., Карпенко О.В., Кольцова Е.Ю., Торчинский Ф.И., Шпаковская Л.Л. Указ. соч.

³⁶ Кольцова Е.Ю., Таратута Е.Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 6. 2003. № 4. С. 112–128.

³⁷ Там же. С. 121.

³⁸ Там же. С. 128.

Отдельным направлением в изучении и анализе языка вражды стала школа социогуманитарной экспертизы Николая Гиренко, трагическая гибель которого приостановила развитие этого подхода³⁹. Основным в этом методе, довольно общо описанном в той литературе, которая увидела свет при жизни Н.М. Гиренко, является опора на смысловую направленность текста. В рамках небольшой брошюры им была высказана идея, что анализировать в целом надо не столько формальную сторону текста, план выражения, а план содержания, то есть некоторую мировоззренческую модель, выделение которой и является сутью анализа: «Собственно смысловая направленность <текста> будет заключаться в первую очередь в пропаганде этой модели»⁴⁰. Основным в определении социальной опасности такого рода действий предлагалось считать смысловую направленность текстов. Так, ориентирами для определения признаков вражды и ненависти в тексте служили:

«1. Возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды и ненависти... действиями, ведущими к возникновению ... должны быть признаны публичные высказывания... смысловая направленность которых заключается в вытеснении лица или группы лиц из отдельной общественной сферы на основании принадлежности или непринадлежности данного лица... к определенной национальной или расовой группе... а также аналогичные публичные действия, смысловая направленность которых заключается в ... установлении дискриминации.

2. Унижение национальной или расовой чести или достоинства... могут выражаться в провозглашении неравноценности для общества граждан на основании их национальной или расовой принадлежности... смысловая направленность заключается в том, чтобы вызывать заведомую неприязнь, недоброжелательное отношение».

В этих достаточно беглых замечаниях наиболее важными кажутся два обстоятельства. Во-первых, включение в определение индивидуума (не только «групп», но и «лиц»). Это кажется достаточно важным в связи с очевидной ориентацией всех остальных исследователей (за исключением авторов монографии «Язык мой...») на принцип групповых взаимоотношений, предполагающих опору на групповые характеристики и групповые же интеракции. Во-вторых, достаточно важным кажется концепт

³⁹ Винников А.Я., Гиренко Н.М., Коршунова О.Н., Леухин А.В., Серова Е.Б. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной и расовой вражды и ненависти. СПб.: б/и, 2002; Гиренко Н.М. Экспертиза материалов на предмет наличия признаков, попадающих под определение «экстремизма» // Этнос. Культура. Закон. СПб.: Carillon, 2004. С. 189–206.

⁴⁰ Там же. С. 89.

дискриминации, связывающий тексты с их социальными последствиями, реальную практику исключения — с дискриминацией в языке. Таким образом, в подходе группы Н.М. Гиренко представляется наиболее важным именно принцип поиска основной мировоззренческой модели, связанной с определенным текстом, а также взаимосвязи языковой и социальной дискриминации, что, как кажется, настолько явно более ни у кого из авторов не прослеживается.

Методика интент-анализа была использована авторами исследования, предпринятого в Перми в 2004 году. Сутью подхода является отказ от анализа содержания текста, а исследование так называемой интенции, то есть направленности текста на некий объект. С точки зрения авторов исследования, таким образом выявляются «скрытые убеждения и установки человека», которые затем делятся на положительные и отрицательные. Классификация интенций дает возможность, по мысли авторов, распознать истинную направленность текста и целеполагание автора⁴¹. Другими словами, речь идет о переносе акцента с самого содержания на предполагаемую цель автора, что, на наш взгляд, сильно увеличивает степень субъективизма такого рода исследования.

Таким образом, рассмотрение всех доступных авторам исследований языка вражды показывает, что существует необходимость предложить такой индекс толерантности, который, с одной стороны, будет позволять переводить качественные характеристики текста в количественные, с другой — будет объединять все преимущества уже рассмотренных методов, нивелируя их недостатки⁴².

2. Индекс (ин)толерантности

Понятие толерантности подразумевает существование групп и индивидов, отличных друг от друга по разным параметрам и характеристикам — этническим, религиозным, культурным, социальным, национальным и т.п., так как основной посыл идеологии толерантности заключается в

⁴¹ Дзялошинская М.И. Отчет о научно-исследовательской работе «Разработка методик формирования в обществе установок толерантности через средства массовой информации», 2004 г. // Пермский региональный правозащитный центр. 2005 20 мая (http://www.prpc.ru/reshr/lib_52.shtml).

⁴² В настоящий обзор не вошла статья, в которой предлагается свой подход в выявлению интолерантности в прессе: Шайхитдинова С.К., Сагитова Л.В., Ходжаева Е.А. «Черный дипломат», «гости столицы» и другие. К методу диагностики латентной ин/толерантности в периодической печати // Другой в пространстве коммуникации. Казань: КГУ, 2007 (в печати).

выстраивании определенных гармоничных отношений в социуме. При этом основная разница в представлениях о толерантности заключается в том, что некоторые видят в толерантности практику межгрупповых отношений, а другие понимают толерантность как способ упорядочивания человеческого разнообразия, преобразования неравенства в горизонтальные равноправные взаимоотношения; другими словами, существует серьезная дискуссия между сторонниками группового и индивидуального подходов к исследованию практик (ин)толерантности.

Обобщая многие существующие определения, можно сказать, что **язык вражды — это способ языкового конструирования моделей и практик социального неравенства.**

Одним из важных социальных институтов, посредством которого вырабатываются и воспроизводятся модели взаимодействия между людьми, является пресса. Она формирует и закрепляет представления о культурном многообразии мира, о людях как о представителях различных групп, с которыми мы взаимодействуем; она объясняет, как нам нужно к ним относиться и как с ними себя вести. То, как пресса преподносит эту информацию, характеризует ее как толерантную или нетолерантную. Нетолерантная пресса может способствовать формированию негативного образа человека / группы, образа Других, отличных от нас, а может призывать нас к насилию и дискриминации без апелляции к их негативным качествам. Эти призывы могут быть прописаны открыто или даже кратко и емко — в виде лозунга, а могут быть не прописаны, но выводиться из текста как следствие общей логики изложения, как ответ на задаваемые в тексте вопросы, но ответ единственный, так как автор позаботился о подсказках. Валидный инструмент изучения толерантности прессы должен уметь фиксировать и явные и скрытые приемы — языковые хитрости. При составлении нашего индекса толерантности мы постарались выявить закономерности в нетолерантной подаче материала и зафиксировали основные способы, которые используются в прессе для выстраивания нетолерантных отношений к людям, принадлежащим к разным группам, даже если они прописано имплицитно, в силу чего большим достоинством индекса является как раз его чувствительность к латентным приемам нетолерантной подачи материала.

Наш индекс универсален в том смысле, что позволяет получить количественную оценку толерантности текста. Он может использоваться и для качественного анализа, так как обнажает основные критерии понятия толерантности прессы, проблематизируя возможные способы подачи материала и приемы, которые используются для нетолерантного освещения различных групп.

Индекс позволяет провести мониторинг прессы и изучить то, как различные издания отражают взаимодействия, различия между группами; предоставляет возможность сопоставить несколько текстов и изданий между собой; иерархизировать их по степени толерантности к той или иной группе; сравнить изменения характера издания во времени; проанализировать, какие группы выступают в роли акторов взаимодействий, какие группы представлены чаще всего. Очевидно, что в случае с проправительственной прессой в качестве Мы-группы будет выступать нация, а Другие-группы — те, кто не включается в нацию, издания, исповедующие идеи расизма, будут проводить различия между разными расами или этнически очерченными группами. Мы предлагаем такой инструмент анализа прессы, который позволяет работать с любым текстом независимо от того, где он был опубликован и чьи интересы отстаивает.

В основу индекса положены представления о механизмах формирования коллективных идентичностей, социальной репрезентации, выстраивания символических границ между группами, задаваемых положениями теорий социальной категоризации, социального конструирования реальности, дискурс-анализа. Индекс позволяет понять, что такое толерантность прессы, из каких важных компонентов она складывается.

Таким образом, индекс призван решить несколько задач. Основные его задачи — оценить текст на предмет толерантности, разобраться в том, что включается в понятие толерантной/нетолерантной прессы, и в то же время указать на то, как нужно писать толерантно.

Описание индекса (ин)толерантности

Индекс (ин)толерантности представляет собой расчетный показатель, который служит индикатором оценки интолерантности текста. Алгоритм подсчета индекса состоит из нескольких последовательных шагов. Так как ключевой для определения степени толерантности прессы является проблема репрезентации Других, первым шагом становится поиск в тексте Других. Наличие образа Мы-группы обязательно предполагает существование по крайней мере одной Другие-группы, и наоборот, создание образа Других всегда происходит за счет его противопоставления по каким-то признакам образу Мы. Поэтому в фокус анализа попадают тексты, в которых осуществляется не только идентификация значимых Других, но и самоидентификация. На следующем этапе анализируются система убеждений о Других, стратегии отношения к Другим и способы взаимодействия с Другими с точки зрения толерантности подобной

трансляции. Учитываются также способы подачи информации о Другом. Оценка производится по специально разработанным для этой цели критериям, на основании которых фиксируются наличие или отсутствие в тексте признаков интолерантности. На заключительном этапе работы подсчитывается итоговое значение индекса. Значения образуют ранговую шкалу и могут варьироваться от 0 до 18 баллов. Текстам, которые характеризуются нетолерантной подачей Другого, присваиваются значения от 1 до 18, а толерантные по отношению к анализируемому Другому и нейтральные тексты получают 0 баллов. Такое смещение оценивания в сторону ранжирования только нетолерантного материала отражает специфику понятия толерантности прессы: в то время как понятие толерантности основывается на принципе равноправия между группами «Мы — Другие», применительно к прессе толерантность подразумевает отсутствие нетолерантной репрезентации образа Другого.

Шаг 1. Мы и Другие

Сначала мы устанавливаем всех релевантных Других в тексте, для которых будет подсчитан индекс. В зависимости от целей анализа прессы данный индекс может применяться по отношению к широкому спектру различий — этническим, религиозным, классовым, гендерным и т.д. Значимые категории Других и рамки анализа определяются целями исследования. Например, изучение освещения в прессе миграционных процессов может ограничивать объект анализа мигрантами. В таком случае в этом исследовании релевантные Другие представлены одной группой — мигрантами. Следовательно, на этом этапе определяется, присутствует ли в тексте образ мигрантов, независимо от того, каким содержанием наполняется эта категория — этническим, культурным, религиозным или иным.

В свою очередь, в исследовании, направленном на выявление текстов расистского содержания, в качестве Другого будут выступать расы, а изучение этнофобии предполагает наличие у Другого этнических признаков.

Другие составляют неразрывную конструкцию с группой Мы-группой, к которой себя относит автор. Другие могут быть прописаны эксплицитно, а могут только подразумеваться, не будучи явно прописаны. В последнем случае мы их определяем негативно, то есть как не-Мы. Например, если Мы — это русский народ, то не-Мы — это не русские; если Мы — это православные, то не-Мы — это неправославные и т.д. Имплицитно может быть прописана и Мы-группа, так как наличие Других, к которым себя не относит автор, обязательно предполагает существова-

ние некой Мы-группы. В таком случае индекс составляется только для фигурирующей в тексте Другие-группы.

Для Мы-группы индекс не составляется. Для каждого Другого составляется отдельный индекс. Толерантность статьи в целом оценивается по наилучшему из получившихся индексов. При отсутствии релевантных других текст получает оценку 0.

Так, лозунг «Россия для русских» содержит Мы-группу «русские» в том случае, если автор себя к ней относит. Тогда границы группы Другие определяются конструкцией не-Мы – «нерусские», для которых и составляется индекс. Если автор, провозглашая лозунг, не считает себя русским, то «русские» выступают здесь в качестве Другого, который в этом примере является единственным объектом анализа, а для группы «нерусские» индекс не составляется. Но если, к примеру, изучается репрезентация гендерных различий в прессе, то лозунгу присваивается 0 баллов, так как в нем отсутствуют релевантные этому исследованию Другие.

Шаг 2. Критерии «насилие», «угроза», «дискриминация», «лексика», «проблематизация», «метонимия», «негатив»

На этом шаге в фокус анализа попадает транслируемая информация о Другом. При этом, как уже указывалось ранее, индекс подсчитывается для каждого Другого, который упоминается в тексте. Анализируются задаваемые границы образа Другого – кто включается в эту категорию, кто исключается, какие характеристики выступают в роли критериев членства. Изучается то, как прописан Другой, какими свойствами и качествами он наделяется, каким поведением реально или потенциально обладает, какая система действий и отношений в отношении Другого предлагается, какие приемы подачи информации используются.

1. **«Насилие».** Призывы к насилию, оправдание насилия или отрицание насилия (на этнической, религиозной или иной почве, например Холокост), имевшего место в прошлом. Здесь имеется в виду насилие нелегитимное, то есть не предусмотренное законами государства и международного сообщества – 5 баллов.

2. **«Угроза».** Указание на явную угрозу (жизни, здоровью, выживанию и т.д.), исходящую от релевантного Другого (например, утверждение об исходящих от «них» болезнях или насилии) – 4 балла.

3. **«Дискриминация».** Дискриминацией называется лишение отдельных лиц или групп по принципу их расовой, религиозной, этнической и иной принадлежности равных социальных, политических, экономических и иных прав. В исследуемых текстах дискриминация может быть определена как прямой или косвенный призыв или одобрение лишения

определенной группы лиц по признаку расы, этнической, религиозной принадлежности прав человека. Отличием от п. 1 («насилие») является призыв к легитимизации, то есть изменению законов или интерпретации законов таким образом, чтобы узаконить дискриминацию. Например, призыв «выселить кавказских преступников из города» является дискриминационным, потому что «некавказских преступников» не предполагают выселять; стало быть, осуществляется дискриминация по региональному признаку – 3 балла.

4. **«Лексика».** Критерий действует, если отрицательное отношение к Другому выражено с использованием сниженной лексики. Примеры: «зверьки», «чуркобесы» и др. – 2 балла.

5. **«Проблематизация-обобщение».** Критерий действует, если по логике автора всем Другим или большинству Других данного рода приписываются указанные качества и действия, а также при наличии любой иной неоправданной актуализации этничности и других характеристик релевантных Других – 2 балла.

К критерию относятся:

а) любые заключения о качествах или действиях Другого, сделанные на основе его группового членства – принадлежности к категории Другой (например, «будучи русским, он не отказался бы выпить») и, наоборот, заключения о принадлежности к категории Другой, основанные на проявляемых качествах или действиях (например, «он много пьет, следовательно, он русский шпион» или «гадалка, следовательно, цыганка»). Критерий не фиксируется, если речь идет об однозначно позитивных качествах или действиях Другого (например, «москвичи – очень хорошие люди»). Критерий может фиксироваться даже в том случае, если текст не содержит негативной информации о Другом – когда качества и действия нельзя интерпретировать как однозначно позитивные (например, «кавказцы очень эмоциональные» или «армянин – следовательно, сапожник, бизнесмен» и т.п.);

б) любое иное неоправданное объяснение явлений и свойств окружающей действительности посредством актуализации этничности и других характеристик релевантных Других (например, «русские приносят неудачу»; другой пример: фразы «и тут директором Капеллы назначили человека с московской пропиской» и «среди журналистов много евреев» обладают указанными признаками в том случае, если необоснованно призваны объяснить какие-либо события⁴³).

⁴³ Примерами, которые не обладают указанными признаками, являются: «директор Капеллы имеет временную прописку в Санкт-Петербурге, так как он прописан в Москве» и «среди журналистов были представители различных стран мира» – в том случае, если они действительно приехали из различных стран мира.

Критерий «проблематизация-обобщение» может быть прописан как неявно (например, «директор Капеллы — человек с московской пропиской, поэтому он ничего не знает о русской музыкальной культуре» — в данном случае речь идет о региональной группе Другие «москвичи», которой посредством связки «поэтому» в качестве групповой характеристики приписывается невежество), так и имплицитно («русские не могут найти работу, тогда как множество рабочих мест занято кавказцами и евреями»).

6) «Метонимия». Использование для обозначения Других устойчивых оборотов, имеющих дискриминационную природу. Например, «гости с юга» — 1 балл.

7) «Негатив». Негативная информация, отражающая негативное же свойство Другого. Например, несчастный случай, произошедший с человеком А, не считается, так как этот случай не является его свойством, а если человек А совершил преступление, то — 1 балл.

Наличие критериев 1–6 само по себе не подразумевает присутствие в тексте «негатива». «Негатив» усиливает предыдущие критерии в том случае, если кроме информации о призывах к насилию, угрозе и т.п. содержится информация об отрицательных свойствах Другого. Например, фразе «большинство цыганок — гадалки» присваивается 2 балла («проблематизация»), фразе «большинство цыганок — воровки» — 3 балла = 2 балла («проблематизация») + 1 балл («негатив»), а фразе «цыганка украла кошелек» — 1 балл («негатив»).

Особого внимания требует критерий «угроза», так как угроза, которая исходит от Другого может рассматриваться в качестве негативной информацией о Другом. В таком случае фиксируется критерий «угроза», а «негатив» учитывается только, если в тексте существует дополнительная информация отрицательного свойства о Другом, за исключением угрозы.

Если ни одного из этих критериев нет, то процесс завершен, и индекс получает значение 0, что означает отсутствие нетолерантного отношения. Если присутствует один или более критериев, то процесс продолжается.

Шаг 3. Суммирование оценок для каждого Другого

Выявленные на предшествующем шаге критерии суммируются для каждого Другого. Наличие возможности применения одного и того же критерия к разным частям текста рассматривается как повторение и не приносит дополнительных баллов.

Шаг 4. Множественные другие

Очень часто в материале есть несколько Других (например, коренные петербуржцы, азербайджанцы, узбеки, мусульмане, евреи). Для того чтобы оценить толерантность такого материала в целом, для каждого Другого нужно получить отдельный индекс. Затем материалу присваивается самое высокое из получившихся значений по шкале индекса (ин)толерантности.

Примеры использования индекса

Проиллюстрируем последовательность действий при работе с индексом на двух примерах. При оценке толерантности текста мы ограничиваемся четырьмя видами Других:

- 1) цивилизационные — люди из других стран; а также такие категории, как «Запад» и т.п.;
- 2) религиозные — люди других религий; а также такие категории, как «Ислам»;
- 3) региональные — люди из других регионов страны; а также такие категории, как «Москва» если имеется в виду регион, а не страна (в другом контексте «Москва» может обозначать Россию, тогда это цивилизационный Другой);
- 4) этнические — люди иной этнической принадлежности и категории типа «чеченцы».

Другой не фиксируется в тех случаях, когда различные населенные пункты, города, регионы, страны, континенты упоминаются только как географические объекты. Например, в статье рассказывается о неких событиях — особенных природных явлениях, достижениях науки и техники и т.п., — которые произошли в определенном месте («Путин и Назарбаев прибыли на саммит в Минск последними», ср. «Минск поддался давлению Москвы»; в первом случае в тексте нет релевантных Других, во втором Другой — Минск). Таким образом, исследуемый Другой должен обладать действительными характеристиками — активностью, пассивностью, нейтральностью и т.п. — в том или ином поле и по сути должен быть представлен как политический, культурный, экономический или другой актер или агент. Если же упоминаемая географическая коннотация подчеркивает особенность упоминаемого места и это упоминание имеет политический, экономический или культурный характер, то данное упоминание может рассматриваться как Другой. Например, «Петербург — культурная столица России».

Пример 1

Петрова Елена, Соснов Аркадий. Мир между цивилизацией и варварством // Аргументы и факты (Санкт-Петербург). 2001. 19 сентября.

Эхо трагедии, произошедшей в Америке, еще долго будет звучать во всем мире. Но первый шок понемногу начинает проходить. Кроме обсуждения первоочередных мер, которые нужно предпринять цивилизованному сообществу, чтобы противостоять угрозе терроризма, необходим и серьезный анализ причин, которые провоцируют и поощряют террор. Своими мыслями по этому поводу мы попросили поделиться известных петербуржцев – ученых и мыслителей.

Жорес АЛФЕРОВ, академик, лауреат Нобелевской премии:

– Америке объявлена война, у меня нет ни малейших сомнений. Трудно по горячим следам назвать число жертв этих терактов, сколь чудовищных, столь и внезапных, но, думаю, оно не уступает числу жертв затяжной войны в Чечне. Может быть, поэтому мы так искренне сострадаем американцам. Но и они теперь должны лучше понимать нашу боль. Отчетливо видно, что у нас общий враг – экстремизм и терроризм фундаменталистского толка. История учит тому, как опасно моделировать следующую войну исходя из образа предыдущей. Наши генералы думали, что победить в Великой Отечественной можно с помощью кавалерии и тачанок. Точно так же сегодня жизнь переписала сценарий третьей мировой войны как противостояния стран с разной идеологией и политической системой. Ясно, что линия водораздела проходит между цивилизацией и варварством, между научно-техническим прогрессом и оголтелым религиозным фанатизмом. И надо ли объяснять, на чьей мы стороне.

Наталья БЕХТЕРЕВА, академик:

– Я не могу комментировать происшедшее как ученый. Хотя само по себе появление людей до такой степени жестоких, что их не останавливают тысячи смертей, – страшноватый феномен. Как страшно и то, что возрождается институт камикадзе, правда, в новой, беспощадной редакции. Все-таки японские камикадзе – это были юноши, которых воспитывали идеологически в духе защиты Отечества через обязательную личную смерть, поддерживали в состоянии праздничного опьянения, прежде всего, от принесения в жертву себя. А современные камикадзе абсолютно трезво и расчетливо уносят жизни мирных граждан, не анонсируя даже название своей страны. Это похоже на массовый террор одиночек в отношении остального человечества. За что они воюют – за свою веру, религию? Но никто их этого не лишает. Остается предположить, что им мало места, что они воюют за мировое господство, а это опять же страшно. История знает примеры таких глобальных походов

Александра Македонского, Чингисхана, если хотите, Наполеона, но в тех случаях завоевателем мира был полководец, лидер, а мы наблюдаем безликую экспансию “на веру”. Объединение религией как таковое не есть зло. Объединение христианством прекрасно, потому что направлено на защиту общечеловеческих ценностей. Напротив, террористический акт даже против одного человека ужасен, а тут заведомо убивают многих. Жертвами становятся не только погибшие, но их родственники, друзья, растет концентрация несчастных людей. Я выскажу, может быть, крамольную мысль: каждый нормальный человек наделен искрой агрессии. В здоровом обществе достаточно сил, которые не дают ей “возгореться в пламя”, но, видимо, в некоторых государствах скопился слишком большой бесконтрольный запас агрессии, что чревато угрозой всей планете.

Александр ПАНЧЕНКО, академик:

– Никто не знает соотношения добра и зла в человечестве, возможно, оно всегда одинаково. Но есть важный нюанс – человечество постоянно умножает свои “успехи”, совершенствуя орудия убийства. Убивать стало легче, защищаться труднее. Мы живем в каинистском человеческом сообществе – от имени Каина, первого братоубийцы. Я всегда расспрашивал ученых, как вы беретесь за исследования, которые могут быть использованы против человека? Два ответа: “Так нужно было” и “Наука – это же так интересно!” Террористам стало легче достигать своих целей, и они дали пример другим новым видом убийства – самолетом с пассажирами. Злу ведь тоже учатся.

Мир стал маленьким, все близко, но мы забываем, что нужно различать страны, религии, давать свободу другим. Сейчас в России распространено выражение: “Нам надо делать как в цивилизованных странах”. Цивилизации-то разные! Америка – страна наивных людей, которые думают, что у них лучше всех. В этом вся беда. Смееют осуждать других за то, что живут по-другому. Ребята, вас жалко, потому что погибли люди, которые ни при чем. Но переучивать других на свой манер никак не получается и никогда не удавалось.

Даниил ГРАНИН, писатель:

– О том, что такое террор, Америка узнала самым страшным образом. Мы, да и остальная Европа, уже нахлебались. Россия предупреждала, что терроризм – самая страшная беда сегодняшняя, но американцы нам не верили. Возможно, теперь они перестанут быть изоляционистами, демократические страны объединятся хотя бы в своем отношении к терроризму. Нужно найти способы защиты. Мир, который выглядел сильным, оказался беспомощным. Для меня самые страшные кадры, когда на 50-м или 70-м этаже кто-то махал белым полотенцем, тряпкой, кофточкой, и никто не мог спасти: рухнули не только башни, но и наша уверенность, что живем в организованном мире.

Текст статьи представляет собой четыре краткие отклика на события 11 сентября видных представителей интеллигенции Петербурга, скрепленных небольшой преамбулой. Каждый из этих откликов можно было бы считать отдельным текстом; в целях нашего анализа это было бы даже удобнее. В связи с этим, хотя подобные материалы и можно считать единым целым, логично оценить данные тексты отдельно, а затем вынести общую оценку материала так, как это предлагается на третьем шаге.

Шаг 1. «Мы» и «Другие»

Алферов

Другой (причем враг) для Алферова — это религиозный (фундаменталистского толка) экстремизм; какая именно религия имеется в виду, не говорится, хотя контекст событий 11 сентября позволяет уверенно предположить, что имеется в виду прежде всего исламский экстремизм. В то же время явствует, что Алферов отрицательно настроен по отношению к оголтелому религиозному фанатизму вообще. Кроме того, в качестве Другого упоминаются американцы, но при этом они (как и Мы) отнесены Алферовым в цивилизацию, а не в варварство, так что совершенно ясно, на чьей Мы стороне. Исключенными же из Мы-группы являются варвары, для которых характерен религиозный фанатизм. Но поскольку этой группе Алферов не приписывает конкретно ни религиозной, ни этнической, ни даже (в наших терминах) цивилизационной принадлежности, то, строго говоря, этот Другой нерелевантен нашим задачам. Мы могли бы из знания контекста предположить, что не-Мы — это только мусульманские экстремисты, но это неочевидно. Поэтому в тексте единственный релевантный Другой — американцы.

Бехтерева

Как и Алферову, Бехтеревой угроза видится в воинствующем религиозном фанатизме, борющемся за мировое господство. Но в отличие от Алферова она явно противопоставляет разные религии, при этом отдавая приоритет христианству: *«объединение христианством прекрасно, потому что направлено на защиту общечеловеческих ценностей»*. Таким образом, Мы-группа — это христианская группа, Другие — не-христиане. В тексте этого отклика, в отличие от предыдущего, мы видим границы между группами в самом тексте, а не исключительно в контексте. Помимо религиозного Другого в отклике Бехтеревой прочитывается и цивилизационный Другой: *«в некоторых государствах (по-видимому, нехристианских; вероятно, исламских — Авт.) скопился слишком большой бесконтрольный запас агрессии»*.

Панченко

У Панченко единственный Другой, исключенный из Мы-группы — это Америка, пытающаяся переучивать других на свой манер. Террористы у него не отмечены ни религиозно, ни этнически, ни каким бы то ни было иным образом.

Гранин

Гранин выделяет в качестве отдельной группы Европу (*«Мы и остальная Европа уже нахлебались»*), противопоставляя и тем, и другим американцев, которые нам не верили. При этом под американцами подразумевается, скорее всего, только государственная элита. Как и у Панченко, террористы никак не отмечены.

Шаг 2. Критерии

Алферов

Алферов недвусмысленно дает понять, что речь идет о войне, в которой Нам нужно занять определенную сторону фронта. Его текст, безусловно, содержит призыв к действию, однако в этом тексте отсутствует явный Другой, подпадающий под одну из наших четырех категорий, кроме американцев. Момент спорный, но мы решили опираться в основном на текст и избегать ссылок на контекст, чтобы не делать наш инструмент слишком субъективным. В отношении же американцев нет информации, которая подпадала бы под один из наших критериев. Оценка — 0.

Бехтерева

В отклике Бехтеревой явно прочитывается угроза со стороны нехристианских экстремистов, борющихся за мировое господство. Также угроза присутствует и со стороны некоторых государств, где скопился слишком большой бесконтрольный запас агрессии. Оба варианта Других — религиозный и цивилизационный — получают по 4 балла по критерию «угроза». По остальным критериям данный текст не получает дополнительных оценок. Оценка — 4.

Панченко

У Панченко делается обобщение о том, что *«Америка — страна наивных людей, которые думают, что у них лучше всех»*, что позволяет нам задействовать критерий «проблематизация-обобщение». Оценка по данному критерию — 2. К тому же наивность американцев и их восприятие ситуации в стране как наилучшей являются негативной информацией. Оценка по критерию «негатив» — 1. В тексте содержится дополнительная

негативная информация об Америке — она «*пытается учить жизни весь мир*». Но «негатив» по отношению к одному и тому же Другому подсчитывается в тексте только один раз.

Гранин

У Гранина нет призыва к насилию, Америка не предстает в качестве угрозы, однако все же есть «негатив», так как «*американцы нам не верили и были изоляционистами*». Оценка — 1. Европа прописана нейтрально.

В рассматриваемых текстах не обнаружено высказываний, подпадающих под критерии «насилие», «дискриминация», «лексика», «метонимия».

Шаг 3. Сложение оценок для отдельного Другого

Алферов. Оценка 0.

Бехтерева. Присутствуют два релевантных Других — религиозный и цивилизационный. И тот, и другой получают по 4 балла по критерию «угроза».

Панченко. Присутствуют два критерия по цивилизационному Другому — Америке и американцам: «проблематизация-обобщение» (2 балла) и «негатив» (1 балл). Общая оценка — 3 балла.

Гранин. Америка и ее недоверие нам в фокусе внимания автора, но за исключением «негатива» других критериев нет, поэтому всего 1 балл. Общая оценка — 1 балл.

Шаг 4. Множественные Другие и множественные оценки

Итак, у Бехтеревой мы оценили по 4 балла двух Других — нехристианских экстремистов и некоторые цивилизационно иные страны; у Панченко Америка оценена в 3 балла; у Гранина — только 1 балл.

Если оценивать весь материал по наихудшей оценке, получается 4 балла по отрывку Бехтеревой.

Результат — 4 балла.

Пример 2

Ефремов Арсений. Карельский бунт // Аргументы и факты. 2006. 4 сентября.

Небольшой городок Кондопога в Карелии рискует стать в один ряд с Грозным, Буденновском и Бесланом. Четверо погибших, стихийный митинг и массовые погромы «кавказской» собственности. Такое нетрудно представить

в прилегающих к Кавказу российских областях, но чтобы такое случилось на Северо-западе России...

В минувшую среду конфликт начался в ресторане «Чайка», принадлежащим кавказцам (по разным данным это чеченцы и дагестанцы). Причины ссоры называются разными. Конфликт состоялся между барменом и компанией подвыпивших русских молодых людей. Началась драка, которую остановила милиция. После ее урегулирования, появились два автомобиля с соотечественниками побитого персонала ресторана. Кавказцы вновь развязали драку, не пытаясь установить причин и виновников, а вымещая злобу на любых подвернувшихся под руку русских.

В итоге, ресторанный ссора вылилась в большое побоище стенка на стенку, русские против кавказцев. Лучше подготовленные и вооруженные чеченцы и дагестанцы одержали победу. Оказавшиеся в значительном численном меньшинстве милиционеры не смогли загасить конфликт, либо не захотели этого сделать. В итоге в эту же ночь у ресторана «Чайка» были убиты трое русских молодых людей, мирно отдыхающие в ресторане (по сведениям очевидцев, зачинщики драки покинули место событий до приезда кавказской группировки), еще один молодой человек умер на следующий день в реанимации.

Утром в четверг, 40-тысячная Кондопога откликнулась на ночную драку и резню своим неорганизованным народным гневом. Четверг и пятница стали рекордными в истории карельского города по количеству драк, стычек и поджогов. В выходные, народное сопротивление кавказцам приняло более организованный характер. Стихийный двухтысячный митинг потребовал от властей выселения всех лиц кавказской национальности из города, поделив их бизнес между русскими предпринимателями, и провозгласил создание народных дружин из ветеранов чеченских войн. Благо ветеранов в Карелии хватает, некоторые проходили службу в боевых частях ВДВ.

По окончании митинга был сожжен злополучный ресторан «Чайка», зал игровых автоматов, торговые киоски, принадлежащие «кавказцам». Ни одного смертельного исхода среди выходцев с Кавказа не зафиксировано. Все они спешно покидают Кондопогу. Власти города, подтянув ОМОН, в воскресенье утром, сумели прекратить народные погромы, задержав свыше ста человек.

Всё это сильно напоминает еврейские погромы черносотенцев в 1905 году. И сейчас и тогда определённый сектор торговли практически полностью стал принадлежать людям иной национальности. Самому массовому сектору, с которым каждый сталкивается не один раз в день. Но если тогда неприязнь была основана на предрассудках, практически «охоте на ведьм», то сейчас она замешана на крови чеченских войн, на этнических криминальных группировках и большой степени народного недовольства.

Власти, понимая, важность правильной подачи информации о международных конфликтах, пытаются удержать ситуацию под контролем. Если следствием народной инициативы Кондопоги станет выселение кавказцев из города (а в данный момент именно это и происходит), то найдется немало горячих голов, которые с радостью переймут опыт карельского городка. Остается только надеяться, что власти смогут загасить конфликт, который может разгореться, уже не взирая на географию, практически в любом городе России. И сделать хотя бы несколько шагов в направлении декриминализации частного торгового сектора от кавказских группировок и удержании мира на территории России.

За кажущимся избавлением от неугодных жителей Кавказа придут жестокие ответные действия и, возможно, новые теракты. В среду четыре молодых русских парня уже стали жертвой нетерпимости народа и невнимания властей к проблеме.

Шаг 1. Мы и Другие

Другим для автора данной статьи является прежде всего региональный Другой – Кавказ или кавказцы, хотя он приобретает четкие этнические границы – дагестанцы, чеченцы, люди иной национальности, этнические криминальные группировки. Этот обобщенный региональный и этнический Другой противопоставляется Мы-группе как обитателям российских городов, в особенности – удаленным от Кавказа. В тексте указывается, что речь идет, прежде всего, о Северо-Западном регионе, но автор плавно переводит разговор в пласт противостояния Другие-группы – кавказцев и Мы-группы, которая также приобретает этнические очертания – русских. При этом Другие-группы в определенном смысле противопоставляется и России в целом как нечто отдельное от нее, несмотря на то что в состав Российской Федерации входят республики и области Северного Кавказа. *«Такое нетрудно представить в прилегающих к Кавказу российских областях, но чтобы такое случилось на Северо-западе России...»* Таким образом, Мы-группе – россиянам, русским противопоставляется Другие – люди иной национальности, преимущественно кавказцы.

Шаг 2. Критерии

Критерий «угроза» в данном тексте явно прочитывается в последнем абзаце статьи, где напрямую указывается, что «За кажущимся избавлением от неугодных жителей Кавказа придут жестокие ответные действия и, возможно, новые теракты», то есть открыто указывается на прямую угрозу жизни Мы-группы, особенно когда финалом этого абзаца выступает фраза: *«В среду четыре молодых русских парня уже стали жертвой нетерпимости народа и невнимания властей к проблеме»*. Оценка – 4 балла.

В данном тексте присутствует также и критерий «дискриминация», поскольку автор озвучивает призыв к власти: *«...сделать хотя бы несколько шагов в направлении декриминализации частного торгового сектора от кавказских группировок»*. При этом дискриминационным признаком выступает «кавказский» критерий, по которому, по мнению автора, следует проводить декриминализацию. Оценка – 3 балла.

В ряде частей текста присутствует и «проблематизация-обобщение». Наиболее яркий пример – следующая цитата: *«Всё это сильно напоминает еврейские погромы черносотенцев в 1905 году. И сейчас и тогда определённый сектор торговли практически полностью стал принадлежать людям иной национальности»*. Подчеркивание того фактора, что самый массовый сектор, *«с которым каждый сталкивается не один раз в день»*, принадлежит другой национальности, направлено на стремление читателя задуматься о «существующем дисбалансе» и его последствиях.

Еще одним примером «проблематизации-обобщения» является подчеркивание автором на протяжении всего текста фактов смерти русских и отсутствия жертв у представителей Другие-группы, то есть имеет место неадекватная актуализация этничности. Например: *«... были убиты трое русских молодых людей, мирно отдыхающие в ресторане...»* или уже упоминавшееся *«В среду четыре молодых русских парня уже стали жертвой нетерпимости народа и невнимания властей к проблеме»*, и как противопоставление этим фактам: *«Ни одного смертельного исхода среди выходцев с Кавказа не зафиксировано»*.

В тексте присутствует несколько вариантов «проблематизации-обобщения», но в рамках нашего индекса мы их не суммируем, то есть повторение одного и того же критерия при оценке одного Другого не приносит дополнительных баллов. Оценка – 2 балла.

В качестве возможного применения критерия «метонимия» можно указать на использование автором термина «кавказцы», который иногда подается в кавычках, но по большей части без них. Тем самым происходит нормализация достаточно распространенного дискриминационного оборота, направленного на обозначение Других только посредством фенотипических и региональных характеристик. Присутствует также распространенный в милицейском дискурсе оборот «лица кавказской национальности» *«Стихийный двухтысячный митинг потребовал от властей выселения всех лиц кавказской национальности из города»*. Оценка – 1 балл.

Помимо негатива, связанного с угрозой жизни Мы-группе, которую мы зафиксировали критерием «угроза» и в связи с этим исключаем из рассмотрения как «негатив», в тексте присутствует и другая негативная

информация о группе релевантных Других. Эта информация содержится во фразе: «Кавказцы вновь развязали драку, не пытаясь установить причин и виновников, а вымещая злобу на любых подвернувшихся под руку русских». Данная фраза характеризует Другие-группу как агрессивную и вспыльчивую и работает тем самым на закрепление уже имеющегося в обществе стереотипного восприятия представителей Кавказа через негативные характеристики. Оценка по критерию «негатив» – 1 балл.

В данном тексте не обнаружено прямых высказываний, позволяющих использовать критерии «насилие» и «лексика».

Шаг 3. Сложение оценок для отдельного Другого

В данном тексте – единственный Другой, при описании которых использованы 5 критериев. «Угроза» + «дискриминация» + «проблематизация» + «метонимия» + «негатив» = 4+3+2+1+1 = 11. Таким образом, общая оценка того, как «кавказцы» отражены в тексте, равна 11 баллам.

Шаг 4. Множественные другие

В данном случае этот шаг исключается, так как в тексте обозначен только один Другой.

Результат – 11 баллов.

Таким образом, предложенный индекс может быть использован прежде всего для формальной оценки уровня интолерантности прессы, с одной стороны, а с другой – для сравнительных исследований интолерантности в различных регионах и странах, поскольку проблема языка вражды, к сожалению, является общей проблемой современного общества.

Виктор Шнирельман

СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия

Критик может оказывать влияние на своих читателей, только если они признают за ним власть, в силу того, что они структурно согласуются с ним в представлении о социальном мире, вкусах и габитусе в целом.

Пьер Бурдьё¹

Взрыв в Черкизово

21 августа 2006 г. на Черкизовском вещевом рынке в Москве прозвучал взрыв самодельной бомбы. Он произошел в 10:30 утра в кафе «Атлантида», принадлежавшем вьетнамцам, и унес жизни 13 человек. Свидетели видели троих молодых людей, оставивших сумку с взрывным устройством. Охранники также заметили неладное, но они заподозрили этих людей в воровстве. Сразу же после взрыва злоумышленники, оказавшиеся московскими студентами, были схвачены и переданы в милицию. Допзнание показало, что они действительно изготовили и принесли в кафе самодельную бомбу. Свои действия они объяснили тем, что на рынке было «слишком много лиц азиатской национальной принадлежности». Иными словами, уже днем 21 августа преступники были схвачены, и в их квартирах прошли обыски, позволившие обнаружить дополнительные компоненты для изготовления взрывных устройств, пособие по их производству и нацистскую литературу. Позднее была установлена связь одного из пойманных с военно-спортивным клубом «Спас», который, в свою очередь, сотрудничал с радикалами из Русского общенационального союза². Все это указывало на расистскую подоплеку их действий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 07-01-00121а.

¹ Бурдьё Пьер. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 215.

² Андриюхин Александр, Поминова Елена. Шел взрывать Черкизовский рынок, потому что его девушки не любят // Известия. 2006. 24 августа; Гомонова Светлана, Поминова Елена, Филатова Ирина. Банда «патриотов» – 2 // Известия. 2006.

Между тем первая реакция правоохранительных органов и журналистов направляла внимание общественности совсем в иное русло. Определенную роль в этом сыграли комментарии, полученные журналистами по горячим следам у прокурора Москвы Юрия Семина, представителя Мосгорпрокуратуры Светланы Петренко и начальника УФСБ по Москве и области Виктора Захарова. Те в один голос заявили, что главной версией следствия является криминальная разборка, и предположили, что речь могла идти о переделе собственности между торговцами или этническими преступными группировками. Определенные основания для этого имелись, ибо огромный вещевой рынок в Черкизово был организован и контролировался азербайджанцами, и на нем доминировали торговцы, прибывшие как с Кавказа, так и из самых разных азиатских государств. Рынок пользовался недоброй славой: там и раньше случались поджоги. Однако к данному случаю все это не имело никакого отношения. Ведь после того, как и преступники уже были пойманы и мотивы преступления выяснились, журналисты должны были говорить совсем о другом.

В то же время слова прокурора не просто направили журналистов по ложному следу, а были встречены ими с энтузиазмом, поскольку позволили обратиться к излюбленной теме «этнической преступности». Первую информацию о случившемся российское общество получило из телевизионных сообщений вечером 21 августа. Похоже, что трагедия на Черкизовском рынке не столько побудила некоторых тележурналистов к трезвому анализу того, что там действительно произошло, сколько дала им повод для нового раскручивания хорошо знакомого зрителям антииммигрантского дискурса. Так, в передаче третьего канала «Главная тема» ее ведущий Андрей Добров, комментируя произошедшее, сосредоточил все свое внимание на обстановке на рынках. Он заявил, что некоторые рынки стали «государством в государстве», не подчиняются московским властям и управляются людьми, которые не имеют российского гражданства. Добров дал понять, что рынки, где высока активность иммигрантов, несут безусловную угрозу государству и обществу. После этого в программе «Вести-Москва» (телеканал «Россия») события на рынке были названы новым актом в серии криминальных разборок, продолжающихся с 2001 года. Зрителю напомнили о 30 азербайджанских организованных преступных группировках и намекнули, что именно с

8 сентября; Теракт как средство самообороны // Московский комсомолец. 2006. 13 сентября; Кораблев Борис. Отречение националистов // Время новостей. 2006. 22 сентября; Гришина Юлия. Исповедь террориста // Московский комсомолец. 2006. 14 декабря.

ними и следует связывать передел собственности на рынке. Эту версию поддержал и президент Ассоциации ветеранов спецподразделения «Альфа» Сергей Гончаров, заявивший об «оккупации» рынков диаспорами и утверждавший, что «*всю торговлю контролируют криминальные этнические сообщества*»³.

Криминальная подоплека происшедшего стала лейтмотивом газетных сообщений, опубликованных утром 22 августа, хотя во второй половине предыдущего дня злоумышленники уже находились под следствием и стало ясно, что «этническая преступность» не имела к взрыву никакого отношения. Тем не менее, утренние газеты пестрели такими заголовками, как «Черкизовский рынок взорвала вьетнамская мафия», «Бомба коммерческой направленности», «Бандиты учатся у террористов», «Рынок — арена криминала». Давно известная своим подозрительным отношением к мигрантам «Комсомольская правда» доказывала, что взрыв могли подготовить сами вьетнамцы⁴; «Московская правда» развивала версию о «коммерческом соперничестве» между «азиатами»⁵; «Известия» предполагали, что речь могла идти о криминальных разборках «кавказцев» с вьетнамцами⁶; «Московский комсомолец» выдвинул версию о борьбе за передел собственности между самими кавказскими группировками⁷. «Российской газете» случившееся дало повод поднять вопрос о «криминализации» столичных рынков, в чем она обвиняла «этнические преступные группировки», прежде всего кавказские⁸. «Новые Известия» и «Независимая газета» написали о теракте⁹, а известный своей предвзятостью к чеченцам журналист Вадим Речкалов даже приписал «теракт» чеченцам и объявил его началом чеченских атак на Москву (он соглашался в случае ошибки

³ Рубникович Олег, Баринов Владимир. Рынок раздора. Факты опровергают официальную версию взрывов в Москве // Газета. 2006. 22 августа.

⁴ Прядко Елена и др. Черкизовский рынок взорвала вьетнамская мафия // Комсомольская правда. 2006. 22 августа.

⁵ Андреева Надежда. Бомба коммерческой направленности // Московская правда. 2006. 22 августа.

⁶ Андриухин Александр. Взрыв на Черкизовском рынке: бандиты учатся у террористов // Известия. 2006. 22 августа.

⁷ Фочкин Олег, Мартова Мария, Гришина Юлия. Кто ответит за базар? // Московский комсомолец. 2006. 22 августа.

⁸ Фалалеев Михаил, Минабутдинов Сергей, Шмелева Елена. Кто взорвал «Евразию»? // Российская газета. 2006. 22 августа.

⁹ Ольшанский Алексей. «Это явно теракт» // Новые Известия. 2006. 22 августа; Миненко Сергей, Трофимов Антон. Ни слова о терроризме // Независимая газета. 2006. 22 августа.

считаться «параноиком») ¹⁰. Лишь две центральные газеты — «Труд» и «Аргументы и факты» — ограничились изложением первоначальной официальной версии следствия и не стали заниматься поиском «этнических группировок», хотя и они не удержались от комментариев по поводу «коммерческих разборок» ¹¹.

Любопытно, что во время подготовки всех этих сообщений корреспонденты уже знали о задержании подозреваемых «славянской наружности», о чем Ю. Семин заявил еще в понедельник вечером. Но если некоторые журналисты упоминали это как малозначимый факт, то другие вообще об этом умалчивали. И лишь немногие газеты, в основном либеральной направленности, не только подчеркивали этот момент, но и писали о том, что причиной случившегося могла быть «национальная рознь» ¹². О том, что подозрение пало на нескольких «лиц славянской национальности», было вечером 21 августа заявлено и в телепрограмме «Время» (Первый канал). Более расторопными оказались некоторые веб-сайты (ИТАР-ТАСС, NEWSru.com), где говорилось о задержании троих злоумышленников, назывался их возраст и высказывалось соображение об их принадлежности к одной и той же бандитской группировке. Все это было воспроизведено утром 22 августа англоязычной газетой «The Moscow Times» ¹³. Однако общего тона публикаций, направленных против «заезжих торговцев», все это изменить не могло. Иными словами, большинство газет, по сути дела, создавало информационный фон, оправдывающий в глазах общественности противоправные действия реальных, а не мифических, устроителей взрыва.

К чести журналистов следует отметить, что на следующий день, когда ситуация стала более чем очевидной, те же газеты, которые раньше обсуждали версию криминальных разборок, сообщили о задержании студентов, действовавших по мотивам «национальной ненависти» (однако извинений за дезинформацию не принес никто). Теперь некоторые

¹⁰ Речкалов Вадим. Если завтра война // Московский комсомолец. 2006. 22 августа.

¹¹ Колодина Мария, Данилкин Александр. Что за август без взрыва. Коммерческие разборы на московском рынке закончились большой кровью // Труд. 2006. 22 августа; Метелица Галина, Александров Георгий. Оптовый понедельник // Аргументы и факты. 2006. № 34.

¹² Желов Александр, Сальников Андрей. Оплата в тротиловом эквиваленте // Коммерсантъ. 2006. 22 августа; Рубникович О., Баринов В. Рынок раздора. Факты опровергают официальную версию взрывов в Москве // Газета. 2006. 22 августа; Калистратова Татьяна. Бомба подорвала «Евразию» // Невское время. 2006. 22 августа.

¹³ Nowak David, Nikitin Vadim. Market blast kills 10 and injures 55 // The Moscow Times. 2006. August 22. Иными словами, зарубежному читателю давалась более точная и неидеологизированная информация.

журналисты говорили о расизме, однако подчеркивали отсутствие связей между задержанными и какими-либо экстремистскими организациями ¹⁴. «Российская газета» даже нашла нужным поместить пространный комментарий, где осуждалась пропаганда ксенофобии, ведущаяся СМИ, и подчеркивалась насущная необходимость активной борьбы с отечественным фашизмом ¹⁵. «Независимая газета» повторила свою версию о теракте, поставив его в один ряд с криминальными деяниями русских радикалов — минированием антисемитского плаката в мае 2002 года, подрывом пассажирского поезда «Грозный—Москва» 12 июля 2005 г., покушением на Анатолия Чубайса 17 марта 2005 г. и резней, устроенной Александром Копцевым в московской синагоге 11 января 2006 г. ¹⁶

Определенный интерес вызывает реакция на случившееся прокоммунистической газеты «Советская Россия», поначалу подхватившей идею о «криминальных разборках» ¹⁷. Два дня спустя, когда версия о «русских фашистах» стала ведущей, корреспондент этой газеты, сообщая об аресте молодых людей, не только ставила ее под сомнение, но снова пускалась в рассуждения о «криминальных разборках» между китайцами и вьетнамцами, о засилье нелегалов на Черкизовском рынке, о действии в Москве «этнических преступных группировок» и о том, что это вызывает раздражение у «коренных москвичей». В итоге первопричиной случившегося она называла не «русский фашизм», а «капитализм и его рыночную психологию» ¹⁸. Иными словами, смещая акценты, журналистка

¹⁴ Студенты подорвали Черкизовский рынок из ненависти к азиатам // Комсомольская правда. 2006. 23 августа; Ольшанский Алексей. Перехимичили // Новые Известия. 2006. 23 августа; Усов Дмитрий, Гришина Юлия. Организация объединенных наци // Московский комсомолец. 2006. 23 августа; Шаров Андрей. Бомба со свастикой // Российская газета. 2006. 23 августа; Андреева Надежда. Рынок взорвали скинхеды-химики // Московская правда. 2006. 23 августа; Скинхед-одиночка признался в подрыве Черкизовского рынка // Известия. 2006. 23 августа; Бирюков Сергей, Колодина Мария, Данилкин Александр. Едва дым рассеялся // Труд. 2006. 23 августа; Селицкий Александр, Калистратова Татьяна. От разборок к теракту // Невское время. 2006. 23 августа.

¹⁵ Дымарский Виталий. Идет война народная // Российская газета. 2006. 24 августа.

¹⁶ Сас Иван. Народовольцев сменили народодоборцы // Независимая газета. 2006. 23 августа.

¹⁷ Взрыв на рынке в Черкизово // Советская Россия. 2006. 22 августа. Подробно о национал-патриотической направленности этой газеты см.: Лихачев Вячеслав. Язык Вражды в оппозиционных политических периодических изданиях // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр Панорама, 2002. С. 86–88.

¹⁸ Польгуева Екатерина. Кто же наследил в Чертаново? // Советская Россия. 2006. 24 августа.

вместо анализа конкретного случая пустилась в общие рассуждения и изобразила главным злом торговцев и предпринимателей, тем самым фактически оправдывая расизм и выражая солидарность с уже вовсю бушующей ксенофобией.

Рассмотренный пример еще раз показал, с какой легкостью журналисты готовы обвинять приезжих торговцев в целом и кавказцев в частности в преступлениях, не имея на то никаких серьезных оснований. И напротив, как трудно некоторым из них признавать наличие в российском обществе ксенофобии и расизма, от которых не избавлены и они сами. С этой точки зрения интересно, что опровержение первоначальной версии было опубликовано «Комсомольской правдой» и «Известиями» вовсе без подписи, причем первой – в самом конце номера. В свою очередь, большинство авторов первых сенсационных версий в «Московском комсомольце» не участвовало в подготовке нового материала, связывавшего взрыв с неонацистами. В «Российской газете» и «Независимой газете» такие материалы тоже вышли за подписью совсем других авторов.

Очевидно, этот случай еще раз иллюстрирует то, что уже отмечала Галина Кожевникова, *«шоковая ситуация парализует профессиональные навыки журналиста, который начинает руководствоваться не профессиональными этическими нормами, а собственным расово окрашенным социальным опытом»*¹⁹. Мало того, как отмечал Иосиф Дзялошинский, многим российским журналистам свойственна высокая идеологизированность, и свою цель они видят не в предоставлении читателю по мере возможности объективной информации для размышлений, а в навязывании ему своего взгляда на проблему²⁰. Все это очень ярко проявилось в рассмотренном случае.

Не подлежит сомнению, что при оценке произошедшего многие журналисты опирались на уже сложившиеся в обществе и у них самих представления о «криминализации рынков», «этнических преступных группировках» и «чеченском терроризме», то есть на расхожие стереотипы, которые целенаправленно культивировались СМИ в течение последних 15 лет. За этим стояла архетипическая оппозиция «мы/они», где «нам» приписывались исключительно позитивные качества («добродетельность», «миролюбие», «отзывчивость», «открытость», «гостеп-

¹⁹ Кожевникова Галина. Российские СМИ как инструмент поощрения ксенофобных настроений // Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006. С. 65.

²⁰ Дзялошинский Иосиф. Кому выгодно тиражирование нетерпимости? // Язык мой... С. 113.

риимство», «надежность»), тогда как «они» наделялись всевозможными пороками («злобность», «агрессивность», «закрытость», «коварство», «нечестность»), оттеняющими «наши» добродетели и тем самым возвышающими «нас» в собственных глазах. Это достаточно распространенный механизм конструирования идентичности, всегда основанный на противопоставлении, подчеркивающим различия.

Однако в данном случае этим дело не ограничивалось. Во-первых, в рассматриваемом контексте «мы» как «миролюбивые» и «простодушные» становились объектом экспансии неких могущественных и расчетливых «злых сил», претендовавших на «наши» земли, «наши» природные и экономические ресурсы – вплоть до установления власти над «нами». При этом, во-вторых, «мы» изображались носителями более высоких моральных качеств, что позволяло «нам» занимать и более высокую ступень на иерархической лестнице по сравнению с «ними». В то же время, в-третьих, именно это делало «их» претензии особенно нетерпимыми и как бы давало «нам» моральное право на защиту «своего» от «их посягательств», представляя это вынужденной обороной. И это оправдывало «нашу» агрессию против «них», полностью перечеркивая такие «наши» добродетели, как «добродетельность» и «миролюбие». Но, в-четвертых, представляя эту агрессию «вынужденной» и «оборонительной», «мы» позволяли себе оправдывать ее экстраординарными обстоятельствами и тем самым сохраняли свой позитивный образ «добродетельных» и «миролюбивых». Именно такую картину происходящих вокруг процессов из года в год рисовали радикальные издания (газеты, журналы, веб-сайты), и в течение последних десяти лет такие мировоззренческие установки проникают на страницы уважаемой федеральной прессы, усиливая ксенофобские настроения в обществе.

«Этническая преступность» и мигранты

Как шло формирование таких представлений, какую роль играли в этом СМИ и насколько тиражируемые ими взгляды и интерпретации соответствуют реальности? Начало этому было положено в 1993–1994 годах, когда журналисты стали захлеб писать об «этнической преступности». Быстро набирающую силу волну криминала они ставили в прямую связь с появлением массы мигрантов и доказывали, что основную часть организованных преступных группировок составляли выходцы с Кавказа. При этом некоторые журналисты доходили до того, что сравнивали действия кавказских преступников с действиями славянских – разумеется, не в пользу первых: *«у славян душа мягче, чем*

у кавказцев»²¹. Некоторые давали фантастические цифры численности «гастролеров» с Кавказа в Москве (500–700 тыс. человек) и утверждали, что «многие из них ищут счастья в России с оружием в руках»²², тем самым вызывая в воображении читателя образ огромной армии кавказцев, угрожавших покою обывателей.

Однако реальная ситуация была иной. Во-первых, на поверку «этнические преступные группы» демонстрировали смешанный состав, и русские играли в них едва ли не ведущую роль²³. Во-вторых, в середине 1990-х годов «кавказцы» были ответственны лишь за 4,4 % всех преступлений в Москве. Что же касается чеченцев, то в первой половине 1996 года на их долю приходилось лишь 0,16 % всех преступлений. Зато, как выяснилось, белорусы и украинцы совершали в Москве в три-четыре раза больше преступлений, чем выходцы с Кавказа²⁴. Однако ни милицейские сводки, ни протесты правозащитников и самих кавказцев²⁵ не были способны ни повлиять на ретивых журналистов, ни изменить общественное мнение.

Мало того, похоже, что предпринятая летом 1994 года попытка Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ обратить внимание СМИ на необходимость более сбалансированного подхода к освещению проблематики, связанной с «этнической преступностью», встретила у журналистов непонимание и сопротивление. Решение Судебной палаты, в котором критиковалась, в частности, «Российская газета», было опубликовано этой газетой в сопровождении статьи, где снова говорилось об «этнических преступных группировках». Кроме того,

²¹ Корупаева Татьяна. Земляк земляка // Российская газета. 1994. 22 марта; Яров Владимир. Тактика налетчиков не изменилась. Как и национальный состав // Сегодня. 1994. 31 марта; Воровские авторитеты жалуются сыщикам МУРа на неустроенность и глупость в нашей жизни // Московская правда. 1994. 9 июня. О кавказофобии в СССР и в постсоветской России начала 1990-х гг. см.: Ильин Владимир. Отечественный расизм // Рубеж: альманах социальных исследований. Вып. 5. Сыктывкар, 1994. С. 192–201.

²² Барановский Игорь. Мафия: «молодая гвардия» против ветеранов // Московские новости. 1993. № 40.

²³ Несвижский Вадим. Милиция и внутренние войска «почистили» Петербург // Сегодня. 1994. 31 марта.

²⁴ Лицо криминальной национальности // Московский комсомолец. 1996. 13 августа.

²⁵ Венгеров Анатолий. Об этническом аспекте освещения в средствах массовой информации причин преступности // Российская газета. 1994. 23 июля; Искандарян Александр. Чернофобия // Новое время. 1996. № 32. С. 12–14; Гессен Маша. Кавказ в Москве // Итоги. 1996. № 17. С. 20–23; Между Чечней и Кремлем отсутствует диалог (Круглый стол в редакции НГ) // Независимая газета. 2000. 16 июня.

журналист безапелляционно отказывался усматривать в неологизме «лица кавказской национальности» какой-либо оскорбительный смысл²⁶. А несколько месяцев спустя в другой центральной газете были опубликованы данные Московской независимой ассоциации социологов, призванные продемонстрировать, что большинство тяжких преступлений в Москве совершались именно выходцами с Кавказа и из Центральной Азии²⁷. С тех пор СМИ превратили это в стереотипный образ, и за мигрантами прочно закрепилась слава «криминальных сообществ», связанных с «этнической преступностью». В центральной прессе все чаще появлялись публикации об «этнической преступности»²⁸, причем если в начале 1990-х годов журналисты еще упоминали о «славянских группировках», то со временем этот термин полностью исчез с газетных полос.

Мало того, теперь криминал стал приписываться особенностям этнической культуры, якобы с железной последовательностью проявляющимся в «стереотипах поведения». Еще в середине 1990-х годов начальник отдела регионального управления по борьбе с организованной преступностью г. Москвы Михаил Сунцов говорил об «устойчивых особенностях поведения, в том числе и криминальных, представителей отдельных этнических групп»²⁹. Ему вторил заместитель начальника управления паспортно-визовой службы ГУВД Московской области Владимир Седых, приписывавший мигрантам до 50–70 % преступных деяний в Московской области³⁰. Наконец, в 2001 году в руки журналистов «Новой газеты» попал шокирующий документ: указание начальника УВД Западного административного округа г. Москвы о заведении специальных оперативных дел на определенные этнические группы; перечислялись цыгане, таджики, узбеки, азербайджанцы, которых оптом подозревали в преступных наклонностях³¹.

²⁶ Владимиров К. Ну нет в Москве сицилийской мафии! // Российская газета. 1994. 23 июля.

²⁷ Котов Виктор. Прощание славян // Известия. 1994. 26 октября.

²⁸ См., например: Епифанов Игорь. Грянет ли сибирская криминальная // Аргументы и факты. 1997. № 11; Панин Юрий. Лица «бандитской национальности» дружнее Коминтерна // Аргументы и факты. 1997. № 12; Моисеев Игорь. В. Седых: У нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул // Известия. 2002. 23 января; Блинова Екатерина, Симакин Дмитрий. Москва мигрантская // Независимая газета. 2005. 8 ноября. Об этом см.: Малькова Вера. «Не допускается разжигание межнациональной розни...» М.: Academia, 2005. С. 124–134.

²⁹ Феофилактова Анна. «Кавказская» преступность в Москве уступает «славянской» // Сегодня. 1995. 16 ноября.

³⁰ Моисеев Игорь. В. Седых: У нас есть свой Тифлис, Шанхай, Кабул.

³¹ Санитары этнического поля // Новая газета. 2001. 5–11 марта.

Затем известный московский журналист Максим Соколов, отметив расхождения в криминальной статистике для разных этнических групп и свойственный им разный набор преступлений, сделал вывод о якобы повышенном уровне преступности у чеченцев³². Тогда же чеченцы едва ли не поголовно были обвинены в восстановлении средневековой работорговли³³, а война в Чечне названа «справедливой борьбой россиян против чеченских рабовладельцев и исламских экстремистов»³⁴.

Образ «рабовладельцев» был нужен для легитимации второй Чеченской войны. В 2000 году телеканал ОРТ уже демонстрировал документальный фильм «Рынок рабов», где Чечня была показана «чуждой цивилизацией», жившей по одной лишь ей ведомым законам, которые не знают никакой пощады к «гяурам» и «иноверцам». Любопытно, что, не произнеся ни слова критики в адрес создателей и заказчиков такого рода документальных фильмов, журналистка заявляла, что «они могут приблизить российского массового зрителя к запоздалому пониманию того, с кем воюет Россия»³⁵. При этом за кулисами оставался вклад российских коррупционеров (как армейских, так и штатских) в развитие работорговли и коррупции в Чечне³⁶. А о том, как московские предприниматели

³² Соколов Максим. Преступность и национальность // Известия. 2002. 31 октября. О том, как конструировался образ «чеченского бандита», см.: Гакаев Заурбек. Особенности освещения чеченского конфликта в СМИ // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М.: ИЭА, 2002.

³³ Ротарь Игорь. Вторая жизнь средневекового рабства // Независимая газета. 2000. 29 апреля. Об этом см.: Гакаев З. Особенности освещения чеченского конфликта в СМИ. С. 234.

³⁴ Осетинский Олег. За штурм // Известия. 2002. 30 октября.

³⁵ Сальникова Екатерина. Образ жизни — чеченский // Независимая газета. 2000. 17 июня.

³⁶ Шекочихин Юрий. Мы влетели в средневековье на бомбардировщиках // Новая газета. 1997. 24-30 марта. Чеченские участники «круглого стола», организованного «Независимой газетой» в июне 2000 года, тоже говорили об активном участии в работорговле российских военных и правоохранительных органов. При этом, по словам Юсупа Сосламбекова, пример подали именно военные во время первой Чеченской войны (см.: Между Чечней и Кремлем). Кроме того, чеченская журналистка обвиняла СМИ в сознательном раздувании кампании для того, чтобы обвинить во всех бедах чеченцев и их культуру (см.: Вахидова Марьям. Почему русские рабы на чеченском рынке? // Общая газета. 1999. 13–19 мая). Между тем захват людей превратился в массовый бизнес только начиная со второй половины 1997 года, когда стало ясно, что бывшие боевики не готовы к мирной жизни, а в разрушенной войной Чечне царил безработица. Сблзнительным примером оказалось освобождение журналистов НТВ и ОРТ, за которых был выплачен колоссальный выкуп. См.: Якубов Валерий. Охота на людей продолжается // Известия. 1998. 17 апреля; Рязанцев Сергей. Преждевременная смертность в России и на Северном Кавказе // Российская наука: истина в ином приближении. М.: Октопус, 2005. С. 347.

превращали в рабов приезжих строителей, пресса и вовсе предпочитала хранить молчание. Такие факты стали достоянием гласности сравнительно недавно: лишь в марте 2003 года на межведомственном совещании в Саратове глава Федеральной миграционной службы Андрей Черненко вынужден был заявить, что «центральными фигурами борьбы (с незаконной миграцией — В.Ш.) должны быть нечистоплотные работодатели, которые на положении рабов, не регистрируя их, держат наших братьев из стран СНГ»³⁷.

Между тем античеченская пропаганда на федеральном уровне продолжалась. В августе 2002 года по федеральному каналу РТР был показан документальный фильм известного журналиста Аркадия Мамонтова «Чужие», где чеченцы снова демонизировались и были представлены «абсолютными чужаками» и «бандитами». В итоге, по словам чеченского журналиста, «чеченский народ как бы выталкивается за рамки “цивилизованных” народов»³⁸. Стоит ли говорить, что, возрождая образ «преступного народа», журналисты и чиновники фактически восстанавливали в правах тот самый подход, который в свое время позволил Сталину производить депортации целых народов? Разумеется, сами чеченцы не могли с этим смириться. В частности, президент Конфедерации народов Кавказа Юсуп Сосламбеков справедливо сетовал на то, что «практически все чеченцы во всех регионах Российской Федерации в глазах силовых структур являются потенциальными преступниками»³⁹.

Если в середине — второй половине 1990-х годов главным врагом России рисовались «чеченцы», то в начале 2000-х годов, после объявления новой войны «антитеррористической операцией», СМИ занялись активной культивацией негативного образа мигрантов. В ходе этой кампании некоторые журналисты всеми силами старались придать мигрантам криминальный облик. Один из московских журналистов объяснял, что у нелегальной иммиграции всегда имелся «криминальный довесок» и с ними связан «отрицательный потенциал». Механизм этого он справедливо усматривал в коррупции местных чиновников и правоохранительных органов, которые получают значительные неправовые доходы от снабжения нелегальных мигрантов необходимыми им для легализации документами. Те же мигранты, которые не имели необходимых для этого финансовых возможностей, вынуждены были заниматься криминальным

³⁷ Копшева Ольга. Задача: совместить прозрачность с закрытостью // Независимая газета. 2003. 4 марта. См. также: Петелин Герман. Миссия невыполнима? // Огонек. 2006. № 50.

³⁸ Гакаев З. Особенности освещения чеченского конфликта в СМИ. С. 228–229.

³⁹ Между Чечней и Кремлем.

бизнесом. Любопытно, что в итоге пафос статьи был направлен не против продажных чиновников и нерасторопных законодателей, а против самих мигрантов, страдавших от ущербности российского законодательства и избирательной правоприменительной практики⁴⁰.

Похоже, представление об «этнических группировках» как главном источнике криминалитета прочно овладело умами работников правоохранительных органов. Этой теме было посвящено координационное совещание «О состоянии законности и борьбы с антиконституционной деятельностью экстремистских организаций, взаимодействии правоохранительных органов г. Москвы и Московской области с органами государственной власти и местного самоуправления», состоявшееся в начале апреля 2002 года. Краткий отчет об этом событии, опубликованный в «Московской правде», производит странное впечатление. Стремясь отвести общественное возмущение от очередного убийства «кавказца» и придать ему бытовой характер⁴¹, корреспондент газеты писал, что в стране каждый день происходит несколько десятков убийств, причем их жертвами оказываются «и славяне, и кавказцы, и даже иностранцы». При этом он не проводил различий между бытовыми убийствами и убийствами по расовым основаниям. А ведь между ними есть качественная разница, и неслучайно в конституциях многих стран, в том числе России, специально подчеркивается недопустимость разжигания расовой ненависти, причем последняя считается отягчающим моментом при избрании меры наказания. Мало того, корреспондент, ссылаясь на слова работников правоохранительных органов, попытался принизить фактор преступлений против человеческой жизни, заявляя, что это якобы ничто в сравнении с «ежегодной утратой одного миллиона коренного населения России». Тем самым он стремился отвести внимание читателя от неудовлетворительной работы милиции, сместив его в поле демографии.

Одновременно работники правоохранительных органов, как следует из этой публикации, пытались доказать, что главная опасность общественному порядку якобы исходит не от скинхедов, а от «радикальных мусульманских организаций». И это говорилось через год после погрома на Ясеневском рынке и полгода после погрома в Царицыно, устроенных отнюдь не мусульманами! Мало того, журналист пугал читателя тем, что кавказцы контролируют около 200 частных охранных предприятий в столице, и представлял кавказцев вооруженной силой, готовой к «экс-

⁴⁰ Федоров Леонтий. Россия косоглазая, желтолицая, черноволосая... // Московская правда. 2002. 19 сентября.

⁴¹ В марте в Москве был убит армянский юноша, что вызвало оживленную полемику в прессе.

тремистским выходкам» (но все массовые «экстремистские выходки» в Москве, включая погромы на рынках, были связаны с действиями именно местных праворадикальных организаций и скинхедов!). Наконец, ссылаясь на данные ГУВД, корреспондент писал о 78 «устойчивых преступных этнических группировках», хотя тут же оговаривался, что в прокуратуре эти данные считают завышенными. Между тем такие расхождения автора статьи не смущали и, не давая никакой статистики, он утверждал, что «иногородняя преступность стала бичом правоохранительных организаций Москвы и портит милицейскую статистику»⁴².

В том же номере газеты говорилось о резком росте преступности среди «иногородних», причем акцент делался на «этнических группировках», среди которых на первом плане фигурировали «грузинские» и «азербайджанские». Это увязывалось с «нелегальной миграцией», и в борьбе с этим злом властям предлагалось не столько совершенствовать законодательство и правоприменительную практику, сколько «отладить механизм депортации». Иными словами, ставка делалась на жесткие карательные и запретительные меры. Все такие аргументы, разумеется, находились в прямой связи с проходившей в тот период дискуссией об ужесточении миграционной политики⁴³. Менее чем через полгода в той же газете снова утверждалось, что 40 % правонарушений в столице приходилось на долю приезжих⁴⁴.

Во всех рассмотренных статьях привлекает термин «иногородние»/«приезжие», так как ни откуда не следует, что все приезжие в Москве являются «инородцами». Напротив, большинство мигрантов были русскими. Однако статистика преступлений, совершенных русскими (или «славянами»), в такого рода материалах обычно остается за кадром и не обсуждается. Кроме того, реальность показывает, что однородность состава «этнических преступных группировок» нередко преувеличивается. В погоне за доходностью и эффективностью своего бизнеса преступники создают группы, не придавая большого значения этнической идентичности. Например, во Владивостоке образовался своеобразный альянс русских мафиози с китайскими авторитетами⁴⁵, казанские преступные

⁴² Холодов Сергей. Бывший интернационализм обернулся национальной нетерпимостью? // Московская правда. 2002. 5 апреля.

⁴³ Никулина Наталья. Трамплин для нелегалов // Московская правда. 2002. 5 апреля. В 2001–2002 годах. принудительная высылка нелегалов на родину стала регулярно практиковаться московскими властями. См.: Устюгов Борис. Московских нелегалов депортируют на родину // Известия. 2002. 17 сентября.

⁴⁴ Федоров Л. Россия косоглазая...

⁴⁵ Никулина Н. Русский с китайцем братаны навек // Московская правда. 2002. 19 сентября.

группировки включали на равных русских и татар⁴⁶, в Москве сами правоохранительные органы «крышевали» нелегальный бизнес, использовавший дешевый труд вьетнамцев и китайцев⁴⁷, а в Ростовской области сложился альянс из ответственных работников областной прокуратуры и преступных групп, объединявших армянских и русских криминальных авторитетов⁴⁸. Любопытно, что, пытаясь доказать «закрытость» и «однородность» чеченской преступной группировки в Петербурге, журналист вынужден был признать, что она активно вовлекала в свою деятельность русских, молдаван и таджиков⁴⁹. Известный русский уголовник, промышленный похищениями людей, бежал от уголовного преследования в Чечню, где одно время занимался работоторговлей вместе со своим чеченским напарником⁵⁰. Внимательно наблюдавший за суровым обращением местных стражей порядка с «лицами кавказской» и «азиатской» (!) национальности в Одессе журналист не преминул отметить, что все местные криминальные авторитеты были «славянской национальности»⁵¹. Сегодня самые опасные преступные банды, действующие в России, оказываются интернациональными по своему составу — ничего общего с образом «этнической преступности» они не имеют⁵².

Осенью 2002 года «Московская правда» вернулась к обсуждению вопроса об «экстремизме». При этом, выразив мимоходом свое возмущение анонимными «негодяями-антисемитами» и «националистами», один из ее корреспондентов едва ли не главную угрозу Москве почему-то усмотрел в башкирском молодежном националистическом движении, якобы щедро финансировавшемся из Турции, обладавшим своими военными лагерями и, страшно подумать, «*протягивающим свои щупальца в Москву*»⁵³. Гораздо более опасные для столицы местные молодежные радикальные группировки журналист предпочел не замечать.

⁴⁶ Постнов Александр. Казань криминальная // Независимая газета. 2000. 16 мая; Тимченко Святослав. Преступный мир Петербурга имеет свои этнические лица // Независимая газета. 2000. 20 июля.

⁴⁷ Хинштейн Александр. Черные вдовы под «крышей» Петровки // Московский комсомолец. 2003. 23 июля.

⁴⁸ Афанасьева Елена, Петров Николай. Дело ведут паханы // Новая газета. 2000. 7-13 августа.

⁴⁹ Тимченко С. Преступный мир Петербурга.

⁵⁰ Велентиров Михаил. Российские уголовники и французские спецслужбы // Новая газета. 2001. 15-18 марта.

⁵¹ Капелюшный Леонид. В каком лице усматривается морда? // Известия. 1997. 19 июля.

⁵² Игорев Александр. Банда без комплексов // Газета. 2006. 2-4 июня.

⁵³ Долганов Вячеслав. Кругом одни евреи // Московская правда. 2002. 19 сентября.

Летом 2006 года петербургская газета «Невское время» объявила, что более четверти населения Петербурга относятся к «*неславянским языковым группам*» и что «*далеко не все эти люди приехали к нам трудиться*». А так как выше автор статьи говорил об огромном наплыве иммигрантов с Кавказа и из Центральной Азии (от 80 тыс. до 1,2 млн в 2004—2005 годах), то читатель был вправе подумать, что Петербург якобы исконно являлся славянским городом, куда сегодня устремляется масса «чужаков». На самом же деле Петербург возник и веками существовал как полиэтничный имперский центр, объединявший людей гетерогенной российской культуры. Все они общались по-русски, и поэтому подчеркивание принадлежности части из них к «неславянским языковым группам» абсолютно некорректно. Между тем корреспондент со ссылкой на данные ГУВД утверждал, что иностранцы совершили в 2003 году в три раза больше преступлений, чем было совершено против них самих, и что сегодня каждое четвертое преступление в городе совершается ими (о малой достоверности такого рода статистики см. ниже). Именно этим объяснялись высокий уровень ксенофобии и мотивы противоправной деятельности скинхедов. И, хотя пафос статьи был направлен против неонацистских установок, автор фактически пытался оправдать скинхедов, показывая их романтическими идеалистами⁵⁴.

В свою очередь, «Вечерняя Москва» откликнулась на развязанную осенью 2006 года антииммигрантскую кампанию стандартными обвинениями в адрес иммигрантов, упрекая их в том, что большинство из них не платит налогов, что, конкурируя за рабочие места, они якобы виновны в высоком уровне безработицы среди местного населения, что из-за своей нетребовательности и дешевого труда они тормозят рост зарплат и задерживают развитие передовых технологий. Кроме того, ссылаясь на опыт Германии, журналист запугивал читателя тем, что мигранты якобы могут установить контроль над целыми отраслями городских экономик. Упрекая мигрантов в низкой квалификации и малограмотности, он опасался, что они возьмут в свои руки жизненно важные сферы городского хозяйства, вначале нанимаясь на непрестижные работы, а затем добиваясь резкого роста зарплат и не пуская в эти отрасли аборигенов (но во-первых, имеются сомнения в том, что у нас «аборигены» готовы идти в непрестижные отрасли, — ведь до сих пор такого стремления не наблюдалось; а во-вторых, такие трудовые отношения регулируются законодательством и работодателями; сбой бывают лишь при наличии коррупции, но в этом винить надо отнюдь

⁵⁴ Терентьев Денис. Фобия ущербных // Невское время. 2006. 13 июля.

не мигрантов). Повторяя известный тезис культурного расизма, автор статьи заявлял, что «опасны люди вне традиционного социума», и говорил о «конflikте миропонимания»⁵⁵. Это полностью согласуется с тем, о чем в июле 2005 года говорил в своем интервью корреспонденту портала «Сегодня.ру» лидер радикального Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) Александр Белов (Поткин). Тогда он доказывал, что, попадая в чужую среду, мигранты якобы чувствуют себя свободными от традиционных моральных норм и поэтому совершают предосудительные поступки. В частности, Белов утверждал, что 60 % преступлений в Москве совершают приезжие, однако об этнической принадлежности этих «приезжих» он умолчал⁵⁶. Такая логика, склонная всему давать «культурологические» объяснения, умалчивает, что большинство мигрантов никаких предосудительных поступков не совершают. Ведь если бы это было не так, то Москва, десятилетиями и столетиями притягивавшая к себе мигрантов, давно бы уже превратилась в центр преступности.

Мигрантофобия не ограничивается Москвой и Петербургом. В Оренбургской области в мигрантах видят прежде всего «проблему» и напрямую связывают их с наркоторговлей⁵⁷. В Ставропольском крае подчеркивают якобы необычно высокий уровень преступности среди выходцев с Кавказа⁵⁸. Обвинения в едва ли не поголовной преступности раздаются там и в адрес цыган⁵⁹. Некоторые московские эксперты утверждают, что турки-месхетинцы будто бы стремятся «жить за счет воровства и обмана, что осложняет криминогенную обстановку в (Краснодарском — В.Ш.) крае и порождает крайне конфликтную ситуацию, обусловленную невозможностью совместного проживания турков-месхе-

⁵⁵ Щипанов Михаил. Мигранты или беженцы? // *Вечерняя Москва*. 2006. 6 декабря.

⁵⁶ Иванченко Петр. Национальный вопрос в Москве // *Сегодня.ру*, 2005. 7 июля (<http://www.segodaya.ru/?part=article&id=880>).

⁵⁷ Теплая Анна. Открытые «врата» в Россию // *Независимая газета*. 2000. 16 мая.

⁵⁸ Гритчин Николай. «Фронт освобождения» приблизился к Ставрополю // *Известия*. 1998. 25 апреля; Ступницкий Александр. Этнический фактор и преступность на юге России // *Сеть этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов*. 1999. Бюллетень № 27 (сентябрь-октябрь). С. 61–63; Рязанцев С.В. Миграционная ситуация в Ставропольском крае в новых геополитических условиях. Ставрополь: СГУ, 1999. С. 57; Пинкевич Татьяна, Пастырев Дмитрий. Миграционные процессы в России как объект криминологического исследования. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. С. 52–54. При этом, на удивление, эти специалисты приписывают всем выходцам с Кавказа родовую (тейповую) сплоченность, которой у упоминаемых ими армян и азербайджанцев вовсе не наблюдается.

⁵⁹ Пинкевич Т.В., Пастырев Д.И. Указ. соч. С. 51.

тинцев и местного населения»⁶⁰. Однако при личном знакомстве экспертов с образом жизни турок-месхетинцев оказывалось, что своим тяжелым трудом на полях они в значительной мере помогли местному населению решить проблему снабжения овощами и что их как общину трудно было упрекнуть в наркоторговле. А главное, выяснилось, что у непосредственных соседей турок складывалось вполне доброжелательное отношение к ним⁶¹.

Несмотря на протесты бывшего министра по делам национальностей Владимира Зорина⁶², в последние годы обвинения в адрес «этнической преступности» с немотивированным указанием этнической принадлежности правонарушителей⁶³ и подчеркиванием их иных культурных установок стало общим местом в ряде популярных московских газет⁶⁴. Чаще всего в таких материалах, как в России, так и на Украине, фигурируют «лица кавказской национальности»⁶⁵. Мало того, как с горечью пишет журналистка Сулиета Кусова, сегодня о наличии в России этнических

⁶⁰ Слепцов Николай С. Конфликтогенность миграционных процессов на юге России // *Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение*. Вып. 26. Ростов-на-Дону: изд. СКНЦ ВШ, 2005. С. 219.

⁶¹ Савва Михаил. «Новые диаспоры» в местных сообществах Краснодарского края: темпы и проблемы интеграции // *Этнопанорама*, 2005. № 3–4. С. 82–86.

⁶² Гликин Максим. Владимир Зорин: «Встречаются еще факты бытовой ксенофобии» // *Независимая газета*. 2002. 17 июля.

⁶³ Впрочем, достаточно просто указать имя или фамилию правонарушителя или откуда он родом, чтобы читатель понял, о ком идет речь. Например, в одной заметке говорилось о том, что преступники происходили из Кутаиси, а руководил ими авторитет по имени Гия. См.: Барановский И. На дело идут рыжие // *Московские новости*. 1993. № 40.

⁶⁴ Мониторинг прессы, проведенный правозащитниками в 2005 году, показал, что в языке вражды упоминание этнической группы в унижительном контексте, сводящееся, как пишет Кожевникова, «к подчеркиванию этничности участников криминального эпизода», безраздельно лидировало. См.: Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана // *Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России*. С. 37–39; Она же. Российские СМИ как инструмент поощрения ксенофобных настроений // Там же. С. 58. См. также: Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 17.

⁶⁵ Мамедов Микаил. «Лицо кавказской национальности». К вопросу о массовых предрассудках и меняющихся стереотипах // *Центральная Азия и Кавказ*. 1999. № 3; Шулга Николай. Великое переселение народов: репатрианты, беженцы, трудовые мигранты. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2002. С. 217–218; Верховский Александр. Общий анализ результатов мониторинга // *Язык мой...* С. 36–37; Локшина Татьяна, Лукашевский Сергей. Сравнительный анализ ситуации в центральных и региональных СМИ // Там же. С. 51–52, 70; Хабенская Елена. Угрозы бытательской журналистики // *Свободная мысль—XXI*. 2005. № 6. С. 93–105.

меньшинств обыватель может узнать главным образом из криминальной хроники⁶⁶. Исследования СМИ, проведенные правозащитниками в 2001–2005 годах, показывают, что утверждения журналистов о криминальном поведении той или иной этнической или религиозной группы неизменно занимали одно из первых мест среди всех остальных видов языка вражды⁶⁷. Сегодня даже некоторые известные социологи, изучающие проблемы миграции, воспроизводят мнение, что мигранты «выступают источником криминализации общества»⁶⁸. А ответственный чиновник ФМС этому подыгрывает, значительно завышая уровень преступности среди гастарбайтеров-нелегалов⁶⁹. В итоге «этнофобия маскируется под борьбу с преступностью»⁷⁰. Между тем, как свидетельствует французский эксперт, придание иммигрантам криминального образа и невнятность иммиграционной политики приводят к росту популярности крайне правых и неонацистских настроений в обществе⁷¹.

В то же время нет оснований связывать преступность преимущественно с иммигрантами, ибо, как показывает статистика, они совершают преступления ничуть не чаще, а много реже, чем местные жители. Например, в Киеве иммигранты из Азии и Африки ответственны менее чем

⁶⁶ Кусова Сулиета. Россия между «Норд-Остом» и Бесланом. М.: Academia, 2005. С. 63. См. также: Ильин В.И. Социальное конструирование национального меньшинства // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 17.

⁶⁷ Большой популярностью неизменно пользовалось лишь «создание негативного образа этнической или религиозной группы». Но такой достаточно размытый образ «зла» создавал у читателя лишь эмоциональный настрой, тогда как остальные виды языка вражды и, прежде всего, обвинение в криминальном поведении, были призваны снабдить его рациональными аргументами. О результатах мониторинга см.: Верховский А. Общий анализ результатов мониторинга. С. 20–26; Он же. Национализм, расизм и ксенофобия в российских СМИ // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. М.: Московская Хельсинкская группа, 2002. С. 194–195; Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана. С. 37–39.

⁶⁸ Андреев Андрей. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 112; Ерохин Алексей. Этнополитические аспекты трансформации российского общества. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 61, 216; Перепелкин Лев, Стельмах Владислав. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 111; Остапенко Любовь, Субботина Ирина, Юраков Алексей. Москва многонациональная: парадоксы столичной жизни // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М.: Старый сад, 2006. С. 283.

⁶⁹ Кожевникова Г. Российские СМИ... С. 59.

⁷⁰ Чепкина Э. В. Этнические характеристики персонажей как показатель степени толерантности автора публикаций // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М.: ИЭА, 2002. С. 250.

⁷¹ Лежандр Константин. Права ли Франция? // Итоги. 2002. № 17–18. С. 20–23.

за 0,5 % совершаемых там преступлений, и это кардинально расходится с обвинениями, раздающимися в адрес иммигрантов в местной прессе⁷². То же самое можно сказать и о ситуации в России. В 1999 году лишь 3,6 % членов преступных группировок составляли иностранцы, причем преимущественно из стран СНГ⁷³. Так, в сводках МВД РФ за январь–апрель 2002 года числилось 1013,9 тыс. преступлений, из которых лишь 14,2 тыс. были совершены иностранцами или лицами без гражданства (13,2 тыс. – гражданами стран СНГ). Это означает, что на долю иностранцев тогда приходилось лишь 1,4 % преступлений⁷⁴. В 1996–1998 годах в Краснодарском и Ставропольском краях от 82 до 85 % преступлений были совершены местными русскими, тогда как за мигрантами числились от 5 до 12 % преступлений, что в целом соответствовало их доле в населении региона. Доля же турок-месхетинцев в криминале, вопреки всем обвинениям против них, была и вовсе незначительной⁷⁵. О незначительной доле «кавказской» и иной «иностранной» преступности говорят и данные из Иркутска⁷⁶.

По данным петербургского УВД, в 2005 году в отношении иностранцев из ближнего и дальнего зарубежья было совершено 1025 преступлений, тогда как сами приезжие совершили 1038 правонарушений. При этом последние связаны преимущественно с мигрантами из Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Грузии и ряда других бывших советских республик. Любопытно, что если в милицейской сводке категории преступлений против иностранцев были названы (кражи, разбои, грабежи), то характер преступлений мигрантов остался за кадром (например, не разъяснялось, входят ли сюда правонарушения типа подделки документов или торговля контрафактной продукцией)⁷⁷.

В резком противоречии с приведенными данными данными петербургских охранников порядка находятся данные официального сайта МВД,

⁷² Брайчевська О., Волосюк Г., Малиновська Олена, Пилинський Ярослав, Попсон Ненси, Рубл Блер. «Нетрадиційні іммігранти» у Києві. Київ: Стилос, 2003. С. 353.

⁷³ Кудрявцев Владимир, Лунеев Виктор, Наумов Анатолий. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М.: ИНИОН, 2000. С. 40–41.

⁷⁴ Симонова Анна. Официальный расизм // Консерватор. 2002. 13–19 сентября.

⁷⁵ Осипов Александр. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 25.

⁷⁶ Дятлов Виктор. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: Наталис, 2000. С. 103–104, 125–126; Он же. «Торговые меньшинства» в российской провинции: конфликт и интеграция // В движении добровольном и вынужденном. М.: Наталис, 1999. С. 245–246.

⁷⁷ В Петербурге оглашена статистика преступлений против иностранцев в год // Агентство национальных новостей, 2005. 29 декабря (<http://www.annews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=25846>).

где рисуется совсем иная картина: с января по сентябрь 2005 года в России было зафиксировано более 2,6 млн преступлений, но лишь за 39,2 тыс. из них несли ответственность иностранцы. Иными словами, иностранцы совершили тогда всего лишь 1,5 % преступлений!⁷⁸ Новые статистические данные, позволяющие судить о динамике преступности в 2000–2005 годах, были обнародованы МВД в сентябре 2006 года. Судя по ним, если за этот период число преступлений, совершенных иностранцами, выросло на 46 %, то число преступлений, совершенных против них самих — на 84 %. Наименее законопослушными из иностранцев, как и прежде, оказывались приезжие из стран СНГ и Балтии⁷⁹. И хотя, по признанию ведущих российских специалистов, статистика правонарушений в России оставляет желать лучшего⁸⁰, очевидно, что обвинения иммигрантов в разгуле преступности являются беспочвенными. Обнаруживается, что при их участии совершается ничтожно малая часть всех преступлений.

Летом 2006 года газета «Известия» со ссылкой на данные МВД сообщила, что 40 % преступлений в столице совершается иностранцами. Любопытно, что этот показатель в 40 % с завидным постоянством в течение уже нескольких лет фигурирует в статьях самых разных журналистов⁸¹, и его неизменность сама по себе вызывает недоверие. Действительно, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что соотношение общего числа правонарушений в Москве, совершенных, с одной стороны, выходцами из ближнего и дальнего зарубежья, и с другой — приезжими из регионов России, оказывается примерно 35 % и 65 %. В то же время в целом на иностранцев и лиц без гражданства приходится лишь 3,1 % преступлений, совершенных в Москве, то есть основная ответственность за криминал лежит на гражданах России⁸².

Профессиональные социологи показывают, как порой тенденциозно составляется статистика «этнической преступности». В 1999 году подполковник милиции из Ставропольского края представил леденящие воображение цифры, призванные доказать, что для «кавказской преступности» характерна необычайная жестокость и что «кавказцы» якобы склонны к

⁷⁸ Султонов Мирсаид. Мифы о мигрантах // Новые Известия. 2005. 15 декабря.

⁷⁹ Зубченко Евгения, Панков Андрей. Наша милиция их бережет // Новые Известия. 2006. 28 сентября.

⁸⁰ Кудрявцев Владимир, Лунеев Виктор, Наумов Анатолий. Организованная преступность. С. 133, 145, 151.

⁸¹ Федоров Л. Россия косоглазая; Блинова Е., Симакин Д. Москва мигрантская; Фролова Ирина. Трудовой фронт ждет пополнения // Известия. 2006. 15 июня.

⁸² Фролова И. Трудовой фронт.

совершению наиболее тяжких преступлений⁸³. Однако детальный анализ представленных им данных показал очевидные подтасовки. Так, признавая, что общая доля преступности среди «кавказцев» не превышает их доли в населении края, то есть в абсолютных цифрах значительно ниже, чем у «славян», он сообщал, что «по обвинению в совершении умышленных убийств в 1998 г. к уголовной ответственности привлечено 1,8 % славян и 1,7 % представителей народов Кавказа и Закавказья». Это должно было означать, что по своему участию в убийствах «кавказцы» могут потягаться со «славянами». Между тем проверка показала, что приведенные цифры имели совершенно иной смысл. Они относились не к доле названных групп в совершении убийств, а к доле убийств в общем числе преступлений, совершенных членами данной группы. Иными словами, из привлеченных к уголовной ответственности 10015 «славян» 153 были обвинены в убийстве, тогда как среди «кавказцев» эти цифры составляли соответственно 1432 и 18⁸⁴. В любом случае очевидно, что преступность среди мигрантов ничуть не выше, чем среди местных жителей.

Иногда даже ответственные государственные чиновники сами вольно или невольно искажают данные криминальной статистики. Так, губернатор Красноярского края Александр Хлопонин как-то заявил, что «каждое пятое преступление в крае совершалось таджиками». Однако выяснилось, что речь шла не о всей преступности в целом, а лишь о тех преступлениях, которые были совершены иностранными гражданами! В итоге читатель встретился с дезинформацией, демонизирующей таджиков⁸⁵.

Конечно, демонизация меньшинств происходит не только в России. Например, известно, что в Нидерландах уровень «этнической преступности» сознательно преувеличивается СМИ и полицией⁸⁶. Судя по данным американского Департамента полиции за 1991 год, лишь 17 % тех, кто совершал преступления против белых, составляли афроамериканцы; остальные были белыми. Однако негативный стереотип заставляет белых опасаться именно чернокожих⁸⁷. Мало того, белые американские студен-

⁸³ Ступницкий А. Этнический фактор и преступность на юге России // Сеть этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 1999. Бюллетень № 27 (сентябрь–октябрь). С. 61–63.

⁸⁴ Бредникова Ольга, Карпенко Оксана, Паченков Олег, Осипов Александр. Откуда берется «этническая преступность» // Сеть этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 1999. Бюллетень № 28 (ноябрь–декабрь). С. 123–125.

⁸⁵ Кожевникова Г. Российские СМИ... С. 58–59.

⁸⁶ Van Dijk Teun A. Communicating racism. Ethnic prejudice in thought and talk. Newbury Park: Sage Publishers, 1987. P. 155–156, 364.

⁸⁷ Feagin Joe R., Vera Hernan, Batur Pinar. White racism. The basics. N.Y. and L.: Routledge, 2001. P. 172. Аналогична ситуация в Нидерландах, причем огромную роль

ты предпочитают в случае ограбления иметь дело с белыми, а не с чернокожими преступниками⁸⁸. В свою очередь, американские полицейские сплошь и рядом демонстрируют двойные стандарты, достаточно жестко обращаясь с преступниками из этнических или расовых меньшинств, тогда как совершившие аналогичные преступления белые встречают гораздо более мягкое отношение⁸⁹. Аналогичная картина вплоть до недавнего времени наблюдалась и в Великобритании, пока в 2000 году парламент не принял поправку, распространившую закон о запрете расовой дискриминации на полицию. Однако после 11 сентября 2001 г. общественное мнение изменило свои представления о допустимости расово избирательной практики, и такая практика возобновилась⁹⁰.

То же самое происходит и в Москве, где сегодня милиция останавливает представителей этнических меньшинств в 21,8 раз чаще, чем людей славянской внешности. По данным исследования, проведенного в 2005 году организацией «Юристы за конституционные права и свободы» вместе с «Правовой инициативой Открытого общества», хотя первые составляют не более 4,6 % пассажиров московского метро, к ним относится практически каждый второй (50,9 %) из остановленных милиционерами. Это наглядный пример откровенно расового подхода, демонстрируемого московской милицией. Он особенно разителен в сравнении с США и Великобританией, где у представителей этнических меньшинств быть остановленными полицейскими лишь в четыре-пять раз больше шан-

в криминализации образа черного населения играют СМИ. См.: Essed Philomena. *Everyday racism. Reports from women of two cultures*. Claremont, CA: Hunter House, 1990. P. 56; Idem. *Understanding everyday racism. An interdisciplinary theory*. Newbury Park: Sage, 1991. P. 221–224.

⁸⁸ Hacker A. *Malign neglect: The crackdown on African-Americans* // *The Nation*. 1995. Vol. 261/ No. 2. P. 46–48. По словам студентов, они опасались не столько грабежа, сколько чего-то гораздо более ужасного в виде мести черных за все то, что белые причинили им за последние столетия. Иными словами, речь идет о проективной паранойе, не связанной с рациональными опасениями перед обычной уличной преступностью.

⁸⁹ Swain Carol M. *The new White nationalism in America. Its challenge to integration*. Cambr.: Cambridge University Press, 2002. P. 432–433; Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006. С.21–23. То же происходит в судах, где при прочих равных судьи обнаруживают гораздо более жесткое отношение к чернокожим, чем к белым. См.: Hodson Gordon, Hooper Hugh, Dovidio John F., Gaertner Samuel L. *Aversive racism in Britain: the use of inadmissible evidence in legal decisions* // *European Journal of Social Psychology*. 2005. Vol. 35. P. 437–448.

⁹⁰ Этнически избирательный подход... С. 20, 24. О распространенности практики этнически избирательного подхода в работе европейских полицейских см. также: Этнически избирательный подход в деятельности полиции в Европе. М.: Новая юстиция, 2006.

сов, чем у прочих граждан. Как подчеркивают исследователи, при столь интенсивных проверках московские милиционеры лишь в 3 % случаев выявили административные правонарушения, что говорит о малой эффективности таких методов⁹¹. Мало того, такие проверки велись в нарушение приказа начальника ГУВД г. Москвы от февраля 2003 года и обращения министра внутренних дел от августа 2005 года, требующих прекратить беспричинные проверки⁹².

Сегодня в России принято связывать наркобизнес с «этническими преступными группировками»⁹³. Но исследования, проведенные в 2001 году в Саратовской области среди переселенцев из стран ближнего зарубежья, показали, что, хотя наркобизнес иной раз и контролируется сплоченными «этническим группировками» выходцев с Кавказа и из новых государств Центральной Азии, нет никаких оснований для расхожих обвинений в наркоторговле, выдвигаемых против всех без разбора иммигрантов из указанных регионов (кстати, более 76 % мигрантов в области составляют русские, а вместе с украинцами, немцами и выходцами из народов Поволжья это составляет около 95 %). Мало того, выяснилось, что приезжие оказались даже в несколько большей степени устойчивыми к влиянию наркокультуры и более непримиримыми к наркобизнесу, чем коренные жители⁹⁴.

В свою очередь, детальный анализ наркобизнеса и его динамики показывает, что если на первых порах эта деятельность кое-где действительно осуществлялась на этнической основе, то очень скоро началась кооперация представителей целого ряда разных преступных групп, среди которых были как выходцы из Центральной Азии, так и русские, а в самое последнее время роль этнических группировок в наркобизнесе уменьшается. Но на подачу темы журналистами это не влияет, и в сознании населения наркобизнес по-прежнему связывается с деятельностью «мигрантов». В головах обывателей за цыганами прочно закрепился образ криминальных элементов, в частности наркоторговцев, и журналисты вовсе не спешат их в этом разубеждать⁹⁵. Между тем цыгане

⁹¹ Этнически избирательный подход... С. 7–8.

⁹² Там же. С. 61–65.

⁹³ Уколов Роман. Все героиновые дороги ведут в Россию // *Сегодня*. 2000. 27 июня.

⁹⁴ Гриценко Валентина. Вынужденные переселенцы и наркогенная субкультура: мифы и реальность. Балашов: Николаев, 2002.

⁹⁵ Горжалцан Евгений. «Я мать-героина!» // *Аргументы и факты*. 2002. № 11. С. 10; Хайруллин Марат. Извращение Будулая: путешествие по стране цыганских наркобаронов // *Московский комсомолец*. 2002. 9 октября; Калинин Александр. «Ты здесь никто, Ваня!» // *Литературная газета*. 2004. № 14; Соколов-Митрич Дмитрий. Табор уходит в кафе // *Известия*. 2005. 16 декабря. Об этом см.: Кулаева Стефания. Поло-

играют в наркоторговле далеко не главную роль⁹⁶. Эмиль Паин приводит довольно показательный пример того, как создаются мифы о связи наркоторговли с «этнической преступностью». В сводке Самарского областного управления по незаконному обороту наркотиков за 2001 год говорилось, что «*среди задержанных особенно много цыган, таджиков и азербайджанцев*». Однако на поверку оказалось, что они составляли лишь 2,3 % задержанных⁹⁷. Расследование, проведенное на Северном Кавказе в 1994 году, показало, что основная масса наркотиков поступала туда вовсе не из Таджикистана или Узбекистана, а с Украины⁹⁸. Мало того, в печать просочилась информация о том, что в правоохранительных органах сознательно завышают статистику наркопреступлений и даже подбрасывают наркотики ни в чем не повинным людям. В то же время истинным наркодельцам удавалось успешно уходить сухими из воды, ибо в этом были заинтересованы коррупционеры как среди чиновников, так и среди стражей порядка⁹⁹.

Как бы то ни было, журналистам пора понять, что, по словам юристов-правозащитников, «*“этнически избирательный подход” обозначает недопустимую практику, когда правоохранительные органы принимают решения о том, кто вовлечен в преступную деятельность или склонен к нарушению общественного порядка, на основании этнических или расовых стереотипов, а не на объективных поведенческих критериях*»¹⁰⁰. Более того, по словам экспертов, «*тот факт, что некоторые этнические группы чаще других фигурируют в статистике арестов за определенные виды правонарушений, объясняется тем, что официальная статистика является продуктом практики уголовного правосудия*»¹⁰¹.

жение цыган // Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России. С. 349–350; Верховский А. Общий анализ результатов мониторинга. С. 37; Локшина Т., Лукашевский С. Сравнительный анализ... С. 51–52, 70; Чепкина Э. Этнические характеристики. С. 248–249.

⁹⁶ Паин Э. Этнические особенности контрабанды наркотиков: мифы и реальность // Этнопанорама. 2003. № 1–2. С. 76–87; Он же. Между империей и нацией. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 87–88; Он же. Этнополитический маятник. М., 2004. С. 105–116. При этом аналитики замечают в выступлениях СМИ против цыган элементы кампанейщины. См.: Кожевникова Г. Российские СМИ. С. 61–62.

⁹⁷ Паин Э. Этнические особенности... С. 77.

⁹⁸ Тарарина Т. Наркобизнес: все пути ведут в Минводы // Ставропольская правда. 1994. 16 апреля.

⁹⁹ Волошин Павел. Милиция чистит свою репутацию порошком // Новая газета. 1998. 5–11 октября.

¹⁰⁰ Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006. С. 19.

¹⁰¹ Там же. С. 27.

Стереотипы, общественное мнение и роль СМИ

Упорное стремление преувеличивать якобы антисоциальные наклонности представителей этнических или расовых меньшинств легко объясняется особенностями человеческой психики, которые давно известны психологам. Еще 30 лет назад этот психологический механизм получил название «иллюзорной корреляции». Было показано, что люди, во-первых, склонны под впечатлением редких явлений придавать им гораздо большее значение, чем те того заслуживают; во-вторых, приписывать своей группе наиболее желательные моральные качества, выгодно отличающие ее от других групп; и, наконец, в-третьих, в силу этих особенностей преувеличивать негативные качества «чужаков», перенося их с отдельных индивидов на целые группы, к которым те принадлежат¹⁰². В то же время этот механизм работает в зависимости от исходного, позитивного или негативного, эмоционального настроения, влияющего на искажение реальной картины в ту или иную сторону¹⁰³. В особенности следует иметь в виду склонность российских журналистов указывать национальность преступника только в том случае, если он не является русским или славянином в целом¹⁰⁴. Надо отметить, что это относится не только к российской прессе; аналогичное явление долгое время наблюдалось, а кое-где и сейчас наблюдается в западных странах¹⁰⁵.

¹⁰² Hamilton D. L., Gifford R. K. Illusory correlation in interpersonal perception: a cognitive basis of stereotypic judgements // Journal of experimental social psychology. 1976. Vol. 12. P. 392–407. См. Также: Van Dijk T. A. Communicating racism. P. 237–238, 240–241; Wetherell Margaret, Potter Jonathan. Mapping the language of racism: discourse and the legitimation of exploitation. N.Y.: Columbia University Press, 1992. P. 38; Brown Rupert. Prejudice: its social psychology. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1995. P. 86–90, 97. Специальные исследования показывают, что белые студенты в кампусах и белое большинство в США в целом склонны систематически преувеличивать долю небелого населения в своем окружении или вообще в стране. См.: Gallagher Charles A. White reconstruction in the University // Socialist Review. 1995. Vol. 24. No. 1–2. P. 172.

¹⁰³ Stroessner S. J., Hamilton D. L., Mackie D. M. Affect and stereotyping: the effect of induced mood on distinctiveness-based illusory correlations // Journal of personality and social psychology. 1992. Vol. 62. P. 564–576.

¹⁰⁴ На это с возмущением обращал внимание Асламбек Аслаханов (См. Между Чечней и Кремлем). Не меньше эмоций это вызывает и в Татарстане. См.: Сагитова Лилия. СМИ в Татарстане: стимулы толерантности и интолерантности в контексте современного развития республики // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М.: ИЭА, 2002. С. 212. Об этом также см.: Кожевникова Г. Российские СМИ. С. 58.

¹⁰⁵ Essed P. Everyday racism. P. 91; Бибби Сирил. Расовые предрассудки и образование // Курьер ЮНЕСКО, 1960. № 10. С. 10; Баграмов Эдуард. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М.: Мысль, 1966. С. 133.

Все это хорошо объясняет распространенность в современной России негативных стереотипов, которые обычно связываются с «лицами кавказской национальности»¹⁰⁶.

Впрочем, речь идет не только о кавказцах. Еще в 1998 году опрос, проведенный по инициативе правительства Москвы, показал, что 69 % жителей столицы негативно воспринимали приезд любых мигрантов¹⁰⁷. Осенью 2004 года НИИ социальных систем МГУ им. Ломоносова провел специальный социологический опрос более 4 тысяч москвичей в возрасте от 18 до 64 лет. Этот опрос подтвердил ту же тенденцию. Выяснилось, что москвичи боятся притока иммигрантов много больше, чем повышения тарифов на электроэнергию и теплоснабжение. Более половины респондентов (51 %) полагали, что «южане» силой или с помощью подкупа чиновников вытеснили русских с рынков. При этом отношение к приезжим складывалось в зависимости от частоты контактов с ними. Москвичи не возражали против приезжих строителей, с которыми большинству из них не приходится близко контактировать. Больше их раздражали водители автобусов. Но самым чувствительным оказался квартирный вопрос. Около половины москвичей (47–48 %) заявили, что не хотели бы видеть соседями по дому дагестанцев, осетин, чеченцев и ингушей, а две трети выразили озабоченность скупкой московских квартир приезжими. Наконец, 60 % были недовольны ростом в Москве числа гастарбайтеров. При этом наибольшую интолерантность обнаружили жители некоторых московских окраин, где обычно селятся приезжие¹⁰⁸. Именно там значительную поддержку получают политики-радикалы, идущие на выборы под лозунгом «Россия для русских, Москва для москвичей»¹⁰⁹.

В середине 1990-х годов ксенофобия еще не побуждала людей к каким-либо практическим действиям, на которых тогда настаивали лишь национал-радикалы, не имевшие большого политического веса. Однако через несколько лет в общественном настроении произошел кардинальный перелом. В ноябре 2002 года уже 14 % респондентов полагало, что

¹⁰⁶ Мамедов М. «Лицо кавказской национальности»; Карпенко Оксана. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 183–188.

¹⁰⁷ Плугарев Игорь. Россия охвачена мигрантофобией // Независимая газета. 2003. 26 мая.

¹⁰⁸ Московские фобии – «кавказцы» и «иноэтничные мигранты» // ИА Маркетинг и консалтинг. 2005. 27 мая (<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&id=21889>).

¹⁰⁹ Холодковский К.Г. О корнях идейно-политической дифференциации российского общества // Человек в переходном обществе. М.: ИМЭМО, 1998. С. 81; Рудницкая Анна. Их город и их район // Московские новости. 2004. № 19.

следовало бы запретить «кавказцам» заниматься предпринимательством, а 10 % поддержало бы такой запрет в отношении «азиатов» (китайцев, корейцев, вьетнамцев). Одновременно 15 % респондентов выступало против предоставления государственных должностей «кавказцам», 10 % – «мусульманам», 8 % – евреям. По словам Льва Гудкова, почти каждый второй не желал допускать «чужаков» к власти¹¹⁰. В 2004 году 44 % респондентов требовало решительного ужесточения мер в отношении мигрантов с юга и юго-востока¹¹¹. Как мы видели, такие настроения из года в год формировались журналистами, начиная со второй половины 1990-х годов, причем осенью 2005 года в СМИ значительно усилились призывы «не допустить закрепления мигрантов в регионе», чего более ранние мониторинги прессы не фиксировали¹¹². Когда в связи с событиями во Франции радио «Эхо Москвы» устроило интерактивный опрос своих слушателей, выяснилось, что 79 % из них стояли за репрессивные меры против нарушающих порядок мигрантов и только 21 % предпочитали путь диалога¹¹³.

Опросы, проведенные в 2004–2006 годах Левада-центром, показали, во-первых, высокую популярность таких настроений, а во-вторых, их несколько различную интенсивность в отношении представителей разных этнических групп: наибольшее число сторонников находило предложение об ограничении на проживание в России выходцев именно с Кавказа. Ограничить приток приезжих в Россию готово было 52–54 % респондентов, а 11–14 % респондентов даже приветствовало бы ограничения для проживания в России всех, кроме русских. Те же опросы показали, что в течение последних восьми лет каждый третий респондент с завидным постоянством не одобрял приглашение в Россию людей из «ближнего зарубежья» – 35 % респондентов испытывало недобрые чувства к иммигрантам, занятым в строительстве, а 37 % готово было во всех бедах России винить «нерусских»¹¹⁴.

¹¹⁰ Гудков Лев. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета. 2005. 26 декабря.

¹¹¹ Россияне и «инородцы»: толерантность или ксенофобия? // ИА Маркетинг и консалтинг. 2004., 16 ноября (<http://www.iamik.ru/18772.html>); За кулисами национализма и ксенофобии // Там же. 2005. 12 августа (<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&id=2294>).

¹¹² Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана. С. 39.

¹¹³ Ларина Ксения. Погромы во Франции – возможно ли это в России? // Эхо Москвы. 2005. 7 ноября (<http://echo.msk.ru/programs/exit/39799/>).

¹¹⁴ Отношение россиян к людям других национальностей // Левада-центр. 2005. 11 ноября (<http://levada.ru/press/2005111101.html>); Колесниченко Александр. Развитый национализм // Новые Известия. 2005. 15 ноября; Зубченко Евгения. Интернационализм в цифрах // Новые Известия. 2006. 28 августа.

Иными словами, в середине 2000-х к решительным мерам против иммигрантов был готов едва ли не каждый третий или даже второй из опрошенных, и результаты социологических опросов последних лет выявляют именно эту тенденцию. Ксенофобия достигла качественно нового рубежа осенью 2006 года, чему способствовали не только взрыв на Черкизовском рынке и антикавказский погром в Кондопоге, но и массовая антигрузинская кампания, развязанная в октябре федеральными властями в ответ на арест четверых российских офицеров в Грузии. Если ранее грузины в общественном мнении россиян никогда не фигурировали в качестве основных «врагов», то по итогам опроса, проведенного в середине октября Левада-центром, 38 % респондентов высказались за депортацию из России всех грузин, включая и имевших российское гражданство¹¹⁵. Сегодня наиболее проникательные журналисты усматривают тесную связь между событиями в Кондопоге, антигрузинской кампанией и началом борьбы с рыночными торговцами¹¹⁶. Все это способно придать особый привкус предвыборным кампаниям 2007–2008 годов, ибо не приходится сомневаться в том, что радикальные политики поддадутся соблазну использовать не в меру активные действия ретивых администраторов против «иностранцев» для продвижения своих кандидатур.

В последние годы изменилась и мотивация ксенофобии: она стала более эмоциональной и иррациональной. По данным ВЦИОМ, в первой половине 2000-х годов люди начали объяснять свои негативные чувства главным образом, культурными факторами: иностранцы «не считаются с обычаями и нормами поведения России», «не умеют себя вести», они просто «чужие» (46 %). При этом существенных различий между крупными и малыми городами, урбанизированными центрами и селами не наблюдалось. Угроза терроризма и экономические причины назывались более чем в два раза реже¹¹⁷. Ту же тенденцию выявил мониторинг СМИ,

¹¹⁵ Поландров Дэвис, Пашков Дмитрий, Шавлохова Мадина. Что посеяли // Газета. 2006. 20 октября.

¹¹⁶ Петровская Ирина. Ксеноненависть // Известия. 2006. 20 октября; От Кошчева до Кондопоги. Русский национализм созрел для большой политики // Коммерсантъ. 2006. 28 декабря. № 244.

¹¹⁷ Россияне и «иностранцы»: толерантность или ксенофобия? // ИА Маркетинг и консалтинг. 2004. 16 ноября (<http://www.iamik.ru/18772.html>); За кулисами национализма и ксенофобии // Там же. 2005. 12 августа (<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=2294>); Поликанов Д.В. Сработает ли новая миграционная политика? // РИА Новости. 2005. 26 мая. Но после 11 сентября 2001 г. мигрантов стали ассоциировать и с терроризмом, чему в немалой степени содействовали СМИ. Об этом см. Верховский А. Исламофобия после 11 сентября // Верховский А.М.,

показавший, что в 2005 году среди негативных этнических стереотипов стала преобладать «моральная ущербность», причем это стало относиться не только к «кавказцам», включая «чеченцев», но даже к «западным европейцам»¹¹⁸.

Вскоре эти настроения нашли и практическое применение. Опрос, проведенный ВЦИОМ 25–26 ноября 2006 г., показал, что подавляющее большинство россиян поддержало жесткие меры властей по «наведению порядка» на рынках. Тогда 75 % респондентов одобрило ограничительные меры для иностранцев в сфере розничной торговли, особенно на рынках. Наибольшую поддержку эта инициатива получила в Центральном, Уральском и Северо-Западном федеральных округах. Но даже в Дальневосточном округе, где она встретила наименьший энтузиазм, положительное отношение выразил 61 % респондентов. При этом, как показал опрос, речь шла не только об «иностранцах». В Москве и Петербурге 91 % респондентов верил тому, что рынки контролируют представители «других национальностей», то есть «нерусские». Любопытно, что многие из опрошенных (40 %) вовсе не ожидали, что принятые меры приведут к снижению цен; не ожидали они и улучшения качества обслуживания (45 %) или повышения ассортимента товаров (49 %), причем каждый четвертый даже предполагал появление дефицита и ухудшения качества продуктов. Правда, 48 % ожидало, что благосостояние российских крестьян и фермеров повысится, однако на чем основывались эти ожидания, осталось неясным. Мало того, каждый третий не ожидал даже и этого. Лишь 11 % респондентов выразило желание самим занять освободившиеся на рынках места, а еще 36 % якобы знало, кто мог бы это сделать (среди таковых оказалось немало молодых людей 18–24 лет)¹¹⁹. Иными словами, радикального улучшения в рыночной сфере россияне не ожидали и в подавляющем большинстве вовсе не жаждали сами в этом участвовать. Похоже, энтузиазм по поводу «изгнания чужаков» основывался на иррациональных представлениях об «очищении» местной культурной среды.

Сегодня, возмущаясь «этнической преступностью» и призывая к наведению порядка на рынках, адвокаты «культурного расизма» имеют в виду совсем другой порядок, связанный с концепцией «включенности/исключенности» по отношению к сложившейся общности, обычно

Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Россия Путина. Пристрастный взгляд. М.: Центр Панорама, 2003. С. 138–142.

¹¹⁸ Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана. С. 47–48.

¹¹⁹ Россияне поддерживают изгнание иностранцев с рынков // ИА Росбалт. 2006. 30 ноября (<http://www.rosbalt.ru/2006/11/30/277076.html>).

понимаемой как этническая, а не гражданская. Это заставляет нас обращаться к иному более глубокому пласту дискурса, апеллирующему к «культурному порядку» и требующему сохранить традиционный «этнический портрет» отдельных местностей и целых регионов. Центральными понятиями такого дискурса являются «коренной/некоренной» и «культурная совместимость/несовместимость», что идет вразрез с положениями о гражданских правах, но зато устанавливает социальную иерархию, определяемую отношением людей к местной «этнической культуре». Такой дискурс имеет высокий эмоциональный заряд, так как само понятие «культура» не обладает большой четкостью и в устах разных людей и в разных контекстах может выражаться и восприниматься по-разному. Однако это не мешает тому, что в таком контексте именно символическая причастность к «культуре» делает человека полноправным членом данного общества, тогда как все иные оказываются «гражданами второго сорта» и, соответственно, должны урезаться в правах. С такой точки зрения преуспевающие чужаки воспринимаются нарушителями привычного статусного порядка, связанного не столько с экономикой, сколько с культурой¹²⁰. Как в этой связи замечает английская исследовательница Кэрлайн Хэмфри, «*бытовое недовольство направлено не столько против резких различий в доходах, сколько против людей, нарушающих порядок, по которому чужаков не следует допускать к выгодным позициям*»¹²¹. Здесь-то и происходит своеобразная расиализация, в основании которой лежит не столько биология, сколько культура. Поэтому для такой ситуации, предполагающей «культурную чистоту» и новую иерархию по этнокультурным критериям, вполне уместен термин «культурный расизм»¹²². Он снова взывает к защите «белых ценностей» и противопоставляет «белых (арийцев!)» «черным», создавая почву для борьбы за статус привилегированного «коренного населения».

Именно к этому, по сути, готовили общество некоторые журналисты, развернувшие в последние годы массивную антииммигрантскую кампанию. В итоге к середине 2000-х годов образ врага в СМИ получил

¹²⁰ Радаев Вадим. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5. С. 79.

¹²¹ Humphrey Caroline. Inequality and exclusion: a Russian case study of emotion in politics // Anthropological theory. 2001. Vol. 1. No. 3.

¹²² Подробнее о культурном расизме см.: Шнирельман В. Расизм: вчера и сегодня // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2; Он же. Этничность, цивилизационный подход, «право на самобытность» и «новый расизм» // Социальное согласие против правого экстремизма. Вып. 3–4. М.: Институт социологии РАН, 2005; Он же. «Несовместимость культур»: от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм. М.: Центр «СОВА», 2006.

более обобщенное выражение — если еще совсем недавно он совпадал с каким-либо конкретным народом (чеченцы, азербайджанцы, евреи и пр.), то теперь он стал ассоциироваться с «нерусскими» в целом. При этом антикавказские настроения, наряду с исламофобией, сохранили лидирующую позицию. Следующее место после них занимала цыганофобия¹²³. Дифференциация, отчетливо проявлявшаяся ранее в отношении разных категорий иммигрантов, стала постепенно стираться, и у людей начало формироваться представление о них как о некоей единой группе. Социологи все чаще стали встречаться с эвфемизмом «приезжие», а в публицистике и даже в работах некоторых ученых термин «мигрант» прочно слился с понятием «инородец».

Такие недифференцированные антииммигрантские настроения типичны для современного расизма¹²⁴. В частности, они обнаруживаются и в США. Например, в начале 1980-х годов известный радиокomentатор Пол Харви обвинял новых иммигрантов (большинство их были цветными) в отсутствии трудолюбия, в страсти к преступлениям и наркотикам и заявлял, что «неограниченная иммиграция» является серьезной угрозой для «стабильности нации»¹²⁵.

В этой связи необходимо хотя бы вкратце коснуться отношения российских СМИ к африканцам, приезжающим в Россию. В 2003 году на страницах «Независимой газеты» доктор философских наук Игорь Андреев поведал несведущему читателю зловещую историю, заставляющую кровь стынуть в жилах¹²⁶. Частный случай, якобы произошедший полвека назад в Нигерии и достоверность которого находится под большим вопросом, был выдан за едва ли не типичную практику, связанную с традиционными культурами. К статье была приложена фотография, изображающая женщину с ребенком, причем женщина, судя по соматическим чертам и нагрудному украшению, не имеет никакого отношения к Нигерии — такой тип встречается среди скотоводов Восточной Африки. Фотография сопровождалась подписью «В странах Тропической Африки тайные ритуалы процветают до сих пор». Между тем описанные Андреевым ритуалы в Восточной Африке неизвестны. И еще в 1979 году американский антрополог Уильям Эренс опубликовал книгу, где

¹²³ Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана. С. 41–45.

¹²⁴ Van Dijk T.A. Communicating racism. P. 232; Taylor Paul C. Race. A philosophical introduction. Cambr., UK: Polity Press, 2004. P. 79.

¹²⁵ Feagin J. R., Hernan Vera H., Batur P. White racism. P. 153.

¹²⁶ Андреев Игорь. Тайные общества Тропической Африки. Виртуальные перевоплощения под воздействием психотропных средств до сих пор широко практикуются в традиционных культурах // Независимая газета. 2003. 10 сентября.

показал мифологическую подоплеку историй о каннибализме, которые часто приходится выслушивать людям, оказавшимся в районах обитания племенного населения — будь то Южная Америка, Африка или Новая Гвинея. Профессиональные антропологи знают, что к таким рассказам надо относиться с большой осторожностью, ибо они чаще всего отражают страхи, бытующие в отношении соседей или вообще неизведанного.

Упомянутый материал был опубликован в «НГ» в рубрике «Этнология», хотя никакого отношения к этой науке И. Андреев никогда не имел. Современная этнология (или социально-культурная антропология) занимается борьбой с ксенофобией, а не ее провоцированием. Между тем, учитывая сложность современной проблемы иммиграции из развивающихся стран, журналистам следовало бы поостеречься помещать любые материалы, способствующие росту недоверия и подозрительности к иммигрантам, в особенности с иным цветом кожи. На Западе это составляет неотъемлемую часть журналистской этики, но в России об этом остается только мечтать.

К сожалению, на этом Андреев не успокоился. Через полтора месяца в той же «Независимой газете» появилась его новая статья с еще более сомнительным заголовком «Криминал с африканской спецификой»¹²⁷. Ее сопровождало фото африканцев в Москве с подписью «Сегодня никто не может поручиться, что выходцы из Африки не могут создать в Москве ритуальные секретные структуры». В обстановке постоянных нападений скинхедов на африканских студентов такого рода статьи нельзя расценивать иначе как провокационные, способствующие нагнетанию враждебных чувств к африканцам. Такие настроения рождают подозрительность и недоброжелательность в отношении людей с темной кожей. Достаточно лишь небольшого повода для того, чтобы они дали взрыв ксенофобии.

Между тем сегодня, как мы видим, отмеченные настроения поддерживаются, озвучиваются и даже насаждаются СМИ. В этой связи журналистка отмечает, что *«государству не нужно признавать бездарность своей политики во всех плоскостях, не нужно анализировать собственные ошибки, не нужно меняться — зачем, если понятно, в ком дело (в сионистах, чеченцах, международном заговоре, «черных», ЦРУ, приезжих и пр. — нужное подчеркнуть)»*¹²⁸.

В последние 10 лет образ «нежелательного мигранта», включая «кавказского врага», культивировался журналистами следующими спо-

¹²⁷ Он же. Криминал с африканской спецификой // Независимая газета. 2003. 22 ноября.

¹²⁸ Стрижевская М. Раненные родиной // Политический журнал. 2005. № 26. (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=articles&dirid=67&tek=3929&issue=113>).

собами: во-первых, они широко использовали термин «лицо кавказской национальности», вызывавший у читателя подозрительность и настороженность (для кого-либо другого в России термин «лицо такой-то национальности» применяется крайне редко¹²⁹); во-вторых, в газетных статьях оппозиция «кавказцы/русские» нередко принимала упрощенную форму «они/наши», вызывая у читателя ощущение того, что «кавказцы», безусловно, являются «ненашими», то есть абсолютными чужаками (о том, что среди них немало таких же граждан России, как и все остальные, мало кто вспоминал)¹³⁰; в-третьих, публикации о Кавказе и кавказцах затрагивали преимущественно негативные темы — криминал, мошенничество, беженцы, беспорядки на продуктовых рынках, нападения скинхедов и пр. (о культуре кавказцев и их вкладе в развитие российской государственности и культуры не было и речи); в-четвертых, статьям о кавказцах и иммигрантах в целом давались сенсационные заголовки, призванные породить и усилить тревоги читателей («Незаконная Россия», «Иноземцы заселили полстраны», «Враг ты мой кавказский», «Великое переселение кавказцев», «Покорение Кавказом», «Поход Кавказа на Москву», «Если завтра вайнах...», «Мигрант для России — напасть или благо», «Почему мы не любим лиц кавказской национальности», «Китайская экспансия в России», «Цыганская мафия наживает на нищих инвалидах», «Россия косоглазая, желтолицая, черноволосая», «Москва с раскосыми глазами», «Мигранты крадут у России миллиарды» и пр.)¹³¹, причем это было характерно даже для тех статей, где делались попытки дать взвешенную картину и нарисовать позитивный образ кавказцев; в-пятых, крупными буквами давались подзаголовки типа «Чужие» или же рассуждения, раскрывавшие антииммигрантскую суть статьи («Если гости кладут ноги на стол, виноваты хозяева», «Московские рынки, оккупированные кавказцами, вызывают сначала раздражение, потом возмущение, а напоследок — обиду и горечь», «Грозит ли Москве русский бунт? Место лимитчиков заняли выходцы с Кавказа. Национальность как сфера бизнеса», «Каждый десятый житель Москвы проживает в столице

¹²⁹ Правда, один журналист ухитрился изобрести термин «лица среднеазиатской национальности». См.: Шаповалов Александр. Кому на Дону жить хорошо... // Независимая газета. 2003. 5 декабря. Об этом явлении см.: Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 17, 40–41.

¹³⁰ См. например: Егорова Елена. Лицо московской национальности // Московский комсомолец. 2001. 13 апреля; Калинин Юлия. Покорение Кавказом // Там же. 2001. 26 июля.

¹³¹ О психологическом воздействии таких заголовков см., например: Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 98–100.

незаконно», «В северной столице прочно обосновались чеченские и казанские криминальные сообщества») и навязывавшие читателю негативное отношение к иммигрантам как к ферменту беспорядков и криминалитета¹³²; в-шестых, статьи нередко сопровождалась фотографиями, вызывающими исключительно негативные ощущения (например, рядом помещались две фотографии, на одной из которых были изображены талибы, воюющие в Афганистане, а на другой — задержанные милицией иммигранты с руками за головами. Этим давалось понять: такие они «там», а такие — здесь в Москве)¹³³; в-седьмых, статьи включали особую лексику («оккупация», «вторжение», «экспансия», «лавинообразный наплыв», «полчища нелегалов», «нашествие», «кавказская волна», «нездешние торговцы» и пр.), возбуждающую отрицательные эмоции и создававшую чувство тревоги; наконец, в-восьмых, иммигранты прямо обвинялись в том, что занимают якобы предназначавшиеся москвичам квартиры, правдами и неправдами получают престижные рабочие места или должности, усиливают криминогенную обстановку и вообще едва ли не готовятся вытеснить из Москвы коренных москвичей.

При этом все «южане» сливались в единый нерасчленимый образ, призванный вызывать исключительно негативные ощущения. Например, журналисты, с одной стороны, запугивали москвичей возможной массовой миграцией беженцев из Афганистана, представляли их воинственными талибами, готовыми к совершению самых страшных терактов в Москве, а с другой — сетовали на то, что «лица кавказской национальности» уже стали неотъемлемой частью «московского пейзажа». Этим как бы давалось понять, что авангардные отряды «южан» уже прибыли, а за ними идут другие, еще более опасные.

Одна из этих статей называлась «Беженцы подступают к границам России», причем далее следовал характерный подзаголовок: «*И среди них могут оказаться террористы*»¹³⁴. Другой журналист приводил некие

¹³² См. например: Калинина Ю. Покорение Кавказом; Бычкова Екатерина. Почему мы не любим «лиц кавказской национальности» // Аргументы и факты 2002. № 45; Порет Татьяна. Сами мы люди не местные // Московский комсомолец. 2002. 27 мая.

¹³³ См., например: Бабченко Аркадий. Нелегальная Россия // Московский комсомолец. 2001. 27 июня.

¹³⁴ Кириничьянов Юрий. Беженцы подступают к границам России // Российская газета. 2001. 20 октября; Романчева Ирина. Редкий талиб не доберется до Москвы // АиФ — Москва. 2001. № 48. Любопытно, что за 15 лет до этого аналогичная ситуация наблюдалась в Нидерландах, где журналисты запугивали местных жителей наплывом массовой иммиграции тамиллов из Шри-Ланки, используя такие чувствительные метафоры, как «волны», «наплыв», «вторжение». Между тем речь шла об очень небольшой группе беженцев. См.: Van Dijk T. A. Elite discourse and racism. Newbury Park: Sage, 1993. P. 370—375.

«данные ООН», что при наличии более 10 % «чужаков» стране неминуемо грозит развал, и пытался доказать, что Москве эта опасность уже угрожает¹³⁵. Некоторые журналисты сознательно прибегают к фразеологии, создающей неприятный или даже отталкивающий образ приезжих, выглядящих «оккупантами»: «*Жалко Москву, которую отдали на поругание бойкой гвардии жизнеспособных непотопляемых гостей с Кавказа*», или там же: кавказские мужчины «*гомонят, каркают воронами, и смотрят нагло и свысока, ощупывают женщин масляными глазами*». Доказывается, что «они» нас «глубоко презирают и люто ненавидят». Из этого делается вывод: «*Зачем нам жить вместе с теми, кто нас ненавидит лютой ненавистью? Зачем нам жить вместе с теми, кого мы сами ненавидим и боимся?*»¹³⁶ При этом, как отмечает журналистка С.А. Кусова, «чем больше укреплялось влияние государства на СМИ, тем жестче обозначился в них Язык вражды, тем больше появилось ксенофобских публикаций и расистских монологов»¹³⁷. В частности, сразу же после теракта в Театральном центре на Дубровке известная московская журналистка Юлия Калинина объявила всех московских чеченцев «потенциально опасными» и призвала «ограничить права и свободы чеченцев как представителей народа, с которым мы уже долгое время находимся в состоянии войны». Она писала: «*Чтобы не бояться чеченцев, надо просто не пускать их в Россию. Нужно, чтобы они здесь не жили*»¹³⁸. Очевидно, она запаматовала, что чеченцы являются

¹³⁵ Бабченко А. Нелегальная Россия.

¹³⁶ Калинина Ю. Покорение Кавказом.

¹³⁷ Кусова С. Россия между «Норд-Остом» и Бесланом. С. 55, 59. Эти замечания о роли СМИ в формировании «языка вражды» подтверждаются многими журналистами и аналитиками. См., например: Ильин В. Отечественный расизм. С. 200—201; Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО Центр Панорама, 2002; Роль средств массовой информации в профилактике и нейтрализации этнического экстремизма. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002; Малькова В., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002; Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002; Она же. «Не допускается разжигание...»; Титов В.Н. Мультикультурная коммуникация как фактор адаптации иммигрантов в городской среде // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 131—134; Плугарев И. Россия охвачена мигрантофобией; Гакаев З. Этнические стереотипы в прессе (на примере освещения конфликта в Чечне). Автореф. канд. дисс. М.: ООО Накра принт, 2003; Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана; Она же. Российские СМИ. С. 55—68.

¹³⁸ Калинина Ю. Гадкий привкус свободы // Московский комсомолец. 2002. 30 октября. Комиссия Госдумы по политическому урегулированию и соблюдению прав человека в Чеченской республике признала эту статью «злоупотребляющей свободой массовой информации» и «разжигавшей межнациональную рознь». См.: Кусова С. Россия между «Норд-Остом» и Бесланом. С. 82.

коренным населением Чечни, которая входит в состав России. Наконец, рассчитывая на сильную эмоциональную реакцию читателей, еще один журналист рисует поистине апокалиптическую картину: «Судя по всему, миграция вскоре превратится в дуболомное чудовище, которое сметет москвичей с наших улиц»¹³⁹.

Любопытно, что современная антииммигрантская фразеология до боли напоминает известные антисемитские стереотипы, популярные в России ровно сто лет назад¹⁴⁰: якобы «они» агрессивно и успешно конкурируют, вытесняя «коренных жителей» из прибыльных сфер экономики; грабят и обирают, наживаются на бедах «местных»; расхищают национальные богатства и вывозят капитал из страны; «паразитируют», занимаясь посреднической торговлей; склонны к криминальному поведению; берут русских жен, делая детей «нерусскими», тем самым размывая русскую идентичность; развращают русских вредным для здоровья зельем (евреев обвиняли в «спаивании» так же, как нынешних мигрантов — в завозе наркотиков); живут закрытыми солидарными группами; ведут себя высокомерно; устанавливают свои порядки и навязывают свою систему ценностей; создают «государство в государстве» и вообще хотят вновь установить иго. Очевидно, ничего специфически юдофобского в этом нет. Все это — расхожие стереотипы, широко распространенные в отношении «предпринимательских (торговых) меньшинств».

За всем этим стоит типичное для «культурного расизма» убеждение в том, что каждый народ обладает своими и только своими уникальными культурой и системой ценностей, которые не способны ужиться рядом с другими. В таком контексте порядок понимается как основанный на «нашей морали» и «наших ценностях». А преданные иным ценностям «чужаки» его якобы неизбежно подрывают, ибо не желают с ними расставаться, тогда как «наши» ценности для них абсолютно «чужды» и неприемлемы. Представлений о культурной гибридации и бикультурализме такая картина мира не знает. Именно такое мировосприятие и заставляет журналистов усматривать в любых инцидентах результат якобы

¹³⁹ Федоров Л. Россия косоглазая.

¹⁴⁰ Их с избытком можно найти у дореволюционного журналиста-расиста Михаила Меньшикова. См., например: Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Редакция журнала «Москва», 1999. Сходство антииммигрантской риторики с антисемитизмом уже отмечали и другие авторы. См. Тиммерманн Хайнц. Правый радикализм в Германии: идеи и политические концепции // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 57; Левинсон Алексей. «Кавказ» подо мною. Краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага. М.: О.Г.И., 2005. С. 280–282.

закономерно зловредной деятельности «чужаков», что и проявилось в освещении событий на Черкизовском рынке (см. выше).

Здесь как нельзя лучше подходит следующее замечание французского социолога Пьера Бурдьё: «Случается, что журналисты из-за неумения сохранить дистанцию, необходимую для размышлений, играют роль пожарного, который еще больше раздувает пожар. Они способствуют созданию события, подняв шум вокруг того или иного происшествия ... а потом начинают разоблачать тех, кто подливает масла в огонь, который они же сами и разожгли»¹⁴¹. Нагнетая страсти по поводу мигрантов, связывая их с «этнической преступностью» и приписывая им преступления, которых они не совершали, журналисты прививают враждебность к «чужакам», снабжают аргументами в пользу такой враждебности и фактически готовят обывателей к применению физической силы в отношении такого рода «чужаков». Отсюда — нападения скинхедов, отсюда — погромы и взрывы на рынках, отсюда же и события в Кондопоге. Ведь совершая насилие над другим, человек вначале должен уверить себя в справедливости своего деяния, и многие журналисты предоставляют своим читателям обильную пищу для этого. Когда же происходят агрессивные антииммигрантские выступления, те же журналисты набрасываются (и вполне справедливо) на зачинщиков, не отдавая себе отчета в том, что в происходящем есть доля и их собственной вины.

Бурдьё писал, что вторжение Национального фронта в политику привело к навязыванию французам принципа деления на «национальное» и «инострannое» в ущерб более ранним представлениям о расколе общества на богатых и бедных¹⁴². В постсоветской России еще не сложилось строгого классового деления, но зато в наследство от СССР ей досталось представление о четко структурированных «этнoсах» со своими «самобытными» культурами. При этом, разговаривая со своими читателями, федеральные СМИ, иной раз, сами того не замечая, обращаются, по сути, не к гражданам России, а к русским как доминирующему большинству. В таком контексте «мигрант» или «иногородний» не только воспринимается как «чужак», но однозначно ассоциируется с «нерусским» (хотя в 1990-х годах 70–80 % мигрантов в России составляли именно русские! Их доля в миграционном потоке снизилась до 56 % лишь в самые последние годы¹⁴³). Поэтому любые рассуждения о

¹⁴¹ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. С. 84–85.

¹⁴² Там же. С. 126. Новый подход он однозначно трактовал как расистский.

¹⁴³ Регент Татьяна. Миграция в России. Проблемы государственного управления. М.: ИСЭПН, 1999. С. 13–18; Вынужденные мигранты на Северном Кавказе. М.:

«волнах мигрантов» и «оккупации приездими» неизбежно возбуждают враждебные чувства к «пришлым инородцам». Зато вопрос о том, что во многих районах современной России русские сами были когда-то пришельцами и «мигрантами», даже не ставится. Между тем, например, корякский миф говорит, что русские *«приезжают в чужие земли и занимают чужие места»*¹⁴⁴, а на Чукотке русских считают *«жуликами и спекулянтами, которые захватили наши земли»*¹⁴⁵. Здесь уместно напомнить об особых «очках», через которые, по словам Бурдые, смотрят на мир многие журналисты. Похоже, что сегодня стекла этих очков замутнены непробиваемым этноцентризмом.

СМИ и общественное мнение: монолог, диалог или обратная связь?

Таким образом, антииммигрантские настроения не в последнюю очередь обязаны алармистским рассуждениям российских журналистов об иммиграции и ее последствиях: о приезжих как разносчиках инфекций, нечистоплотных торговцах, конкурентах на рынке труда, захватчиках жилья и других социальных благ, преступниках, наркоторговцах, лояльных своим «племенам» и «кланам», и, наконец, террористах, а также резкой смене этнодемографической ситуации в пользу «этнических общин». Именно на такого рода публикации и ссылаются лидеры скинхедов для легитимации своей деятельности¹⁴⁶. Вот почему искаженная

Фирма Инфограф, 1997; В движении добровольном и вынужденном. М.: Наталис, 1999; Воробьева Ольга. Миграция населения. Вып. 6. Миграционная политика. М.: Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, 2001; Белозеров Виталий. Русские на Кавказе: эволюция расселения // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. С. 74–77; Ерохин А.М. Этнополитические аспекты... С. 155; Мукомель Владимир. Миграционная политика России. М.: Диполь-Т, 2005. С. 54, 57; Нужны ли мигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С.22–24.

¹⁴⁴ Батянова Елена. Русское и русские глазами коряков // Этнические стереотипы в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 41.

¹⁴⁵ Варсегов Николай. На Чукотке шибко пьют и народ суров и лют // Комсомольская правда. 2001. 10 января.

¹⁴⁶ См., например, Беликов Сергей. Бритоголовые М.: Независимое издательство «Пик», 2003. С. 28–46. См. также: Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 117–124. Фактически журналисты, желая того или нет, отводят гнев скинхедов от чиновников, ответственных за волокиту с выдачей иммигрантам необходимых документов, за невнятную иммиграционную политику, высокий уровень коррупции и пр., и направляет этот гнев против самих иммигрантов. При этом широко публикующиеся

статистика, приводимая журналистами, не просто свидетельствует об их низком профессионализме, а представляет социальную опасность.

Кроме того, анализ показывает, что мигрантофобия представляет собой сложную конструкцию, и социальные проблемы, порожденные миграцией, составляют лишь вершину айсберга. На более глубоком уровне обнаруживается иррациональный культурный пласт, представленный оппозицией «свой/чужой» и верой в «несовместимость культур», в некую фатальную угрозу своим культуре и ценностям со стороны «чужаков», в катастрофические последствия «нарушения сложившегося этнокультурного баланса». То, что когда-то трактовалось как разрушение патриархальных устоев в ходе модернизации, сегодня окрашивается в культурные тона. Поэтому сегодня неотрадиционализм и неоконсерватизм находят себе оправдание не в приверженности прежним социальным порядкам, а в сохранении культурной идентичности. Именно эти настроения разделяют и озвучивают многие журналисты, что заставляет их рисовать зло в образе «чужаков», которому идеально соответствуют «мигранты». Образ социальной чуждости с сопутствующей ей классовой борьбой сменяется неприятием «культурно чужих», и это создает условия для развития «нового (культурного) расизма», что, в частности, и находит выражение в мифологемах «этнической преступности».

Итак, нет оснований подвергать сомнениям свидетельства российских ученых и правозащитников об огромной роли СМИ в формировании негативных этнических стереотипов. Как отмечает Бурдые, проблема становится общественной тогда, когда она озвучивается и проговаривается СМИ. При этом *«журналисты имеют особые “очки”, через которые они видят одно и не видят другое и благодаря которым они видят вещи определенным образом»*. И далее: *«слова могут натворить много бед..., слова создают реальность, вызывают к жизни фантазмы, страхи, фобии или просто ложные представления»*. В телепередачах Бурдые усматривает особую опасность: *«Они показывают и заставляют поверить в то, что они показывают. Такая сила внушения может породить эффект мобилизации, создавая идеи и представления, а также реальные социальные группы»*¹⁴⁷.

в СМИ данные о размерах миграции отличаются поразительной неточностью и противоречивостью и являются по сути малодостоверными. Об этом см.: Юнусов Ариф. Азербайджанцы в России – смена имиджа и социальных ролей // Диаспоры. 2001. № 1. С. 117–118; Недостоверная статистика дает повод для экстремизма // Известия. 2002. 18 июня; Ерохин А.М. Этнополитические аспекты... С. 153–154; Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 101–108.

¹⁴⁷ Бурдые П. О телевидении и журналистике. С. 31–34.

Однако в условиях демократии и свободы слова влияние СМИ на общественное мнение не является исключительно единообразным, ибо определенную роль играют и мировоззренческие установки каждого конкретного СМИ, пытающегося наилучшим образом удовлетворить ожидания своей читательской аудитории. Не является однозначно пассивным потребителем информации и читатель или зритель, воспринимающий информацию в зависимости от своей компетенции, уже выбранной позиции или просто от мимолетного настроения или эмоционального состояния. Мало того, потребитель информации активно выбирает тот телевизионный канал или ту газету, где ожидает найти освещение событий, соответствующее его представлениям о мире. Поэтому при анализе СМИ правильнее было бы говорить не столько об односторонней манипуляции общественным мнением, сколько о диалоге журналистов со своими читателями. А такой диалог, в частности, предполагает заботу о тираже соответствующего издания и, следовательно, требует от журналиста взаимопонимания со своей аудиторией. Иными словами журналист руководствуется правилами, принятыми в его профессиональном окружении. Поэтому не является случайным тот факт, что, как показывают проанализированные учеными и правозащитниками данные, в разных СМИ язык вражды представлен с разной интенсивностью. Например, в первой половине 2000-х годов безусловными лидерами в этом отношении были «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец»¹⁴⁸. В 2005 году газета «Московский комсомолец» была даже удостоена антипремии «Черное перо России», учрежденной Союзом прессы Северного Кавказа для журналистов, известных своей ксенофобской риторикой¹⁴⁹.

Вместе с тем люди критически воспринимают сообщения журналистов, и поэтому прямой корреляции между негативными образами, навязываемыми СМИ, и результатами социологических опросов ожидать не приходится. Вот почему сопоставление данных социологических опросов и мониторинга прессы показывает, что между ними встречаются некоторые расхождения, которых не было бы, если бы общество механически воспринимало взгляды и мнения, транслируемые журналистами. Например, мониторинг федеральной и региональной прессы, проведенный в 2001–2002 годах правозащитниками, показал, что язык вражды» был в тот период направлен прежде всего против всех «нерусских», народов Кавказа, «народов Азии» и «мусульман». А в этническом плане в этом списке лидировали чеченцы, за которыми шли

¹⁴⁸ Малькова В. «Не допускается разжигание...» С. 50–66, 94–95; Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана. С. 31, 34.

¹⁴⁹ Ребель Алина. Посильный вклад в ксенофобию // Газета. 2005. 29 сентября.

евреи, цыгане, азербайджанцы и армяне¹⁵⁰. В свою очередь, проведенный той же «СОВОЙ» в сентябре–октябре 2005 года новый мониторинг СМИ подтвердил, что обобщенный «образ врага» («нерусские», «мусульмане», «кавказцы») стал лидирующим. Достоинно конкурировать с ним могли только образы «чеченца» и «цыгана». От этой группы образов заметно отставали все другие. Но среди последних наибольший негативизм вызывали китайцы и «азиаты», за которыми в порядке убывания шли евреи вместе с американцами, затем — азербайджанцы и, в числе прочих — армяне¹⁵¹.

Заметные расхождения между этими списками и данными социологических опросов населения касаются только евреев и китайцев, к которым респонденты относились гораздо спокойнее, чем журналисты¹⁵². Можно отметить, что антицыганские настроения в СМИ также выглядели более интенсивными, чем показывают опросы населения. Очевидно, пропагандистская кампания, развязанная некоторыми СМИ против евреев, китайцев и цыган, в меньшей степени влияла на людей, так как расходилась с их собственным опытом. Это лишний раз свидетельствует, что нынешний всплеск ксенофобии носит инструментальный, а не доктринальный характер. Люди с готовностью усваивают в первую очередь ту информацию, которая может подтверждать их личные впечатления, и критически относятся к тому, что кардинально расходится с их обыденными знаниями. Что же касается информации, лежащей за пределами их опыта, то ее они, действительно, могут усваивать некритически, но лишь в том случае, если доверяют журналистам. Вот почему многие люди отдают предпочтение тому СМИ, чья позиция созвучна их настроению и где они ищут подтверждения своим интуитивным представлениям. Если в отношении известной им проблемы они находят взаимопонимание с журналистами данного конкретного СМИ, то можно предположить, что они с доверием отнесутся и к мнению этих журналистов относительно того, что самим им известно гораздо хуже.

¹⁵⁰ Верховский А. Национализм, расизм и ксенофобия в российских СМИ. С. 196–197.

¹⁵¹ Кожевникова Г. Язык вражды через год после Беслана. С. 40–43. Мониторинг обнаружил и необычайно высокий уровень «враждебности» в отношении украинцев, но, как объясняет Кожевникова, это не показательно, ибо связано исключительно с анекдотами из газеты «Жизнь». См.: там же. С. 45.

¹⁵² См., например, результаты опросов ВЦИОМ за 2001–2005 годы: Общественное мнение — 2002. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 130–131; Россияне и «иногородцы»: толерантность или ксенофобия? // ИА Маркетинг и консалтинг. 2004. 16 ноября (<http://www.iamik.ru/18772.html>); За кулисами национализма и ксенофобии // Там же. 2005. 12 августа (<http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=22946>).

Все это позволяет несколько откорректировать методику изучения того влияния, которое СМИ оказывают на общественное мнение. Во-первых, оценивая воздействие того или иного СМИ на общество, следует учитывать величину его аудитории (тираж газеты или популярность телепрограммы)¹⁵³. Например, не приходится сомневаться в том, что «Московский комсомолец» оказывает гораздо большее влияние на общественность, чем «Вечерняя Москва».

Во-вторых, было бы полезно знать демографические и социологические характеристики потребителей той или иной информации (пол, возраст, образование, профессия, занятость, политические предпочтения, а также, что немаловажно, опыт общения с мигрантами и, шире, людьми иноэтничного происхождения). Ведь, скажем, домохозяйка иначе воспримет события, чем человек, живущий активной общественной жизнью; городскому интеллектуалу легче примириться с культурным многообразием, чем малообразованному жителю сельской местности; молодой человек скорее проявит готовность воплотить полученную информацию в практическое действие, чем человек с большим жизненным опытом.

В-третьих, необходимо делать акцент не столько на сами по себе сообщаемые журналистами «факты», сколько на интенсивность и регулярность воспроизведения этих «фактов» (количественный показатель), их встроенность в популярный дискурс и на их интерпретацию и комментарии к ним (качественный показатель). Случайный факт, далекий от жгучей актуальности, вряд ли привлечет к себе внимание сколько-нибудь широкой аудитории. Однако факт, связанный с «этнической преступностью» или «рыночными торговцами», не останется незамеченным, ибо тут же актуализирует память о «наплыве мигрантов», о «чужаках» с их «иными поведенческими стереотипами», об угрозе «культуре коренного населения». Иными словами, такой факт оживит дискурс, который уже хорошо известен общественности.

Между тем, разные СМИ по-разному и в разной мере склонны участвовать в таком дискурсе. Поэтому частота обращения к тому или иному сюжету говорит об особом внимании данного СМИ к какой-то проблеме (скажем, к миграции), а комментарии — о тенденции в ее освещении (доб-

¹⁵³ Судя по социологическим опросам, сегодня для большинства населения России (61,1 %) просмотр телепередач является главным видом отдыха, а телевидение служит важнейшим источником информации о мире. При этом если телепередачи смотрят до 96 % населения, то любителей чтения находится значительно меньше. См.: Арутюнян Юрий. Постсоветские нации. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 47–48; Митрошенков Олег. Культура России в оценках экспертов и населения // Свободная мысль—XXI. 2005. № 10. С. 136.

рожелательной или враждебной). Короче говоря, на настроения людей (включая формирование ксенофобии) влияют не сами по себе «факты», а их интерпретация и, особенно, регулярность и интенсивность их подачи. Кроме того, определенное влияние оказывает предрасположенность аудитории к восприятию фактов в предложенной интерпретации, а, следовательно — доверие или недоверие к журналисту.

Раиса Акифьева, Анна Толкачева

Трансформация дискурса проправительственной прессы Санкт-Петербурга: толерантность «до» и «после» Кондопоги

Понятие толерантности часто ассоциируется со сформированной системой ценностей и убеждений, позволяющей позитивно воспринимать Других – тех, кто отличается от некоего большинства, превалирующего сообщества, Мы-группы, – и взаимодействовать с ними. Высшая степень проявления толерантности – способность рассматривать эти различия как несущественные для построения и поддержания сообщества с Другими, то есть возможности их включения в Мы-группу, восприятия вчерашних Других как части Мы-группы. По сути, достижение этого максимума делает идею толерантности неактуальной и несущественной, так как подразумевает исчезновение объекта толерантности. Образ Другого, таким образом, является конституирующим для дискурса (ин)толерантности. На первый взгляд, применительно к прессе толерантность также предполагает наличие Другого, а изучение толерантности прессы заключается в анализе способов подачи информации о Другом. Но в контексте изучения прессы толерантность может рассматриваться как обратная сторона языка вражды. Другими словами, о толерантности прессы свидетельствует отсутствие языка вражды, понимаемого в широком смысле – как любая прямая или косвенная негативная информация о Другом, интолерантная информация, а в некоторых случаях – умалчивание информации.

Пресса, которая обслуживает интересы власти, имеет ряд специфических функций. Одной из них является трансляция государственной идеологии, в частности, формирование представления о государстве, нации, а, следовательно, о событиях, которые происходят в стране и мире, о критериях принадлежности к нации. Поэтому в качестве Другого

здесь выступает тот, кто исключается из сообщества нации, а изучение толерантности проправительственной прессы в первую очередь предполагает изучение того, кто выступает в роли Другого и как подается информация о Другом. Властная элита заинтересована в такой подаче материала, которая способствует укреплению власти и консолидации общества: с одной стороны, элита стремится описывать любые свои действия позитивно, критиковать оппозицию, не освещать события, которые выставляют ее в невыгодном свете, а с другой стороны, она ограничена в своих действиях самой возможностью обнаружения и огласки подобных стратегий со стороны оппонентов. Можно предположить, что государство, заявляющее о себе как о демократическом, проводя национальную политику, будет избегать ущемления каких-либо групп населения. Поэтому в отличие от большинства других идеологических изданий проправительственные СМИ должны говорить политкорректным языком, не провоцирующим национальную и этническую рознь. Но процесс постепенной монополизации средств массовой информации уменьшает количество агентов в информационном поле и позволяет изменять риторику изложения материала на менее толерантную.

Обращение к проправительственной прессе выявляет механизмы выстраивания и проговаривания основных составляющих общенационального мировоззрения (которые включают в себя, в частности, представления о гражданах, определенных группах населения, взаимодействии с внешним миром), поскольку ежедневные проправительственные газеты призваны информировать население о происходящем и в то же время исполнять роль трансляторов идеологии власти, делая ее частью повседневности. А так как любая идеология – это не только совокупность определенных убеждений, но и побуждение к действию, анализ проправительственных изданий позволяет ответить на вопрос: к каким действиям побуждает нацию государство, а также понять, к кому именно оно апеллирует; другими словами, кто включается в сообщество «нация», а кто подлежит исключению; выстраивается ли нация на основе одной/нескольких этнокультурных групп или всей совокупности граждан без выделения и описания каких-либо этнокультурных сообществ; способствует ли идеология, транслируемая в проправительственных СМИ, позитивной гражданской консолидации или изоляционистским тенденциям, и т.д.

В предлагаемом исследовании мы постарались проанализировать, как изменяется освещение событий в проправительственной прессе с точки зрения толерантности подачи материала в ответ на те или иные события, а также то, как выстраивается оппозиция «Мы – Другие» в те

Работа выполнена при поддержке фонда INTAS в рамках проекта “Tolerance and Intolerance in the Post-Soviet Press: Applying New Methods of Measurement and Evaluation”. Грант 04-79-6813.

или иные периоды, какими характеристиками наделяется, с помощью каких приемов прописывается. Как освещаются события, которые противоречат транслируемой идеологии, как прописываются действия властей, которые противоречат декларируемым принципам?

Мы сфокусировали наше исследование на изучение изменений стратегий и способов подачи рассматриваемого материала в проправительственной прессе. Мы полагали, что особенности публикаций в этих изданиях будут взаимосвязаны с рядом политических событий, а на фоне постепенной монополизации СМИ будут меняться приемы изложения материала¹.

Точкой бифуркации в нашем исследовании выбраны события в Кондопоге², за которыми последовали антигрузинская кампания, рейды по обнаружению нелегальных мигрантов, постановление правительства³, квотирующее иностранных работников и т.д., поэтому мы сфокусировали наше исследование на освещении событий до и после событий в Кондопоге. В качестве события «до» мы избрали то, каким образом в газетах описывались убийства, совершенные на почве расовой и национальной

¹ Об усилении контроля государства над СМИ см.: Лукашевский Сергей. Демократия в России-2005: радикальная «суверенизация» // Демократия вертикали. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 19–44; Прибыловский Владимир. Власть и СМИ в правление Путина. Хроника // Там же. С. 68–102; Фоссато Флориана. Виртуальная политика и российское ТВ // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 4; Дубин Борис. Суверенность по законам клипа и сериала // Там же.

² В ночь на 30 августа 2006 г. в ресторане «Чайка» карельского города Кондопога между официантом и посетителями ресторана возник конфликт, спровоцированный посетителями, началась драка. Официант обратился за помощью к лицам, охраняющим интересы хозяина ресторана. Прибывшая милиция проявила бездействие, наблюдая за происходящим со стороны. В ходе драки были убиты два человека, несколько человек ранено, среди пострадавших оказались и случайные посетители ресторана. По основной версии правоохранительных органов и ряда экспертов, события явно имели криминальный характер. Однако среди местного населения получила популярность версия, согласно которой причина конфликта имела этническую подоплеку. По мнению многих горожан, главным в происшествии было то, что работающие на хозяина ресторана бандиты-чеченцы оказались причастными к убийству русских жителей Кондопоги, а это, в свою очередь, явилось следствием этнизации и криминализации бизнеса в городе. В Кондопоге начались массовые митинги и погромы, направленные против людей, которые приехали в город с Кавказа или идентифицировались участниками как «кавказцы».

³ Согласно постановлению Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 683 устанавливаются квоты на привлечение на работу иностранных граждан в сфере розничной торговли. Доля иностранных работников в палатках и на рынках с 15 января 2007 г. не должна превышать 40 % от общей численности работников, а с 1 апреля сократиться до 0 % // Российская газета. 2006. 16 ноября.

ненависти, и сопряженные с ними процессы; упор был сделан на убийстве Хуршеды Султоновой в феврале 2004 года, его расследовании, результатах следствия и решении суда.

Массовые митинги и беспорядки в карельском городе Кондопога, сопровождавшиеся откровенно расистскими и ксенофобскими требованиями и заявлениями, в начале сентября 2006 года имели ряд серьезных последствий: в частности, изменился характер публичных заявлений властей разных уровней. В риторике власти, причем высшего руководства страны, появляются новые термины, например «коренное население», которое в последующих комментариях приобретает все более выраженное этническое значение⁴. К тому же события в Кондопоге, как и преступления на национальной почве, идут вразрез с официальными заявлениями о традиционной толерантности, присущей российскому обществу⁵.

Нас интересовали представленные в прессе объяснительные конструкции этих событий: используется ли оппозиция «Мы – Другие» в описании причин беспорядков, если да, то по каким критериям выстраиваются границы между группами, какие пути профилактики подобных эксцессов предлагаются. В первую очередь наше внимание было обращено на наличие в текстах негативного описания Другого или действий в отношении Другого, которые необходимо предпринять для предотвращения подобных стихийных выступлений; как характер публикаций взаимосвязан с политическими событиями, инициированными правительством, и как отражаются в этих текстах события, которые идут вразрез с транслируемой системой убеждений и ценностей.

Как уже говорилось, на наш взгляд, проправительственные издания в силу своего статуса должны быть особо корректными в освещении таких событий, как убийства на национальной почве или случившееся в Кондопоге, поскольку высказывания в прессе способны стать поводом для дополнительной мобилизации и консолидации общества и вызвать как единение и сплоченность населения, так и недовольство со стороны граждан и активизацию деструктивных сил. Именно поэтому показательна политика газет в подобные периоды: она проявляется в подборе материала, в характере описания событий, в интерпретациях и языке журналистов, которые способны приписать событиям тот или иной идеологический оттенок.

⁴ См., например: Кожевникова Галина. Осень-2006: под флагом Кондопоги // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия в России. 2007. 4 января (<http://www.xeno.sova-center.ru/29481C8/883BB9D>).

⁵ Подробнее см. например: Зверева Вера. Праздничные концерты: старый канон на новом ТВ // Pro et Contra. 2006. Т. 10. №. 4.

Теоретико-методологические рамки нашего исследования толерантности прессы изложены в статье «Индекс (ин)толерантности прессы», опубликованной в этом сборнике. О степени толерантности материалов издания мы судили по наличию в них таких параметров, как оппозиция «Мы – Другие», негативная информация о Другом, угрозы, призывы к насилию, дискриминации и проблематизации, связанные с представителями группы Другие. Тем не менее, в нашем случае мы использовали лишь качественную составляющую и анализировали текст с позиции понимания толерантности прессы, которая в этом индексе прописана.

При этом мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что, говоря об интолерантности в проправительственных и других СМИ, мы не подразумеваем обязательное наличие нетерпимости в них, то есть в нашем исследовании интолерантность определяется не только через присутствие языка вражды. Мы говорим и о некорректных, на наш взгляд, высказываниях или логике изложения материала, которые не способствуют утверждению толерантных установок в обществе и зачастую являются результатом журналистской невнимательности или отсутствия особой чувствительности к материалу. Исходя из этого, в дополнение к критериям интолерантных высказываний, которые указаны выше, мы рассматриваем как некорректные и варианты умалчивания отдельных тем. Отсутствие языка вражды не является гарантией проявления толерантности: например, в материалах могут отсутствовать или осуждаться негативные высказывания об определенных национальностях, но при этом оправдываться гонения на мигрантов, или же отсутствие языка вражды может объясняться самоцензурой⁶.

Характеристика изданий

В качестве объекта изучения выступили проправительственные издания Санкт-Петербурга: «Санкт-Петербургские Ведомости» (СПВ) и «Невское время» (НВ). Санкт-Петербург крайне важен для нашего анализа тем, что череда преступлений на этнической почве закрепила за ним статус нетолерантного региона.

Оба издания – газеты, которые выходят 5 раз в неделю тиражом в 223 тыс. экземпляров и 85 тыс. экземпляров соответственно. Обычно материалы в этих газетах размещаются на шести больших полосах, но

⁶ Известен случай, когда одна из региональных газет получила приз за «чистую речь», а впоследствии обнаружилось, что «чистота» объяснялась запретом редактора на освещение всего, что связано с национальными отношениями. См.: Севортыян Анна, Шароградская Анна. Освещение этнического многообразия. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2005. С. 24.

по субботам в случае СПВ и по пятницам в случае НВ количество полос увеличивается как минимум вдвое.

На страницах СПВ и НВ преобладает социально-экономическая тематика, рассматриваются вопросы образования, экономического развития, пенсионного обеспечения, ЖКХ и прочие близкие населению темы. В этих изданиях представлен дискурс власти, однако даже когда материал персонифицирован, власть выглядит достаточно абстрактно. Скажем, если подача материала идет в негативном свете, то фигура губернатора не связывается с описываемыми событиями. Большой процент публикаций относится к освещению культурных мероприятий: выставок, концертов, налаживания разнообразных культурных связей с другими городами и странами. Значительное количество публикаций отведено под исторические хроники и связь прошлого и настоящего. В отличие от публикаций в так называемых желтых или полужелтых изданиях типа «Аргументов и фактов» и «Московского комсомольца», региональная проправительственная пресса не гонится за скандальными сюжетами из жизни «звезд» и не особенно стремится освещать события в мире шоу-бизнеса; не злоупотребляет она также экспрессивным описанием кровавых подробностей трагедий или криминальной хроники.

Согласно постановлению правительства Санкт-Петербурга № 173 от 30 декабря 2003 г., «Санкт-Петербургские Ведомости» и «Невское время» являются официальными публикаторами, а, следовательно, обладают особым статусом, дающим им преимущества при распространении⁷. Например, любой человек, даже не имеющий возможности выписывать данные газеты или читать их в библиотеках и в интернете, может ознакомиться с ними на стендах, расположенных в различных районах города.

Толерантность «до»:

примеры толерантной нетолерантности

Смерть таджикской девочки Хуршеды Султоновой 10 февраля 2004 г. в результате нападения на нее и ее семью (отца и двоюродного брата) во время прогулки имела широкий общественный резонанс. До этого события ни одно из преступлений на национальной почве в Санкт-Петербурге не было поставлено под контроль федеральными органами власти, более того, ни одно из событий не освещалось столь продолжи-

⁷ Нормативные правовые акты публикуются в НВ и СПВ, законы Санкт-Петербурга – в СПВ, см.: Официальный портал администрации Санкт-Петербурга (http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/committee/press/question_answer/1).

тельно и подробно⁸. Последствия случившегося оказались важны и для репутации Санкт-Петербурга: для характеристики города все чаще стало применяться словосочетание «фашистская столица».

Одной из стратегий, которую выбрали СПВ при описании убийства, является нежелание говорить об этнической и возможной идеологической (фашистской) составляющей ситуации. Свидетельством этому служит и само описание убийства, в котором лишь вскользь говорится о национальной принадлежности жертв, а также не выстраиваются аналогии с предшествующими проявлениями неоправданной агрессии по отношению к представителям других национальностей⁹. Само слово «фашизм» и примеры его проявления возникают в газете значительно позже и только тогда, когда фашистская символика появляется на мемориале Марсова поля, то есть когда оскверняются национальные святыни¹⁰. В большинстве же статей и комментариев на данную тему авторы акцентируют внимание читателей на том, что причастность к скинхедам не установлена и что действия подростков объясняются хулиганскими побуждениями. И делается это преимущественно через прямое и не прямое цитирование слов милицейских работников. Попытка отвести от города очерняющий его ярлык «фашистской столицы» строится посредством постоянного утверждения, что националистические побуждения подростков играли в этом случае минимальную роль. Указывается, что обсуждаемое преступление — это не стиль экстремистских группировок. *«Слишком много нелогичного, “непрофессионального” в их действиях. Так, спонтанно, без каких-либо видимых причин, обычно действуют “рядовые” подростки, может быть, пьяные или обкурившиеся, но вполне возможно, что и трезвые. И чрезмерная, неоправданная жестокость — это, увы, характерный признак именно подростковой преступности»*¹¹. Говорится, что скинхеды — это просто бездушные люди и они, собственно, не обязательно настроены именно против людей других национальностей: *«Жестокость юных “отморозков” потрясает (кстати, содеянное ими говорит и о том, что “активность” скинов не обязательно имеет лишь национальную направленность)»*¹², — речь идет о статье об убийстве молодого курсанта

⁸ Стоит отметить, что избиение группы таджикских цыган, случившееся годом ранее, в результате которого также погибла малолетняя девочка, практически не освещалось.

⁹ Рутман М. После прогулки — смерть // СПВ. 2004. 11 февраля.

¹⁰ Петров С. Опять бритоголовые... // СПВ. 2004. 18 февраля.

¹¹ Рутман М. Указ. соч.

¹² Рутман М. Курсанта били ногами, стараясь попасть в голову... // СПВ. 2004. 26 февраля.

Олега Кабалинова, которое было раскрыто благодаря расследованию дела Хуршеды (курсанта до смерти избили его приятели-скинхеды из-за разногласий по поводу армии). Таким образом, редакции газеты присущее стремление перевести имеющуюся проблему роста националистических выступлений в городе в пласт подростковой преступности вообще, а через это свести всё к социальной проблеме воспитания и образования подростков. Так или иначе, но авторы пытаются отодвинуть этнические характеристики жертвы, которые сыграли одну из решающих ролей в ее выборе, тем самым нивелируя другую социальную проблему — толерантности и экстремизма, «растворяя» ее в рассуждениях о необходимости воспитания молодого поколения.

При этом, переводя проблему экстремизма в социальную сферу, журналисты СПВ призывают своих собратьев по перу вообще не затрагивать «неудобные» темы, связанные с этничностью и религией, поскольку, на их взгляд, любая дополнительная информация, к примеру, о мигрантах (легальных и нелегальных) и т.п., способна спровоцировать агрессию. В качестве подтверждающего примера подается вышедшая накануне убийства Хуршеды Султоновой передача «Времена» Владимира Познера о мигрантах. Подчеркивая, что общий посыл передачи состоял в том, что *«...эти самые “лица” («кавказской национальности» — Р.А., А.Т.) и мигранты из среднеазиатских республик, мол, такие же люди, как и мы...»*¹³, автор статьи приходит к выводу, что лучше не говорить на скользкие темы, потому что подростки, получив любую информацию об этничности, мигрантах, религии, могут исказить ее до такой степени, что пойдут убивать: *«Не воспримут ли их своим искривленным сознанием группы подростков вроде той, которая напала на таджикскую семью в Петербурге, как дополнительный сигнал к тому, что “черных” надо бить»*¹⁴.

Автор продолжает: *«наряду с общим падением морали у нас, похоже, перестали срабатывать нравственные тормоза и в области национальных отношений, где, повторяем, даже добродетельские утверждения о том, что “лица кавказской национальности” — такие же граждане, как и все, могут вызвать дополнительное напряжение между людьми». В качестве рецепта, позволяющего избежать подобных следствий, автор предлагает следовать позиции власти, которая придерживается «добровольного табу по части публичных дискуссий по национальным вопросам»*¹⁵.

Вопрос о том, как правильно говорить о скользких (неудобных) темах, не имеет однозначного ответа. Попытки показать, что информа-

¹³ Кошванец В. Страшнее пистолета // СПВ. 2004. 14 февраля.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ция, поданная в СМИ, всегда служит прямым стимулом к действию (в рассматриваемом случае — неадекватному) также во многом упрощают реальность. Стоит задуматься и о малой результативности пропаганды толерантности, которая реализуется через СМИ. Наивно также полагать, что если не освещать данные темы, то язык вражды и сама вражда исчезнут. Опыт показывает, что это далеко не так. Так, например, в следовании «золотому правилу» неговорения обнаруживается определенная непоследовательность позиции редакции, которая вроде бы и против неоправданного упоминания этничности и т.п., но свободно пользуется расистскими терминами, которые достаточно устойчиво закрепились в обществе. Упирая на то, что лучше вообще не говорить о национальности, этничности, расизме, журналисты СПВ легко используют лексику «национал-патриотов»: например, такие слова, как «черные». Пусть даже эти слова даны в кавычках и подаются преимущественно из уст либо представителей скинхедов, либо работников правоохранительных органов.

«...А одна сказала: «Мой парень вчера хвастал: “Слышала, как мы хачиков замочили?”»¹⁶, или «...установка на избивание “черного” была. Не именно этого — любого»¹⁷.

Более того, нередко публикации просто-напросто воспроизводят идеологию националистов. Так, например, в статье пишется: «Дали показания и лидеры движения. Своих националистических наклонностей они не скрывают: да, “черных” бить надо, но девочку — это уж чересчур...»¹⁸ Но ведь данную, подчеркиваем, скрытую цитату можно было подать в несколько иной форме, без тиражирования националистических наклонностей и радикальной идеологии экстремистских движений. Для этого достаточно было убрать фразу о том, кого надо, а кого не надо бить, и оставить в качестве косвенной цитаты лишь часть фразы о том, что убивать ребенка — это чересчур. Это стало бы еще одним шагом для нераспространения в «искривленном» сознании подростков, да и не только их, расистских идей, о чем так радели сотрудники газеты. Употребление подобных фраз лишь способствуют нормализации языка вражды, закреплению стереотипного восприятия тех или иных групп по фенотипическому либо какому-либо другому признаку¹⁹.

¹⁶ Рутман М. Это дело нашей чести // СПВ. 2004. 20 февраля.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Наиболее ярким примером подобной нормализации стало уже укоренившееся использование слова «кавказцы», по сути, включающее в себя различные этнические группы, которые объединяются по фенотипическим характеристикам и, собственно, на основе этих характеристик являются объектом известных дискриминационных практик.

Несвободно от подобных ошибок и НВ. В данном случае речь идет не об использовании в текстах журналистов «неприличной» лексики, а в подборке визуального ряда к нему. Так, например, 11 февраля 2004 г. в первой статье на тему совершенного преступления «Убийц достать хоть из-под земли!» рядом с заголовком была помещена фотография стены с надписью «Убей хача, спаси Россию!»

В то же время, в отличие от СПВ, НВ не боится сразу же назвать случившиеся «жестоким проявлением национального экстремизма в Петербурге» и дает событиям неприятные, но адекватные наименования (например, в качестве заголовка — «Нацизм объявлен в розыск»; упоминается и лозунг «Россия для русских», который прозвучал в момент совершения преступления)²⁰. В газете серьезно ставится вопрос о недостаточной государственной поддержке толерантности в СМИ. Таким образом, НВ подает рассматриваемый материал в совершенно ином стиле. Те же расхождения отчасти наблюдаются и в материалах, посвященных расследованию убийства девочки и вынесению приговоров обвиняемым. В НВ достаточно обстоятельно разбираются особенности судебного процесса, даются разные комментарии.

В СПВ в основном появляются статьи, в которых просто констатируется происходящее в зале суда: какие сроки требовал обвинитель, что решил суд, кто подал на обжалование. Единственным материалом, в котором дана определенная оценка событий, является статья «Не доказано!». Автор, обсуждая судебное решение, пишет о том, что он рад оправдательному приговору, вынесенному судом присяжных, прежде всего потому, что, на его взгляд, во-первых, дело было слишком политизировано и оно развалилось бы, если бы в нем не было политической окраски, а во-вторых, вынесенный приговор свидетельствует о развитии правового государства в России²¹. Несмотря на то что автор по большей части прав в своей оценке таких проблем, как излишняя бюрократизированность силовых структур, их внутренняя нездоровая конкурентность, ошибки следствия, которые привели к сужению доказательной базы, рассматриваемое дело, на наш взгляд — не совсем удачный пример торжества правосудия в России. Во-первых, потому, что автор совершенно не упоминает о специфике судов присяжных в России, их незрелости, сложностях и минусах их работы; а во-вторых, смещение акцента в описании судебного процесса на развитие и поддержание верховенства закона

²⁰ Буренин М. Убийц достать хоть из-под земли // НВ. 2004. 11 февраля; Он же. Нацизм объявлен в розыск // НВ. 2004. 12 февраля; Абдулаева Ш. Эта девочка не взрывала метро // НВ. 2004. 14 февраля.

²¹ Рутман М. Не доказано! // СПВ. 2006. 29 марта.

скорее вновь говорит о желании уйти от обсуждения реальной проблемы роста экстремизма и ксенофобии в российском обществе.

Возможно, разная подача события — убийства девочки и его расследования — следствие того, что преступление произошло в регионе, который в других случаях воплощал собой культурную столицу и является даже своего рода символом нации в связи с блокадой и рядом других исторических событий. То, что проблема фашизма всплыла в таком городе, заставило проправительственные газеты реагировать. Но отреагировали они по-разному.

Городское правительство не могло дать официальным газетам однозначных сигналов. Однако при всей разнице в подаче материала есть основание, которое объединяет эти издания: это понимание проблемы толерантности не как общечеловеческой ценности, которая признается по всей планете, а как чего-то, присущего только российскому, вернее, бывшему советскому человеку, и даже как специфической черты петербуржца. Создается впечатление, что этническое или расовое насилие плохо не само по себе как нарушение прав человека, а как преступление против национальной и региональной традиции. Основной мотив осуждения всплеска убийств и избиения людей другой расы или национальности в регионе следующий: «Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом и всегда жители, независимо от этнической принадлежности, жили в мире». Толерантность оказывается частью того «сакрального знания», которая характеризует петербуржцев, да и россиян в целом. Это проявляется и в словах губернатора Санкт-Петербурга: *«Вдвойне обидно, что подобные варварские выходы происходят в Петербурге, который всегда был городом многонациональным и терпимым к представителям других национальностей и религий. Трудно представить, что эти преступники выросли в нашем городе, что у них есть родители. Только наша общая ненависть к негодьям может защитить людей. Мы должны все вместе противостоять злу»*²², и в словах простых граждан: *«Это дело нашей общей чести. И все мои ребята настроены точно так же. У меня заместитель — грузин, в отделе есть азербайджанец, еврей, мы никогда не делились по национальному признаку. Все происшедшее — дикость полная для каждого из нас...»*²³

С нашей точки зрения, подобное преподнесение толерантности как всеобщего свойства группы, будь то петербуржцев или россиян, выступает в качестве одного из вариантов некорректных и нетолерантных

²² Буренин М. Убийц достать хоть из-под земли.

²³ Рутман М. Это дело нашей чести.

высказываний, поскольку, как заметил Валерий Тишков, *«толерантность — это не врожденное групповое или индивидуальное свойство, а постоянное и направленное усилие на конструирование и осуществление определенных личностных и общественных ценностей и норм поведения»*²⁴. Определяя толерантность как специфическое свойство региональной, национальной или цивилизационной группы, тем самым подразумевается, что другие группы обладают подобными свойствами в меньшей степени²⁵. Более того, многонациональность в подобных высказываниях всегда выступает как определенная гарантия существования толерантности. Исходя из такого соотнесения напрашивается вполне логичный вывод, что толерантности сложно реализоваться в более однородных группах.

При этом практически во всех материалах рассматриваемого периода, где постоянно подчеркивается, что Мы-петербуржцы многонациональны и, соответственно, толерантны, ставится под сомнение принадлежность к этой Мы-группе тех, кто совершает подобные преступления. Они становятся Другими, несмотря на то что выросли в Петербурге, поскольку не разделяют этнический универсализм и толерантность как ценность, которая и определяет принадлежность к коллективному целому Петербурга и России. Сам же концепт «мы» наполняется преимущественно посредством культурной общности, в которой главным оказывается не этничность, не место жительства человека и его миграционный статус и даже не гражданство, а его готовность разделить определенные ценности и важность исторического прошлого²⁶.

Тем не менее, осенью 2006 года появляется новое толкование убийства Хуршеды и других преступлений на почве этнической и расовой неприязни, как, впрочем, и новое понимание проблемы толерантности. Согласно ему, Хуршеда и другие жертвы (и, в сущности, и убившие их) оказываются «заложниками чужих грехов». И грехи эти — прорехи в миграционном законодательстве.

«До недавнего времени отношение к приезжим с ярко выраженной неславянской внешностью в Петербурге, мягко говоря, оставяло желать лучшего. На фоне глухого ропота значительной части населения против их засилья совершались попытки бороться с миграцией силовым путем, предпринимаемые, прямо скажем, не лучшей частью нашей молодежи. Что, впрочем, и неудивительно — при той-то абсолютно невятной миграционной

²⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 319.

²⁵ Там же.

²⁶ Акифьева Р., Толкачева А. Национальная и региональная идентичность в дискурсе официальной прессы Санкт-Петербурга // Ab Imperio. 2006. № 3.

политике, которая осуществлялась до недавних пор под успокаивающей шепот речей о необходимости воспитания в обществе толерантности»²⁷.

В данной статье уже нет ни народного возмущения, связанного с неприятием нападений на людей с другим цветом кожи и фенотипом, ни акцента на том, что Петербург — многонациональный город. Появляется «коренной» петербуржец, которому противопоставляются приезжие с неславянской внешностью. Нелегитимные способы регулирования «засилья» приезжих до введения изменений в миграционной политике преподносятся как вполне адекватный выход из положения, создавшегося из-за провалов в миграционной политике. Тем самым действия скинхедов (уже части Мы-группы) рассматриваются как неизбежная реакция в сложившихся обстоятельствах. «А, как известно, когда национальной политикой не желает заниматься власть, ей поневоле начинает заниматься само население — и в первую очередь наиболее маргинальная его часть»²⁸.

Таким образом, концепция описания событий существенно меняется, как, собственно, меняются и сам подход к проблеме толерантности, и Мы-группа. Если раньше недостаток толерантности в обществе объяснялся отсутствием должного воспитания и образования, прежде всего у подростков, то сейчас все обсуждение отсылает к другой социальной проблеме — миграции, в поле которой якобы и лежит решение проблемы толерантности в обществе. «Теперь, после известных событий в Кондопоге и особенно в Грузии и ответных мер России, явно наводящих на мысли о “переполненной чаше терпения”, в настроениях коренных петербуржцев явно просматриваются надежды на то, что миграционная политика станет такой, что надобность в разговорах о воспитании в нашем обществе толерантности сама собой отпадет»²⁹.

Дискурсивные последствия Кондопоги

В освещении событий в Кондопоге по-прежнему присутствуют различия в манере подачи материала. В то время как НВ реагирует на случившееся большим количеством публикаций, преимущественно состоящих из проведенного журналистами или экспертами анализа событий, в оценках которых иногда встречаются и полярные точки зрения, СПВ освещает их скупно: в основном материалы представляют собой

²⁷ Селицкий А. Заложники чужих грехов // НВ. 2006. 13 октября.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

сухое описание фактов, или же Кондопога упоминается в связи с чем-то другим, часто вскользь, одним предложением. Например, объясняется, как правильно ставить ударение в названии города³⁰, или описывается первенство Петербурга по фигурному катанию среди детей младшего возраста: «47 ребятишек из нашего города и 30 юных гостей из Кондопоги и Казахстана участвовали в этом соревновании на детском катке “Кристалл”, что в Красногвардейском районе»³¹. При этом Казахстан и Кондопога перечисляются как территории одного порядка, без объяснения, почему состав гостей соревнований ограничен зарубежной страной и российским городом. На фоне в целом скудной подачи информации о событиях в Кондопоге в СПВ встречается небольшое число эмоционально окрашенных материалов, а также публикаций, в которых дается подробная экспертная оценка событий. Подобные публикации соотносятся с подавляющим большинством публикаций в НВ, выстраивая образ Другого — объекта и источника конфликта.

«Мы — Другие»: критерии членства и основные модели взаимодействия групп

Для объяснения событий в Кондопоге обе газеты активно используют конструкцию «Мы — Другие», описывая поляризованные группы посредством категорий миграционного статуса: Мы — местные жители, «коренное население», Другие — мигранты, как легальные, так и нелегальные. Практически всегда в качестве дополнительных критериев, определяющих групповые границы, выступают этнические категории, понимающиеся достаточно широко: фенотипические особенности, обусловленные групповой принадлежностью, характерные для определенной культуры образцы поведения и т.п. Образ местных или «коренных» жителей прописывается не очень четко и преимущественно наполняется этническим содержанием. Под местными жителями нередко подразумевается «русское население», «население со славянской внешностью». Например, корреспондент описывает свои впечатления от посещения рынка Кондопоги: «Русские женщины без всякой межнациональной вражды в глазах покупают у выходцев из южных республик продукты и одежду»³².

В публикациях, посвященных Кондопоге, выстраиваются те же конструкции агентов взаимодействия, что и в материалах о событиях в

³⁰ Вопросы-ответы // СПВ. 2006. 18 сентября.

³¹ Гугова Ю. Пируэты у елки // СПВ. 2006. 29 декабря.

³² Терентьев Д. Затишье после бури // НВ. 2006. 6 сентября.

стране, в которых фигурируют «иностранцы», «мигранты», «приезжие» и пр. Поэтому события в Кондопоге, антигрузинская кампания, вышеупомянутое постановление федерального правительства об иностранцах и операции по выявлению нелегальных мигрантов описываются как взаимосвязанные. Кондопога и антигрузинская кампания описываются в первую очередь как конфликты «мигрантов» и «коренных жителей», а изменения в миграционном законодательстве — как одно из необходимых последствий этих событий³³.

Другие часто определяются не только посредством миграционного статуса, но и с помощью этнических и расовых категорий. В статьях упоминаются характерные внешние признаки, которые преподносятся как общеизвестные и легко узнаваемые, — такими признаками является «неславянская внешность» Других, отличная от «славянской внешности» представителей Мы-группы. Более того, нередко сам статус гражданина или иностранца ставится в зависимость от фенотипических особенностей. Так, предполагается, что иностранные торговцы имеют характерные внешние черты, которые без труда позволяют отличить местного жителя от приезжего. *«Достаточно пройти по вещевому рынку “Апраксин Двор”, и уже можно представить, что с 1 апреля здесь останется только треть продавцов»*³⁴. Но, пожалуй, определяющими маркерами в оппозиции «Мы — Другие» выступают культурные признаки, под которыми подразумеваются приписываемые представителям групп личностные качества, система ценностей, характерные образцы поведения, обусловленные их принадлежностью к группе (культурной, региональной, этнической — в зависимости от контекста): *«Социологические исследования свидетельствуют, что у большинства граждан вызывает недовольство не национальность приезжих, а их культурный уровень и нежелание адаптироваться к местным законам и традициям»*³⁵.

Метафора столкновения культур и наплыва мигрантов активно используется для объяснения событий в Кондопоге. При этом первое является неизбежным следствием второго: *«...аналогичное столкновение культур происходит едва ли не в любом российском городе с тех пор, как поощрение притока трудовых мигрантов стало базовым элементом внутриэкономической политики в России»*³⁶.

В целом логика описания событий выглядит следующим образом. Вследствие несовершенного миграционного законодательства в различ-

³³ Селицкий А. Заложники чужих грехов.

³⁴ Кострова А. Кто за базар ответит // НВ. 2006. 29 ноября.

³⁵ Терентьев Д. Русский демарш // НВ. 2006. 21 декабря.

³⁶ Он же. Гроздья гнева // НВ. 2006. 7 сентября.

ные регионы РФ прибывают мигранты, которые являются носителями культуры, существенно отличающейся от культуры местного населения. Столкновение различных культур неизбежно порождает конфликты, которые потенциально могут возникнуть и в других регионах РФ, так как увеличение количества мигрантов происходит повсеместно.

Особую опасность представляют населенные пункты, где прибывшие мигранты проживают компактно, образуя многочисленную культурную группу. В качестве значимого референта указываются события ноября 2005 года в парижских пригородах, компактно заселенных мусульманами³⁷. При этом в НВ часто предпринимается попытка осудить ксенофобию и предрассудки и призвать читателей к проявлению толерантности. Авторы статей пишут о необходимости дружбы между народами, но делают это на фоне рассуждений о негативных последствиях взаимодействия культур. Картина мира, состоящая из дискретных культурных групп, представлена как научная и не нуждающаяся в обосновании. По сути, газетные статьи воспроизводят популярные в российской науке представления об этничности и культуре, которые восходят к теориям Юлиана Бромлея и Льва Гумилева, признанным необоснованными и несостоятельными и уже ставшим достоянием истории³⁸. Тем не менее, подобные представления по-прежнему находят отражение в газетных публикациях (естественно, с поправками на специфику изданий). По версии официальной прессы, культуры, породившие беспорядки в Кондопоге, не просто представляют собой дискретные единицы, но неизменно конфликтуют, а «национальные характеры» не только существуют в реальности, но и являются источниками серьезных проблем.

*«Серьезное это дело — культурные различия, а уж тем более национально-культурные. На этой почве немало копий сломано, много трудов написано. И если речь идет о приехавших в наши края или в Карелию жителей юга, то тут проблема встает во всей остроте. Уроженец теплых краев и северянин — это два разных характера, два темперамента, две системы привычек и быта. Конечно, в Кондопоге дело состояло не только в культурных различиях»*³⁹.

³⁷ Беленкова Э. Как не выпустить джинна из бутылки // СПВ. 2006. 18 сентября.

³⁸ Подробнее о распространенности идей примордиализма см., например: Малахов Владимир. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005; Он же. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 9–19; Тишков В.А. Реквием по этносу; Он же. Теория этноса и культурный фундаментализм // Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. М.: Наука, 2005.

³⁹ Шерих Д. Не становитесь в позу страуса! // СПВ. 2006. 8 сентября.

В этой цитате можно обнаружить различные клише, используемые официальной прессой для описания различий между группами, в данном случае региональными, и для объяснения причин беспорядков в Кондопоге. Во-первых, национально-культурные различия преподносятся как важный фактор для объяснения многих явлений. Во-вторых, культурные различия, проявляемые в «национальном характере», могут определяться климатическими особенностями места рождения. В-третьих, культурные различия выступают в качестве источника конфликта, хотя и не основного. К тому же как доказательство используется апелляция к экспертным источникам.

Наряду с культурной спецификой мигрантов в качестве другой причины конфликта предлагается их преступная, нелегальная деятельность. «После известных событий в Кондопоге власти города заговорили об усилении борьбы с нелегальной миграцией. Прокатилась волна “зачисток” на рынках и рейдов на строительных площадках в поисках нарушителей миграционного законодательства»⁴⁰. Этот пример отражает достаточно типичный прием для СПВ. В статье, которая посвящена борьбе с нелегальной миграцией в Санкт-Петербурге, между делом упоминается и Кондопога, причем взаимосвязь событий подается как общеизвестная и не требующая дополнительных пояснений. Таким образом, укрепляется впечатление, что случившееся в Карелии было спровоцировано исключительно ситуацией, связанной с нелегальной миграцией. Стоит отметить, что в обеих газетах картина событий и логика их развития так до конца и не были основательно освещены, что заставляло читателя домысливать их, исходя из комментариев и высказываемых мнений.

Ярко выраженный характер имеет взаимосвязь нелегальной миграции с постановлением правительства о розничной торговле. Так, НВ отреагировала на постановление относительно сдержанными публикациями, в которых отражается амбивалентная тенденция газеты: с одной стороны, изложен собственный вариант освещения событий, связанных с трудовыми мигрантами, а с другой стороны, в этом контексте выстроен негативный образ «приезжих». На страницах газеты не обсуждаются возможные причины принятия постановления, напротив, предполагается, что они общеизвестны и связаны с нелегальным и даже преступным характером деятельности иностранных рабочих. Несмотря на то что постановление устанавливает квоты для легальных работников-иностранцев, в публикациях оно напрямую связывается с проверками рынков и торговых павильонов под управлением Федеральной миграционной службы,

⁴⁰ Беленкова Э. Бутерброд для нелегала // СПВ. 2006. 11 декабря.

направленными на пресечение нелегальной деятельности мигрантов осенью 2006 года, а преступная деятельность мигрантов представляется в качестве основного мотива введения квотирования⁴¹.

В ряде статей преступность уверенно маркируется этническими признаками: «Тем временем в Москве продолжают массовые проверки рынков на предмет выявления нежелательных элементов в лице представителей азиатских и кавказских народов»⁴². Проверки в таком изложении носят отчетливый этнически избирательный характер. Представители определенных этнических групп преподносятся как нечто отрицательное, преступное само по себе. В статьях действия милиции порой даже не связываются с преступностью иностранных работников, основная цель — сделать рынки этнически однородными⁴³.

НВ задает вопрос «Преступность национальности не имеет?» и получает ответ от начальника отдела УБОП по борьбе с этническими организованными преступными группировками:

« — Долгое время говорилось, что преступность — наша общая беда и национальности у нее нет. Вы с этим согласны?

— Нет, преступность всегда имела национальность. И еще в начале 90-х годов появились устойчивые преступные сообщества, сформированные исключительно по этническому признаку. ... В заключение хотелось бы заметить, что на территории Азербайджана или Грузии нет ни одной группировки, сформированной по так называемому славянскому этническому признаку»⁴⁴.

Особенный интерес представляет заключительный комментарий эксперта, который можно интерпретировать как опровержение мифа о том, что преступники встречаются среди представителей различных этнических групп.

Об этнически окрашенной «рыночной» преступности пишут как о существовавшей еще во времена СССР. Приводятся воспоминания: «Подходил “разводящий”-азербайджанец, рвал написанные от руки ценники...» Затем в 90-е годы «... Приезжали молодцы-джигиты»⁴⁵. Представители различных стран иерархируются по степени благонадежности в качестве мигрантов, прибывающих в Россию. «Специалисты отмечают, что

⁴¹ Кострова А. Указ. соч.; Бражников С. В Петербурге появятся два новых «блшинных» рынка // НВ. 2006. 20 декабря; Он же. Мир стройкам — война рынкам // НВ. 2006. 30 ноября.

⁴² Андреев Н. Москвичи подавляют свое раздражение // НВ. 2006. 31 октября.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Матвеева Н. Преступность национальности не имеет? // НВ. 2006. 1 ноября.

⁴⁵ Марьина Т. Без базара // СПВ. 2006. 25 октября.

в Россию реже едут относительно образованные труженики из Украины и Казахстана, а все чаще — из Таджикистана и Киргизии, где люди проживают жизнь, так и не узнав, что в мире существует канализация. Вряд ли из них получатся толковые строители элитного жилья, зато многие имеют опыт участия в гражданских войнах и наркобизнесе»⁴⁶. Таким образом формируется представление об иностранных работниках преимущественно как о преступниках. Незаконная деятельность мигрантов, которая может распространяться за пределы торговли и строительства, наряду со специфическими культурными особенностями, представляется как угроза для местных жителей. Эти заявления часто подкрепляются случаями из жизни журналистов и их знакомых, мнениями экспертов, в качестве которых выступают представители органов власти, ученые, публицисты, а также статистическая информация. «К нам же пускают всех подряд, поэтому уровень распространения ВИЧ-инфекции среди приезжих в 18 раз выше, чем в России, а уровень преступности среди иностранцев в некоторых российских регионах вырос в 100 (!) и более раз»⁴⁷.

Таким образом, миграционный статус, этничность, культура и преступность связывается воедино, формируя представления о негативном образе Других — мигрантов-преступников, отличающихся от представителей местного населения.

Побуждение к действию или как избежать конфликта с Другими?

Наряду с описанием существующей проблемы газеты предлагают несколько путей преодоления/избежания конфликтных ситуаций, отличающихся по степени жесткости. Способы решения проблем прописываются в тех же категориях, что и сами проблемы, — с использованием метафоры взаимодействия культур и наплыва мигрантов.

Один из способов, более мягкий — провозглашение необходимости воспитания уважения к культурам друг друга. Хотя обычно под взаимным уважением понимается уважительное отношение мигрантов-«гостей» к культуре местных жителей. «Наверное, для этого требуется прежде всего уважение друг к другу. Стремление понять чужую культуру — и не только со стороны хозяев, но и со стороны новоселов. Прежде всего, с их стороны»⁴⁸.

⁴⁶ Терентьев Д. Русский демарш.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Шерих Д. Указ. соч.

Описание адаптации мигрантов до массовых беспорядков в Кондопоге зачастую включало в себя рассуждения о необходимости сохранения неповторимой этнической самобытности различных народов, населяющих нашу страну, а этническое многообразие преподносилось как один из важных признаков Мы-группы. После сентябрьских событий такие публикации встречаются крайне редко, этническое многообразие всплывает обычно в материалах, посвященных мигрантам, а их адаптация, как уже отмечалось выше, предполагает уважение и соблюдение традиций Мы-группы, которая обычно представлена культурно однородной, но непременно культурно отличной от группы Другие. «Но и те, кто прибывает к нам, должны знать, что у них есть не только права, но и обязанности — соблюдать законы и традиции страны, которая готова стать их второй родиной»⁴⁹. В публикациях досентябрьского периода одним из важных критериев принадлежности к Мы-группе являлась способность понять и разделить общую систему ценностей — исторические события, важные традиции, патриотические стремления и т.д. Теперь это все чаще вмещается в обязанность всем, проживающим на территории государства, и не является достаточным для включения в сообщество Мы.

Другой предлагаемый газетами более жесткий способ избежания повторения конфликтов задается рамками «цивилизационного подхода». Столкновение культур в таком изложении представлено как часть более общей, глобальной проблемы столкновения цивилизаций. Логика объяснительной модели в пределах такого подхода отсылает нас к несколько адаптированной и искаженной теории Сэмюэла Хантингтона, получившей в России особое признание в определенных научных кругах — Хантингтон активно цитируется, его работы переводятся на русский язык⁵⁰. Популярность теории американского профессора нашла отражение и в прессе. Так как конфликт цивилизаций неизбежен, адаптация Других к традициям Мы-группы вряд ли возможна. Последствия взаимодействия культур представляются весьма пессимистичными, и обеспечение правильной адаптации мигрантов в рамках такого видения уже не способно воспрепятствовать зарождающимся конфликтам. Единственный выход на уровне отдельного государства, скорее всего, видится в предотвращении

⁴⁹ Елисеева М. Гражданство как амнистия // СПВ. 2006. 21 декабря.

⁵⁰ О популярности «цивилизационного подхода» в России см.: Шнирельман Виктор. Расизм вчера и сегодня // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2; Он же. Российская школа и национальная идея // Неприкосновенный запас. 2006. № 50; Он же. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5; Малахов В. «Война культур», или Интеллектуалы на границах // Октябрь. 1997. № 7.

возможного взаимодействия представителей различных культур. Основным приемом, обеспечивающим доказательство подобных заключений, служит отсылка к референтному «цивилизованному Западу», который сталкивается с теми же самыми проблемами. *«В Падуе в конце июля этого года произошла массовая драка между группой мусульман из Северной Африки и нигерийцами христианского вероисповедания. После этого эпизода мэр города распорядился построить стену, отгораживающую квартал, в котором разыгралась “гверилья”, от местного населения. Чем случай в Падуе не конфликт цивилизаций, не столкновение культур?»⁵¹*

Авторы статей селятся развеять миф о Западе как о толерантном обществе, лишенном межкультурных и межэтнических конфликтов. В статье «У Европы – свои rogomі», напечатанной вскоре после событий в Карелии, последовательно развивается тезис о том, что конфликты на этнической почве не являются специфической особенностью России, но очень распространены и в Европе. Причем участники конфликта те же – местное население и приезжие. Указывается, что в Германии местных жителей тоже беспокоит «волна “экзотических преступлений”, привнесенных в мирную Германию “чужаками”, – преступлений, чуждых здешней ментальности»⁵². Более того, акцент делается на том, что уже и политкорректная западная пресса постепенно начинает идти «на поводу у коренного большинства...», все чаще употребляя «термины вроде “сенегалец с немецким паспортом” или “пакистанец с британским” вместо привычного всем доселе “гражданин страны”»⁵³.

Интересной особенностью статьи является постоянное упоминание в ней чеченцев в негативном контексте. Так, например, описывая столкновения между местным населением и чеченцами в бельгийском городе, инициированное последними, автор указывает на отличие чеченских диаспор от турецких: последние оказываются способными «обуздывать взрослых земляков и имеет среди них право вето». Создается впечатление, что чеченцы являются организаторами преступных столкновений в различных странах мира: их действия обусловлены особенностями чеченской культуры, которые как раз и определяют их схожее поведение независимо как от их места проживания, так и от специфики программ интеграции мигрантов в той или иной стране. В итоге делается вывод, что меры, направленные на интеграцию мигрантов, не способны предотвратить конфликты между группами, обладающими разной «ментальностью». И

⁵¹ Корти М. Европа станет Еврабией? // НВ. 2006. 9 сентября.

⁵² Шандоров А. У Европы – свои погромы // НВ. 2006. 7 сентября.

⁵³ Там же.

этот вывод распространяется на различные культурные группы в разных уголках Европы.

Так как гармоничная интеграция мигрантов видится неосуществимой, газеты предлагают внести изменения в несовершенное миграционное законодательство, направленное на регулирование въезда мигрантов и количества проживающих в России. Поэтому постановление правительства, регулирующего деятельность иностранных работников на рынках страны, антигрузинская кампания и рейды, направленные на поимку нелегальных мигрантов, представлены в газетах именно как долгожданные действия. Общегосударственный запрет на работу иностранных граждан представлен как основной, если не единственный, способ борьбы с незаконной деятельностью мигрантов.

Для доказательства целесообразности такого изменения миграционного законодательства вновь используется отсылка к Западу – к принятым там успешным законодательным решениям, направленным в первую очередь на защиту коренного населения. Говорится о том, что повышение культурного и образовательного уровня стран Запада достигается за счет ограничения миграции и введения специальной системы отбора квалифицированных мигрантов.

Таким образом, отсылка к Западу осуществляется двояко: для демонстрации сопоставимых с Россией проблем, вызванных живущими в стране мигрантами, а также когда речь заходит о новых российских практиках и законах, регулирующих миграцию. В последнем случае Запад часто выступает в роли примера для подражания, который, в отличие от нас, уже давно смог законодательным путем решить многие проблемы с миграцией. Например, наличие двойных стандартов в новом российском законодательстве, которое ограничивает работу иностранцев на рынках, но не препятствует их работе на стройках, обосновывается мировой практикой⁵⁴.

Интеграция речевых приемов в экспертных оценках событий

Аккумуляция всех перечисленных приемов происходит в особо нетолерантных по многим параметрам материалах, которые публикуются в СПВ от лица экспертов. Такие публикации претендуют на большую объективность по сравнению с другими статьями: одно дело – журналист, который анализирует и интерпретирует ситуацию на основе здравого

⁵⁴ Бражников С. Мир стройкам – война рынкам // НВ. 2006. 30 ноября.

смысла, личного опыта и гражданской позиции, а другое – ученый, который специализируется на изучении этих феноменов и приводит аргументацию, как предполагается, прежде всего как исследователь, а уже во вторую очередь как гражданин и обыватель. Но в реальности такие статьи зачастую далеки от научной объективности и не содержат актуальной научной информации.

Здесь события излагаются уже другим, более живым, эмоциональным языком по сравнению с публикациями без авторства или написанными от лица журналистов. Границы групп «Мы – Другие» очерчены настолько четко, что проблема формулируется с прямым указанием на потенциальных виновников конфликтов, которые описываются как явная и очевидная угроза для местных жителей. Избежать и предотвратить ожидаемую катастрофу можно единственным образом: оградить местных жителей от взаимодействия с источником опасности любыми возможными способами.

Одной из таких публикация является статья «Русские дилеммы», в которой профессор Санкт-Петербургского государственного университета Герман Сунягин комментирует события в Кондопоге. Последовательно описывая важные вехи в формировании русского национального характера и используя легко узнаваемый терминологический аппарат этногенетического подхода Л. Гумилева, автор переходит к описанию современной ситуации в России, причем в этом описании присутствует модель столкновения культур, фигурирует Запад, обладающий такими же проблемами – предвестниками войны цивилизаций. Однако транслируемые идеи облекаются в наукообразную форму и подаются как непреложные истины: *«А непосредственное соприкосновение социальных групп с совершенно различным антропологическим и культурным потенциалом – формально вроде бы равноправных, но зачастую не имеющих возможности это равноправие реализовать, – не могло не вызвать межэтнические конфликты, которые ныне сотрясают развитые западные страны, грозя перерасти в войну цивилизаций»*⁵⁵. Читателю уже не приходится домысливать, что понимается под местным, коренным населением и мигрантами: в этой статье все называется своими именами, собраны все приемы, которые можно встретить в публикациях, посвященных событиям в Кондопоге. Мы-группа приобретает конкретные очертания: абстрактное «местное население» заменяется «русскими», «русским народом», «русской нацией», проживающей на территории «русской цивилизации», «русских регионов», «русских земель». Угроза Мы-группе прописана более явно и

⁵⁵ Сунягин Герман. Русские дилеммы // СПВ. 2006. 10 октября.

исходит она от «переселенцев», «инородческой экспансии», «инородцев». «Пустеющие городки и поселки в русской провинции (или целые виды деятельности в крупных городах) превращаются в сплоченные национальные анклавы, пользующиеся всеми преимуществами полноценного гражданского статуса, но по существу живущие по привезенным извне собственным законам, избавляющим при случае от необходимости следовать российским законам и нравственным нормам».

Границы группы Другие также очерчены более четко. Становится очевидным, что под «мигрантами» подразумеваются не только иностранцы, но и граждане России, а разделение на «Мы – Другие» происходит по этническому признаку. Ученый прямо возражает против размытого концепта «россияне», в который включаются все граждане страны. Такой подход, на его взгляд, несет в себе угрозу для русского народа. В качестве доказательств приводятся ситуации в других странах, в первую очередь западных.

Идеология, транслируемая посредством этой статьи, имеет характеристики расизма – в том понимании, которое распространено в социальных науках. Согласно Роберту Майлзу и Малколму Брауну, идеология расизма обладает двумя отличительными чертами. Во-первых, группы представляются от природы различными по биологическими или соматическим признакам и имеющими неизменное происхождение и статус, а во-вторых, одна из этих групп обладает негативными характеристиками (культурными или биологическими), или общение с этой группой имеет негативные последствия для других групп⁵⁶. В статье Сунягина присутствуют обе характеристики: этнические группы обладают биологическими свойствами (например, их специфические антропологические черты, исходные качества и различный статус и т.п.), прописаны негативные характеристики «инородцев», а также исходящая от них угроза (например, инородческая экспансия, которая приводит к сокращению ареала русской культуры). Более того, автор недвусмысленно призывает к этнической дискриминации, предлагая ограничить въезд в РФ и ее регионы по этническому признаку. *«Если ограничить приток инородцев в русские регионы и лишить их права селиться там, где им хочется, то это означает поставить под удар равноправие россиян, а значит, и единство России. Если же смириться с этим процессом, значит, смириться и с начавшимся сокращением ареала русской культуры и далее с изменением этнического облика того, что мы все еще мыслим сейчас под словом Россия. Так что же нам дороже?»*⁵⁷ Оставляя де-юре вопрос от-

⁵⁶ Майлз Роберт, Браун Малколм. Расизм. М.: Росспен, 2004.

⁵⁷ Сунягин Г. Указ. соч.

крытым, автор де-факто на протяжении всей статьи подводит читателя к «правильному» ответу.

В НВ, в отличие от СПВ, спектр мнений представлен более широко, иногда даже полемично в отношении некоторых аспектов выстраиваемой в обеих газетах идеологии. И все же постепенно происходит артикулирование генеральной линии подачи материала, которая уже не содержит противоречий: Другие – мигранты, преимущественно с Кавказа, включая, по всей видимости, и российский Кавказ. Границы «Мы – Другие» прописываются с помощью региональных, этнических и культурных категорий, которые могут подразумевать связь с противоправным поведением и сами по себе могут выступать в качестве негативной информации. Степень опасности для Мы-группы прямо пропорциональна количеству представителей группы Другие, проживающих компактно. Различия между представителями групп Мы и Другие неизбежно приводят к конфликтам, который можно преодолеть несколькими путями – посредством либо частичной или полной ассимиляции членов Другие-группы, либо изоляцией представителей Другие-группы от Мы-группы, что можно обеспечить ужесточением миграционного законодательства. Легитимация подобных действий обеспечивается в этих изданиях посредством апелляции к Западу, который прописан, как, с одной стороны, обладающий сходными «проблемами», так, с другой стороны, использующий жесткое миграционное законодательство, направленное в первую очередь на защиту «коренного населения». Другой способ легитимации – апелляция к экспертным источникам или принадлежность автора материала к сообществу экспертов. В последнем случае интолерантность материала может достигать крайней степени и содержать призывы к дискриминации.

* * *

Проправительственные издания формируют и воспроизводят представления о стране, нации, мире, описывают систему взаимоотношений между группами, которые являются частью национального сообщества – Мы-группы и прописывают критерии принадлежности к Мы-группе и Другие-группе, члены которой по каким-то особенностям отличаются от «нас». Но полагать, что идеология власти является статичной, сформированной, неизменной, а пресса как основной инструмент формирования общественного мнения выступает только в роли транслятора этого сформированного набора убеждений и идей, – это серьезное упрощение. Процесс гораздо более сложный, причем как на

уровне идеологии, которая обусловлена особенностями политической и, даже шире, социально-исторической ситуации и спецификой агентов политического влияния, а следовательно, не является статичной, так и на уровне конкретных изданий, которые, оставаясь важными агентами влияния, неизбежно вносят в процесс свою специфику.

Наше исследование продемонстрировало трансформацию транслируемой системы убеждений. Эта трансформация происходит за счет определенных социально-политических событий в контексте постепенной монополизации СМИ. Рассмотрение в качестве основных временных срезов убийство Хуршеды Султоновой и события в Кондопоге выявило, что степень толерантности материалов при освещении событий, требующих особой корректности изложения, заметно изменилась: все больше символических и социальных групп включается в сообщество Другие, меняются стратегии описания этого сообщества в сторону более четкого описания групповых границ, предлагаются более нетолерантные образцы поведения и сама система отношений с членами этого сообщества.

Претерпело изменения понимание толерантности и путей его реализации. До событий в Кондопоге анализируемые издания можно охарактеризовать как преимущественно толерантные. Как было показано, характерным для статей, посвященных убийству таджикской девочки, являлось преподнесение толерантности в качестве неотъемлемой черты россиян, проживающих в исторически многонациональной России. Многонациональность и толерантность описывались как важные характеристики Мы-группы, а те, кто не хотел или не был в состоянии разделить эти и другие ценности Мы-группы, оставались за ее социальными границами. В статьях после событий в Кондопоге образы групп Мы и Другие все чаще выстраиваются через категорию однородной культуры, которая имеет скрытую или явную этническую коннотацию. Многонациональность постепенно заменяется культурной однородностью, а в контексте анти-грузинской кампании и обсуждения нового миграционного постановления на первый план все чаще выходит явная этническая однородность. На первый план в освещении природы этнических конфликтов выходит «нерешенная проблема с миграцией». На фоне Кондопоги решение этой проблемы дискриминационными способами представляется как само собой разумеющееся, что влечет за собой и возможность публикации материалов, которые воспроизводят расистский дискурс.

После Кондопоги в проправительственных печатных изданиях указания на этническую принадлежность в негативном контексте начинают появляться гораздо чаще, тогда как ранее этничность встречалась в основном в контексте многонациональности. События в основном объ-

ясняются через призму этнических категорий и обобщений, а в качестве обоснования зачастую используется теория «столкновения цивилизаций» Хантингтона. Реализация толерантности после Кондопоги нередко преподносится уже не как «процветание в различии», а как возможность спокойно развиваться внутри отдельных групп, причем нередко жестко разделенных по этническому принципу и миграционному статусу. Учитывая проблематичность конструирования концепта «россияне», в категорию исключения попадают и граждане России, которым, по сути, отказывается в гражданстве ввиду их этнической идентификации или фенотипических характеристик⁵⁸.

Пресса становится более интолерантной, образы Других прописываются более четко, меняются стратегии подачи материала. Если при описании убийств на национальной почве в основном использовались стратегии умалчивания этнических или расистских основ проблемы или перевода ее в другую социальную сферу, преимущественно в сферу образования и воспитания, то после случившегося в Кондопоге все больше заявляет о себе противоположная тенденция: перевода социальных проблем миграции в этническое или культурное объяснительное поле.

Очевидно, что нельзя рассматривать прессу как основной инструмент формирования общественного мнения — это упрощение, процесс гораздо сложнее. Соответственно, повышение толерантности в обществе — результат действия не только СМИ, но и других институтов (хотя, возможно, СМИ и представляются одним из самых действенных, прежде всего в силу охвата аудитории). Тем не менее, анализ печатных изданий позволяет проследить, каким трансформациям подлежит сама идеология, как меняется риторика в ответ на разные события.

Как именно можно использовать потенциал СМИ для преодоления негативных установок и ксенофобских настроений — это вопрос, требующий глубокого теоретического осмысления и практической реализации. Однако при описании или освещении тех или иных событий не стоит забывать о том, что толерантность как общественное явление определяется не только желанием и верой в добрую волю друг друга. В качестве необходимого фундамента для ее закрепления в обществе должны присутствовать институциональные гарантии защиты от проявлений нетерпимости, в том числе и продуцируемые через СМИ.

⁵⁸ В последнее время отрицание гражданства по этническому принципу выделяется экспертами в отдельный вид языка вражды, который получил название «отрицание гражданства» — то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации.

В обществе всегда будут присутствовать Другие, поскольку это неотъемлемое условие формирования собственного «Я», собственной идентификации того или иного сообщества. *«Интеграция и исключение, — указывает Ивэр Нойманн, — две стороны одной медали, поэтому вопрос ... не в самом факте исключения, но в том, КАК оно происходит»*⁵⁹. Именно в силу этого крайне важно быть аккуратным в говорении о Другом и конструировании Другого. Терпимость, не говоря уже о толерантности — явление достаточно хрупкое, она быстро исчезает, стоит лишь Другим показаться опасными или стоит только изобразить их таковыми. Поэтому внимание к тому, как представлены Другие, способно помочь нам жить в различии, а также содействовать тому, чтобы некоторые из нас не пострадали, оказавшись Другими.

⁵⁹ Нойманн Ивэр. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 69–70.

Алексей Кочергин

Язык вражды как следствие секьюритизации этничности (случай Краснодарского края)

Анализируя проблему функционирования этнического дискурса в России и такого его проявления, как язык вражды, мало кто обходится без упоминания ситуации в Краснодарском крае. В новейший российский период за краем закрепилась репутация региона, где ксенофобия и разного вида нетерпимость носят массовый характер и не встречают активного противодействия ни со стороны властей, ни со стороны широких кругов общественности, скорее даже наоборот. Краснодарские губернаторы многим известны лишь как политики, не стеснявшиеся допускать расистские высказывания в своих публичных выступлениях и проводить дискриминационную политику в отношении меньшинств в управляемом ими крае.

Ведущие СМИ региона находятся под фактическим контролем администрации и в целом реализуют ту информационную политику, которая властями считается целесообразной. Поэтому вполне закономерно, что исследования по мониторингу языка вражды в СМИ, проводившиеся в России на рубеже 1990–2000-х годов, непременно выводили краснодарские издания в число лидеров по частоте его использования¹.

Такое положение вещей получает объяснение, если рассматривать его в контексте тех политик идентичности, которые реализуются в данном регионе основными местными политическими и культурными акторами. Манифестируемые в настоящее время идентификационные стратегии начали формироваться в крае еще в позднесоветский период. В их основу уже тогда были положены концепции подчеркивания самобытности, самостоятельности и превосходства кубанского сообщества.

Социальный кризис, проявившийся в деградации социалистической системы и распаде СССР, ознаменовался и кризисом идентичности членов советского общества. Одновременно была актуализирована этнич-

ность как продуктивный идентификационный маркер. К тому времени в социальных представлениях советских людей утвердился этноцентризм, то есть мышление, «*базисной категорией которого и исходным пунктом при объяснении социальной реальности в котором выступает понятие этноса*»², который послужил для элит, стремившихся сохранить свою власть, эффективным инструментом мобилизации масс.

Доминирующее в таком дискурсе примордиалистское понимание этничности базируется на территориализации этнического (то есть установлении существенной связи между этническим сообществом и занимаемой его членами территорией), представлении об унификации культуры, языка и психики в рамках выделяемых сообществ и временной устойчивости этих характеристик, реификации (объективации, овеществления) или натурализации этнических различий и гипостазировании самого определяемого понятия (чрезмерном расширении его рамок, попытке его универсализации)³. Тем самым общество рассматривается как сумма «наций», «этносов», «национальных общин», которые представляют собой своего рода корпоративные личности со своей внутренней структурой, интересами, способностью предпринимать осознанные действия и т.п. Соответственно, этнические группы выступают как субъекты общественных отношений, которые находятся между собой в состоянии вражды или сотрудничества. При таком взгляде на мир развитие групповой солидарности за счет противопоставления «другого», восприятия внешних акторов как «чужих» не требует больших ресурсных затрат и длительных интеллектуальных усилий, политический процесс сводится на инстинктивный уровень, на котором основной потребностью становится ощущение безопасности.

Краеугольным камнем данной теории этноса является признание органической связи между этнической (культурной) общностью и территорией ее проживания или происхождения. Тем самым за каждой группой закрепляется ее «историческая родина» или «этническая территория». На «своей» территории человек может рассчитывать на определенные преференции, появление на «чужой» территории вызывает встревоженность и ограничение возможностей. В такой этнонациональной парадигме лояльность государству и региональному сообществу уже начинает определяться не гражданством конкретного индивида, а его этнической

² Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных. СПб.: Алетейя, 2002. С. 11.

³ Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: «Привет», 2004. С. 18.

¹ См.: Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

принадлежностью. Таким образом, меньшинства предстают как потенциально нелояльное население, враждебное и несущее опасность.

Такая идеология превосходно вписывалась в планы представителей кубанской элиты по мобилизации местного населения и конструированию региональной идентичности. Свою моральную легитимацию получили активно продвигаемые в ее среде концепты «коренное население» и непосредственно связанный с ним «этнодемографический баланс», сохранение которого рассматривается как основной интерес жителей края.

Под коренным, старожильческим, местным населением как бы сама собой подразумевается та этническая номенклатура, которая сложилась в регионе в позднесоветский период. То есть предполагается, что к 1980-м годам на территории края сформировалось единое этнокультурное пространство, понимаемое как застывшая структура с конечным числом элементов-этносов, определенной их численностью и соотношением. Доминирование при этом закрепляется за так называемым восточнославянским населением, среди которого в качестве «государствообразующих» выделяются русские, а из тех, в свою очередь — кубанские казаки. Такая ситуация постулируется как должный социальный порядок, изменения в котором должны неизбежно обернуться крахом всего общества.

Эти идеи даже были закреплены на законодательном уровне. Так, п. 1 ст. 2 Устава Краснодарского края до сих пор гласит, что край «является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения края». Поэтому не только качественные (появление представителей новых этнических групп), но и количественные изменения «этнодемографического баланса» характеризуются исключительно в катастрофическом духе, как основная угроза для жителей края.

Результатом такой интерпретации становится секьюритизация этничности. Под секьюритизацией понимается артикуляция проблемы в контексте проблем безопасности. Если какая-то проблема секьюритизируется (включается в дискурс безопасности), то ей приписывается наивысший приоритет, статус экзистенциальной угрозы, требующей чрезвычайных мер противодействия⁴. Применительно к этничности это означает, что иная, отличная от доминирующей, этничность рассматривается как враждебная и несущая опасность. Любая активность представителей таких меньшинств характеризуется как нарушающая существующий порядок и покушающаяся на сами устои государства.

⁴ См.: Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, L.: Lynnie Rienner, 1998.

Отсюда делается вывод, что единственно правильной в этой ситуации будет репрессивная политика, жесткий административный контроль и ограничение возможностей жизнедеятельности этнически иных. Использование языка вражды в таком случае уже не воспринимается как дурной тон, а рассматривается как вполне адекватный в данных обстоятельствах способ повествования.

Медиа как важный идеологический инструмент никогда не игнорировались краснодарской элитой. При этом «доминирующей моделью кубанской прессы является авторитарная, предполагающая поддержку и проведение прессой политики действующей власти в условиях преобладания частной собственности на СМИ»⁵. На практике это проявляется в высокой степени влияния власти на содержание публикаций, особенно тех, в которых затрагиваются значимые для нее вопросы. Этническая проблематика как раз относится к таким вопросам, так что она не скоро еще сможет стать полем вольного журналистского творчества. Анализируя репрезентацию этничности в краснодарской прессе, мы должны помнить, что вектор этой репрезентации задается интересами местной элиты и продвигаемой ею политикой идентичностей.

Но эта политика не является статичной, как и сами идентичности формируются динамически. Не прекращается борьба за смещение акцентов на те составляющие идентичностей, которые лучше способны в данный момент поддерживать мобилизационный потенциал и консолидировать общество. Соответственно, продолжается разработка и презентация идеологием, наиболее приемлемых для группировок, находящихся у власти. Языковые средства манифестации идентичности также обладают определенной динамикой. Это иллюстрирует и практика использования языка вражды в краснодарских СМИ. С середины 2000-х годов интенсивность прямых проявлений этнической нетерпимости в прессе существенно уменьшается, изменяется основной ее объект: в этом качестве теперь выступает «незаконный мигрант».

Объяснение этому я вижу прежде всего в смене поколений краевой элиты. Предыдущее поколение, властвовавшее в 1990-е годы, которое представлял губернатор Николай Кондратенко, во многом еще оставалось детищем советской идеологии. Ксенофобия и антисемитизм сочетались у него с коммунистическими идеями классовой борьбы и антирыночными установками. Культивирование кубанского эгоцентризма должно было

⁵ Савва М.В., Савва Е.В. Пресса, власть и этнический конфликт (Взаимосвязь на примере Краснодарского края). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. С. 19.

способствовать удержанию властных позиций местной элитой в период наступления капитализма — причем агенты капитализма были чужими не только на идейном уровне, но и в плане территориальном, ибо относились к иным сообществам, были выходцами из других регионов (прежде всего «москвичи») и стран, а также представляли транснациональные корпорации. Аграрный характер экономики края практически не оставлял местным акторам никаких шансов удержать свои позиции в свободной конкурентной борьбе без обращения к охранительной идеологии, на основе которой и было мобилизовано население.

Нынешняя элита во главе с Александром Ткачевым поначалу еще более интенсивно манифестировала те же идеологемы. Однако экономические цели ее были прямо противоположны: реализуя интересы крупного капитала, как российского, так и иностранного, удержаться во власти и обеспечить свое благополучие. Не имея твердых политических взглядов (о чем свидетельствуют шараханья из одной партии в другую), новые представители краевой власти могли применять сугубо инструментальный подход к культивируемым идеологиям. Прежде всего, для реализации своих целей им необходимо было отказаться от коммунистической составляющей властного дискурса и от ее сторонников во властных структурах. Иллюстрацией этого процесса стал конфликт с краснодарским главой Николаем Призом и его ближайшим окружением, который закончился для последнего судом и лишением должностей. Возникла также необходимость дистанцироваться от этноксенофобской риторики, негативно влиявшей на внешний имидж региона.

В то же время переход от использования этнических номинаций к социальной категории «мигрант» повлиял на концептуальное содержание дискурса незначительно. Более того, он придал ему еще большую моральную легитимацию, ибо из статуса экстремистски-маргинального перевел в разряд политического мейнстрима. Дебатирование именно миграционной проблематики в контексте безопасности созвучно не только политике федерального центра, но, что даже важнее для краснодарских элит, приемлемо для иностранных инвесторов, в первую очередь европейских. *«В последнее десятилетие в Европе преобладает «секьюритизированный» (securitized) подход к миграционным потокам: достаточно напомнить, что, согласно Шенгенскому соглашению и Дублинской конвенции, беженцы и перемещённые лица упоминаются в том же проблемном ряду, что наркотрафик, преступность и терроризм»*⁶.

⁶ Макарычев А.С. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион // Мегарегион. 2003 (http://megaregion.narod.ru/articles_text_2.htm).

Артикулируемое сужение дискурса к теме миграции произошло быстро, без особых интеллектуальных усилий и без потери его мобилизационного потенциала во многом потому, что миграция воспринимается большинством населения исключительно как иноэтническая. Это стало для россиян чем-то вроде фонового знания, устоявшимся коннотативным значением термина. Поэтому нет нужды постоянно обращаться к этническим номинациям, чтобы поддерживать соответствующий этнический негативизм. В статье достаточно одной фразы (например, «нелегалы из Таджикистана»), чтобы читатель статьи рассматривал описываемую в ней ситуацию в контексте этнического дискурса.

Перенос фокуса дискурса на миграцию способствовал лишь его интенсификации в направлении секьюритизации. Проявляется это в том, что абсолютное большинство газетных материалов представляет миграцию именно как нелегальную, вызывая тем самым у читателей установки, относящиеся к сфере правосознания и обеспокоенности безопасностью. Практически все случаи депортации из края иностранных граждан за нарушение режима пребывания освещаются в прессе. А поскольку происходят они чуть ли не каждую неделю, то и информационные сообщения о них стали постоянным местом. Уже сами заголовки большинства публикаций на миграционную тему, например «Миграция — по закону»⁷, артикулируют их восприятие исключительно в сфере правопорядка.

Другим значимым механизмом секьюритизации миграции служит то, что основным субъектом этого дискурса (главенствующим экспертом) выступают представители силовых структур. Их точка зрения неизменно присутствует в материалах, посвященных теме миграции. Не упускают случая актуализировать миграционную проблематику в контексте своей деятельности и сами силовики, когда им предоставляется возможность рассказать со страниц прессы о своей работе. Так, начальник управления ФСБ по Краснодарскому краю на пресс-конференции по итогам года как бы невзначай отметил, что *«проникновению на Кубань агентов иностранных спецслужб способствуют возрастающие миграционные потоки»*⁸. Показательно, что именно сотрудники правоохранительных органов демонстрируют самую жесткую позицию по отношению к мигрантам, зачастую переходя на язык вражды. Например, «Комсомольская правда — Кубань» опубликовала мнения читателей о решении российских властей запретить иностранцам трудиться в

⁷ Миграция — по закону // Кубанские новости . 2006. 14 июля.

⁸ Владимир Молчанов: «Кубань — особый край. В том числе и для ФСБ» // Вольная Кубань. 2006. 20 декабря.

розничной торговле⁹. Большинство опрошенных продемонстрировали относительно добродушное отношение к иностранцам. В частности, *«Сергей Волков, директор предприятия: “Непонятно, почему людей с регистрацией, пусть и временной, лишают права легально заработать. У них же есть все документы! А потом власти удивляются, почему приезжие враждуют с русскими”»*. А вот правоохранители выступили крайне нетерпимо: *«Михаил, работник миграционной службы: “По самым скромным оценкам налоговой и миграционной служб, бюджет страны каждый год теряет 200–300 миллиардов рублей. Из-за мигрантов, не заплативших налоги”»*. Или: *«Максим Коновалов, милиционер: “От временно регистрирующихся мигрантов надо избавляться. Сначала они берутся за самую низкооплачиваемую работу. Потом их обманывают работодатели. Денег, чтобы вернуться, нет, жилья тоже. И они начинают торговать наркотиками, грабить, убивать, организовывать общины, подкупать чиновников. Нашей стране это не нужно”»*.

Влиятельным автором миграционного дискурса в крае, в том числе и в прессе, продолжают оставаться главы властных органов, и в первую очередь губернатор Ткачев. В его публичной риторике за последние пару лет исчезли радикально ксенофобские высказывания, но общее отношение нетерпимости продолжает доминировать. Частота обращений губернатора к мигрантской проблематике снизилась, что должно означать успехи в ее решении, однако десекуритизировать ее он не стремится. Если уж заходит речь о мигрантах, то характеризуются они главным образом как покушающиеся на безопасность региона. В частности, на совещании с руководителями силовых структур края, посвященном борьбе с коррупцией на рынках и устроенном после соответствующего выступления президента Путина, Ткачев, говоря о мигрантах, посчитал нужным отметить, что *«зачастую к нам едут не те, кто хочет работать, не квалифицированные кадры, а люди из криминальной среды. Они пытаются поставить под свой контроль наиболее доходные части экономики Кубани»*¹⁰.

В результате такой дискурсивной практики негативизм, утвердившийся в общественном мнении в отношении мигрантов, проявляет себя и в тех публикациях, целью которых является формирование позитивного восприятия ситуации. Даже наипервейшее дело и гордость губернаторской команды, а именно инициативы по привлечению иностранных инвестиций, в контексте миграционной проблемы нет-нет да и ставятся под сомнение. Так, «Известия—Кубань» в статье о

перспективах экономического сотрудничества Китая и Краснодарского края, опубликованной после визита в эту страну Ткачева, в качестве главной угрозы расширения китайского бизнеса на местном рынке выделили как раз возможный наплыв мигрантов¹¹. И представили их исключительно в уничижительном виде: *«Толпы неквалифицированных китайцев, готовых трудиться за похлебку, определенно приведут к социальному взрыву в любом российском регионе. Они отберут работу у многих наших сограждан. Опасность партнерства с Китаем заведомо в этом»*. Решение вопроса видится автору статьи в проведении жесткой запретительной административной политики. Примечательно, что и миграцию из Китая он склонен рассматривать как результат сознательной политики его властей (и поэтому — легко регулируемый процесс): *«Надо понимать, что перемещение нелегалов из Китая в действительности вовсе не так хаотично, как нам представляется»*. Действия же краснодарских властей в этой сфере представляются как их достижение и заслуга: *«Обнадеживает эффективность миграционной политики в регионе. Несмотря на то, что население Кубани за прошедшие после распада СССР годы значительно выросло (на самом деле, исходя из данных переписей, увеличилось примерно на 10 % — А.К.), пропорционально его этнический состав мало изменился. В крае осели в подавляющем большинстве представители коренных, исконно проживающих в нем наций. Прочих же, чтобы не вызывать социальную напряженность, убедительно уговорили и уговаривают убраться восвояси»*.

Положительная характеристика миграционной политики, проводимой до сих пор краснодарскими властями и имевшей значительную дискриминационную составляющую, является лейтмотивом многих газетных публикаций, равно как навязывание мнения, что это и был единственно правильный путь. Действия же других региональных администраций, не носившие столь отчетливый запретительный характер и не сопровождавшиеся последовательными практиками преследования, позиционируются как способствовавшие нарастанию конфликтности и усилению угроз для безопасности. Так, «Кубань сегодня», цитируя начальника Управления ФМС РФ по Краснодарскому краю, отмечает, что *«сегодня благодаря четкой позиции администрации края мы находимся в более предпочтительной ситуации, чем Москва или Санкт-Петербург. Они упустили момент и, по большому счету, потеряли контроль над миграционными процессами, в том числе и на рынках. У нас иначе»*¹². Что имеется в виду, разъясняется следом: *«Ни один рынок в Краснодаре не находится под влиянием какой-то национальной группировки»*.

⁹ От временно регистрирующихся мигрантов надо избавляться // Комсомольская правда — Кубань. 2006. 22 ноября.

¹⁰ Схему наживы надо сломать // Вольная Кубань. 2006. 13 октября.

¹¹ Бахтий П. Китайцы идут // Известия — Кубань. 2006. 17 ноября.

¹² Аванесова М. Кто прячется в тени? // Кубань сегодня. 2006. 18 октября.

С переформатированием дискурса на акцентирование темы миграции подача собственно этнической проблематики на страницах краснодарских газет изменилась. В проведенных ранее исследованиях мы отмечали, что толерантную направленность имели только публикации, в которых речь шла о русских и «лицах славянской национальности», а при обращении к другим этническим группам текст принимал ксенофобский характер¹³. Сейчас же модус статей стал более нейтральным. Например, с 2006 года издается ежемесячное приложение к газете «Краснодарские известия» – «Дом ста народов»: в нем рассказывается об истории, традициях и обычаях народов, о сегодняшней жизни национальных общин, населяющих город.

Однако сдвиг в сторону политкорректности не отменяет доминирующего подхода секьюритизации этничности. Неизменно используемым механизмом для этого является стигматизация определенных этнических групп в контексте угроз безопасности. Весь новейший российский период в краснодарском случае в качестве такового объекта неприятия выступали турки-месхетинцы. Начавшаяся с 2004 года и к настоящему времени (январь 2007 года) уже почти закончившаяся программа правительства США по добровольному их переселению из Краснодарского края как беженцев лишила актуальности такие действия прессы. Эта программа преподносилась в качестве победы краевой администрации, как позитивное решение турецкого вопроса. Немногочисленные за последние два года газетные материалы, в фокусе которых оказывались турки-месхетинцы, по преимуществу носили характер информационных сообщений о ходе реализации программы переселения. Выдержанные в целом в нейтральном тоне, они и в изменившихся обстоятельствах все же не обходились без обращения к языку вражды. Так, в газете «Кубань сегодня» такие сообщения, следовавшие друг за другом, имели заголовки «В России не прижились»¹⁴ и «На Кубани не прижились»¹⁵. Заголовок текста СМИ является доминантой, репрезентирующей основную идею сообщения¹⁶, так что можно констатировать, что турки-месхетинцы так и остались для краснодарской прессы «чужими».

¹³ Колесов В.И., Кочергин А.А. Дискурс этничности в краснодарской прессе (результаты пилотажного исследования) // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 4 (ноябрь 2003 г.). С. 14.

¹⁴ Кубань сегодня. 2005. 26 августа.

¹⁵ Кубань сегодня. 2005. 11 ноября.

¹⁶ См.: Калюта А.М. Заголовок как индикатор речевого поведения // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. 2000. С. 157–163.

Другой этнической группой, в отношении которой в местных СМИ распространен дискриминационный дискурс, являются цыгане. В ходе исследования этого вопроса были проанализированы три газеты краевого значения («Кубанские новости», «Вольная Кубань», «Кубань сегодня») и одна – городского («Краснодарские известия») за 2005 год и январь-июль 2006 года. В результате было выявлено 28 статей, где содержались упоминания о цыганах. Их анализ показал, что 19 публикаций носят негативную эмоциональную окраску, 5 – нейтральную, 4 – положительную¹⁷.

В статьях последних двух типов упоминание цыган встречается при перечислении народов, участвовавших в тех или иных концертных программах и фестивалях, названий танцев или ансамблей, то есть когда речь идет о фольклоре и цыгане являются одним из многих персонажей публикации. В случае же, если материал сфокусирован именно на них, направленность негативная.

Репрезентация цыган в краснодарских СМИ по преимуществу происходит в рамках криминализации этничности. Типичным примером манифестации таких представлений может служить статья в газете «Вольная Кубань» от 2 марта 2005 г.¹⁸, само название которой уже показывает направленность публикации – «На острие цыганской иглы».

Первые ее предложения гласят: *«Наркобизнес легко и незаметно сделался семейным промыслом цыган. Это настоящая проблема для городов и районов Кубани»*. Таким образом, с начальных строк отчетливо проявляется порядок дискурса и те основные механизмы, посредством которого он выстраивается. Во-первых, это изначальное определение модуса текста, однозначная категоризация дебатированной темы с первых же предложений, не позволяющая никакой другой перспективе проявить себя. Во-вторых, осуществляется генерализация объекта повествования, то есть выделяемая категория людей рассматривается как целостность и коллективный субъект, а практики, характерные для некоторых ее представителей, распространяются на всех и становятся маркерами утверждаемой общности. Этот широко применяемый риторический ход, который по своей сути не требует аргументирования, особенно эффективен в практикуемом в России дискурсе этничности, поскольку по-иному этнические общности в нем, как уже отмечалось, и не мыслятся.

¹⁷ Катаниди Т.Н. Образ цыганского этноса в кубанских печатных изданиях // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006 гг. Материалы краевой науч.-практ. конференции, Адлер, 7–11 октября 2006 г. Краснодар, 2006. С. 109.

¹⁸ Еременко О. На острие цыганской иглы // Вольная Кубань. 2005. 2 марта.

Основной текст статьи представляет собой рассказ о конкретных примерах преступных деяний наркоторговцев и попытку анализа организации этого криминального бизнеса. При этом этнический фактор не только не отходит на задний план, но постоянно актуализируется и предстает как основополагающий элемент объяснительной модели. Фактически читателю навязывается идея, что конкретная этническая принадлежность программирует человека на делинквентные деяния и от представителя такой этнической культуры другого поведения ждать не приходится.

Достигается подобный эффект посредством нескольких дискурсивных действий, которые вполне можно классифицировать как проявление языка вражды. Прежде всего, активно проводится мысль, что наркоторговля является извечным бизнесом цыган, им они занимаются с малолетства и иных жизненных путей у них нет. Подчеркивается, что для них это семейное дело, то есть процессы социализации имеют определенную направленность, а следовательно, данный промысел выступает как культурная норма для членов данной общности.

Другим способом подчеркивания культурной чуждости цыган является неоднократное постулирование клановости их социальной организации. Приписываемые цыганам тесные семейно-родственные связи не только не рассматриваются как добродетель, но как раз наоборот, без всяких оговорок отождествляются с уголовными бандами. *«Отлаженная кланово-родовая система представляет собой почти идеальную, защищенную от агентурной работы и оперативных мероприятий структуру. Организованные и умеющие дойти до каждого клиента цыганские нарко-группировки заняли видное место среди этнических преступных групп»*. В пространственном срезе клановость предстает в виде образованных ими территориальных анклавов, где общество теряет свои механизмы воздействия на ситуацию, а окружающее население, соответственно, не защищено от произвола. *«Обычно цыгане живут целыми кварталами в собственных частных домах. Такая кучность дает им еще одну гарантию безопасности от наркополиции»*. Окончательно негативное значение якобы характерные для цыган формы социальной организации получают посредством утверждения присутствующей внутри их аморальности, что должно показать порочность и нравственное разложение представителей этой этнической общности: *«Они редко выдают друг друга. Если это все же происходит, то лишь между конкурентами — представителями разных кланов»*.

Дебатирование аморального облика цыган, таким образом, служит одним из дискурсивных способов их репрезентации. *«Несмотря на то что “королем” всех дел является именно муж, практическая деятельность,*

в том числе и переговоры о доставке, полностью лежат на женщине. При этом почти вся мужская половина активно пользуется своим же товаром. Однако наркотическое разложение в собственных семьях ничуть не препятствует семейному бизнесу». Этим пассажем моральная деградация цыган абсолютизируется всецело: здесь и растление других, и собственное разложение, и эксплуатация женщин к тому же.

В рассматриваемой статье рассказ о цыганах-мигрантах является самостоятельной, но аналогичной по содержанию сюжетной линией. *«Торговля белой смертью — основной бизнес как местных, так и гастролеров, путешествующих с кучей детей по югу России между Ростовом, Ставрополем и Краснодаром»*. Единственная цель приезжих видится в наркоторговле, чему и подчинена вся их жизнь. Представляемый образ цыганского мигранта по преимуществу подобен характеристикам злодея из сказок: хитрый, коварный, осторожный, искуситель, обладающий значительными ресурсами, слабо уязвимый. К тому же еще и скрывающий свою личину. *«Живут цыгане под вымышленными именами, а свои настоящие документы хранят в тайниках. Из-за этого возникают большие трудности при установлении личности»*.

Соответственно, как единственный путь решения поднимаемой проблемы провозглашается мобилизация всех сил и ресурсов общества, личное участие каждого жителя края в этой борьбе. Конкретно требуемые действия не расписываются, но их подсказывает читателю его повседневное знание: это депортации, жесткий административный контроль и все то, что юристы называют дискриминацией и нарушением прав человека.

Этнический дискурс актуализируется в краснодарской прессе также в ситуациях обострения межгосударственных отношений России с другими странами, которые сопровождаются соответствующими медиа-кампаниями. Наглядной иллюстрацией этому стала недавняя конфронтация с Грузией. До этого грузины были крайне редкими персонажами газетных публикаций с этнической проблематикой, и язык вражды в отношении их не был распространен. Но возникший политический заказ на нагнетание антигрузинских настроений сразу же нашел своих исполнителей в журналистском корпусе — и грузины вдруг стали на страницах газет «серьезной» проблемой для жителей края. Характерной особенностью таких публикаций является то, что автор-журналист стремится не давать негативных оценок от своего лица, позиционируя себя лишь как ретранслятора общественных настроений и экспертных заключений.

Как образец можно рассматривать статью «Генацвале, кто возьмет нашу боль на себя?..» в газете «Кубанские новости» от 25 октября

2006 г.¹⁹ Написанная в жанре репортажа о поездке в станицу, где проживают грузины, она отчетливо делится на две части. В первой части повествование идет об истории заселения грузинами данного района, формах их жизнедеятельности и о тех трудностях, с которыми им приходится сталкиваться. Красной нитью проходит мысль о том, что главной причиной проблем грузин является нелегальный статус многих из них. Много места в этой части статьи отводится словам самих грузин, рефрен которых заключается в том, что конфликтов на национальной почве в станице нет.

Вторая часть публикации представляет собой рассказ о проблемах, которые принесли грузины в жизнь местного сообщества. Здесь говорят уже только русские станичники. И их оценки прямо противоположны. У местного казачьего атамана беспокойство вызывает количественное соотношение русских и грузин в станице не в пользу первых, а также тревога за судьбу находящегося здесь железнодорожного узла: *«это все-таки стратегический объект»*. Учительница начальных классов считает, что *«местные грузины живут тихо до поры до времени. Нас они не любят»*. В качестве примеров нелюбви приводятся, со слов станичников, случаи потравы огородов и садов скотом, принадлежащим грузинам, его выпас на местном кладбище, загрязнение станичного озера отходами сырного производства.

Окончательный же диагноз и стратегия решения проблемы представлены в комментарии заместителя начальника управления по взаимодействию с общественными объединениями, религиозными организациями и мониторингу миграционных процессов администрации края В. Острожного. Критерием оценки ситуации здесь выступает все та же идея о нарушении «этнодемографического баланса». *«Грузины являются той этнической группой, которая за последнее десятилетие серьезно увеличила свою численность на территории Кубани. За период между переписями 1989-го и 2000 года она возросла на 70 процентов. По темпам роста грузинская община опережает, к примеру, армянскую, но, тем не менее, лидером не является. Этот прирост связан преимущественно с миграционным процессом... Миграционные процессы серьезно меняют исторически сложившееся население Кубани. Мы наблюдаем сокращение славянской его части на фоне роста других этнических групп»*. И необходимая государственная политика в этой сфере выдвигается все та же: борьба с нелегальной миграцией и депортации. *«Борьба с нелегальной*

¹⁹ Симкина Г. «Генацвале, кто возьмет нашу боль на себя?..» // Кубанские новости. 2006. 25 октября.

миграцией является приоритетной задачей администрации Краснодарского края. В текущем году по решению суда выдворено за пределы края порядка 1000 нелегалов. Наибольшее число выдворяемых — граждане Грузии и Армении... В отношении тех, кто рассматривает пребывание на нашей земле как способ извлечения прибыли, кто игнорирует требования закона, будут приниматься самые жесткие меры, вплоть до принудительного выдворения».

А журналист подводит черту: *«И если какой-то народ обрел здесь свою вторую родину, он должен уважать не только своих братьев по крови, но и широту русской души...»*

Приверженность российских властей к дебатированию этничности и миграции в контексте безопасности (и эту позицию СМИ не только демонстрируют, но и поддерживают), я склонен объяснять тем, что вопросы, которые относятся к категории «законности и порядка», можно очень эффективно «раскрутить» как проблемы, вызывающие обеспокоенность в обществе. Проводимые социологические опросы, отчеты о результатах которых охотно публикуют и краснодарские газеты, показывают встревоженность опрашиваемых условиями своей жизни. Около половины россиян считает, что самым важным для России является обеспечение безопасности и порядка, даже если это затрагивает права и свободы людей²⁰. Тем самым представление об окружающих человека угрозах воспроизводится на всех уровнях публичного дискурса, каждый из которых легитимирует другие.

Вокруг стремления к безопасности накапливается немало напряженности. А там, где есть напряженность, смысленные деятели, несомненно, обнаружат возможность заработать политический капитал. Краснодарские власти, реализуя политику защиты «находящейся под угрозой» кубанской идентичности, выглядят жесткими, сильными и решительными, а главное — создается впечатление, что они «что-то делают», причем делают они это в высокодраматичной, осязаемой и зримой, такой убедительной форме. И здесь эффективность проводимых карательных операций намного важнее, чем их эффективность, которая из-за вялого общественного внимания и недолгой общественной памяти вообще редко подвергается обсуждению.

Повсеместное обращение к дискурсу секьюритизации стало способом устранять определенные вопросы с политической арены. В этом

²⁰ Половина россиян считает: главное — безопасность // Вольная Кубань. 2006. 8 сентября.

языке безопасности происходит затушевывание властных и конфликтных отношений. Индивидуальные действия вычлняются из более широкого социального контекста и перемещаются в рамки рисков, то есть чего-то объективного, не зависящего от общества и не требующего политических дебатов. *«Возникают новые формы управления риском, подразумевающие применение “профилей риска” к набору человеческих взаимоотношений, институций и даже географических мест вместо попытки управления или трансформации индивидуального поведения»*²¹. Это упор на управление риском на уровне населения, а не личностей. Пагубными последствиями таких практик становится не только умаление гражданских свобод, но и подрыв оснований и принципов господства права, отказ от демократического управления. В перспективе культивирование обеспокоенности безопасностью приведет, как мне представляется, к всеобщему кризису российской государственности и поставит под вопрос само ее существование.

Евгений Кислов

Язык вражды в Республике Бурятия

Интересно сравнить общероссийские тенденции языка вражды с тем, что происходит в средствах массовой информации Бурятии¹. Значительную территорию Бурятии (более 350 тыс. км²) населяет всего 980 тысяч человек. Это национальная республика: русские – 665,4 тысячи (67 %), буряты – 272,5 (27 %). Конфессиональная картина сложнее: большинство русских – православные, другие принадлежат к старообрядческим и древлеправославным конфессиям (местное название – «семейские»); большинство «восточных» бурят – буддисты, «западные» – поверхностно крещенные шаманисты.

Язык вражды обращен в основном против мигрантов и «нетрадиционных» конфессий (руководство Бурятии официально требует закрепить преимущество «традиционных» конфессий на законодательном уровне), а также американцев. Антимигрантская ксенофобия проявляется по преимуществу по отношению к выходцам с Кавказа и Средней Азии, цыганам и китайцам.

Мэр Улан-Удэ Геннадий Айдаев в интервью журналу «Босс» заявил, что коренные жители уезжают в европейскую часть страны, а образовавшийся вакуум успешно заполняют китайцы, азербайджанцы и чеченцы, при этом численность азербайджанцев в городе достигло 20 тысяч². В прессе культивируется миф о засилье в Москве «кавказцев»³, в Москве и Иркутске – китайцев⁴. Дескать, ситуация в Бурятии из-за ее бедности еще не столь плачевная.

Бывший начальник управления МЧС РФ по Бурятии Вячеслав Эглит связывал с появлением мигрантов угрозу терроризма: *«Это связано, прежде всего, с большим количеством объектов, влияющих на безопасность населения, фактами возникновения террористических актов в России, при-*

¹ Предлагаемый обзор СМИ сделан на основе двухлетнего мониторинга, он не включает публикации осени 2006 года. – *Примеч. ред.*

² Айдаев стал «боссом» // Информполис. 205. № 1.

³ Иванова Н. «Опять крайние пенсионеры...» // Прайм-ТВ. 2005. № 7.

⁴ «Медом, что ли, намазано в Москве? Почему так все сюда рвутся?» // Прайм-ТВ. 2005. № 29; «В Иркутске зафиксировано...» // Прайм-ТВ. 2005. № 29.

²¹ Джаясурия К. 11 сентября, безопасность и новая постлиберальная политика страха // Неприкосновенный запас. 2004. № 36. С. 4–18.

током в Бурятию беженцев и временных переселенцев из республик Северного Кавказа и государств Средней Азии»⁵.

Ксенофобскую риторику продемонстрировал в Улан-Удэ и иркутский писатель Валентин Распутин на презентации своей новой книги: «...на самом деле идет распродажа России, мы живем в оккупированной стране. Нравы чужие, культура чужая. Нецивилизованной страной, что ли, была Россия? Простите, пожалуйста, были лучшая культура, лучшая литература, лучшая нравственность... Все знают, что придут новые хозяева — не из наших, из других земель. И они уже подходят. Их становится все больше и больше. Мы, как можем, оттягивает этот миг, и не хотим даже говорить об этом, потому что неприятно говорить. Мы интернационалисты, знаете ли, и зачем же нам плохо отзываться о кавказцах, китайцах или о ком-то еще. Все любим друг друга и должны любить. И, тем не менее, подмена уже происходит, приходят новые хозяева, становятся на крепкие ноги, а завтра они будут еще крепче стоять, а потом и неизвестно, что будет...»⁶

Подчеркивается этнический характер преступных группировок. Например, офицеры, выступающие от имени МВД Бурятии, рассказывают только о группировках наркоторговцев, которые состоят из граждан Узбекистана и Кыргызстана⁷. Или в статье об убийстве подчеркивается, что убийца — единственный кореец среди всех персонажей⁸. Бурятия значительно опередила всю Россию в обнаружении грузинских истоков недобросовестного игорного бизнеса⁹. О цыганах постоянно публикуются материалы как о наркоторговцах¹⁰ и мошенниках, использующих гипноз¹¹.

Не остаются без внимания и выходцы из Средней Азии. Иногда претензии к ним довольно причудливы: например, киргизов обвиняют во

⁵ Намсараева С. К главной цели // Бурятия. 2005. 23 апреля.

⁶ Панфилова О. О нас, о себе и о судьбе России // Пятница плюс. 2005. № 23.

⁷ Гусак А., Виноградова Т. Наркотикам — надежный заслон // Правда Бурятии. 2004. № 19.

⁸ Ульянова Л. Двойное убийство в поселке Таежный // Номер один. 2005. № 44.

⁹ Родионов Д. Грузинский акцент «Алмазного двора» // МК в Бурятии. 2005. № 41.

¹⁰ Изъяты две тысячи доз героина // МК в Бурятии. 2005. № 21; «Бизнес» накрылся // Прайм-ТВ. 2005. № 18.

¹¹ Содномпилов Д. В Улан-Удэ активизировались мошенники // Номер один. 2004. № 49; Хамнуева Л. Задержана цыганка-мошенница // Информполис. 2005. № 37; Перевалова Т. Мошенницу задержали // Бурятия. 2005. 14 сентября; Жимбуева Т. Расплата по «труду». Как неграмотная божь дурачила доверчивых горожан // Молодежь Бурятии. 2006. № 4.

взяточничестве¹², но обычно их, как и китайцев, упоминают только как нелегальных иммигрантов¹³. Утверждается, что чеченцы захватили рынок посреднических услуг в топливно-энергетическом бизнесе¹⁴. Негативно подаются планы чеченцев построить в Улан-Удэ мечеть — с намеками на связь с ваххабитами¹⁵.

Националистические мотивы проявились и в травле православного священника Игоря Арзуманова, несправедливо обвиненного в насильственных действиях сексуального характера. «В одном материале теперь уже не существующей газеты, написанном, судя по почерку, умелым пиар-технологом, сначала отмечено, что отец Игорь — уроженец Грозного, в жилах которого течет чеченская кровь. Затем особо, в рамочке (чтобы читатель не дай бог, не пропустил), крупным курсивом выделено: “Не исключено, что теперь Арзуманова следует искать среди банд родственников ему по крови чеченских бандформирований”. Последнее предложение повторяется в тексте дважды. То есть Игоря Арзуманова записали ни за что ни про что не только в насильники, но еще и в ряды чеченских бандформирований... В другом ныне здравствующем издании атаман казачьего войска по простоте душевной прямо “брякнул” в своем интервью: «Он (отец Игорь — Е.К.) осквернял наши храмы. Арзуманов родом из Грозного, чеченец по национальности. Я не даю гарантии, что он это делал без умысла, в то время, когда Россия ведет боевые действия с отдельными представителями этой народности. Скорее всего, делал все с умыслом, потому что в храме творить такие вещи нельзя. Священник насильствовал наших детей, и это общеизвестно. У нас чеченец насилует детей и находится выше закона»¹⁶.

¹² Пытаясь дать взятку, житель Киргизии утаил часть суммы // МК в Бурятии. 2004. № 35.

¹³ Депортация начинается // Центральная газета. 2004. № 35; Нелегалы // Прайм-ТВ. 2004. № 22; Торговцы без границ // Молодежь Бурятии. 2004. № 37; Наше гостеприимство не беспредельно // Прайм-ТВ. 2004. № 35; Намсараева С. Иностранец, будь законопослушен // Бурятия. 2004. 10 декабря; Киргизы-нелегалы высланы из Бурятии // Центральная газета. 2005. № 23.

¹⁴ Соколов В. Ссылаются на прочные связи в органах власти // Молодежь Бурятии. 2004. № 45; Дмитриев Б. Найти правильный подход к нужным людям // Молодежь Бурятии. 2005. № 5.

¹⁵ Гуляев В. Мечеть в Улан-Удэ: цель или повод? // Центральная газета. 2004. № 31; Сизов В. Какие проповеди будут читать в новой мечети? // Центральная газета. 2005. № 14; Соколов В. Тайна проповеди // Молодежь Бурятии. 2005. № 15.

¹⁶ Санжиев П. Кто «заказал» отца Игоря? Подлинная история самого скандального преследования священнослужителя в Бурятии // Номер один. 2004. № 35.

Китайцы также являются объектом ксенофобии. Культивируется мнение, что они занимают рабочие места¹⁷; впрочем, в этом обвиняют всех приезжих¹⁸: «...работодатели совсем достали. Платят китайцам по пятнадцать тысяч, а своим предлагают пять. Говорят, что китайцы работают с утра до вечера и не воруют. Но, если бы своим столько платили, они бы тоже перестали пить, воровать и вкалывали бы от зари до зари — был бы стимул»¹⁹. Экономические взаимоотношения с Китаем показываются односторонне: китайской стороне приписывается разорение местной промышленности дешевым ширпотребом и вывоз сырья за бесценок, включая высококриминальный бизнес, связанный с заготовкой леса или скупкой металлолома²⁰.

Публикуются прогнозы заселения Дальнего Востока и Забайкалья китайцами, причем наиболее тревожные материалы делаются со ссылками на приезжих экспертов²¹. А в фельетоне, посвященном въезду иммигрантов в республику по поддельным документам, читаем: «Так как новоприбывшие мигранты прежде учатся считать, чем говорить, то все богатство живого великорусского языка, творчески переработанное, укладывается им в поговорку: “Кто в лапу дает, тому Бог подает”. Даже если тебя схватят за руку. Взятки гладки»²².

Встречаются и более неожиданные по сюжету материалы. Утверждается, например, что «нанятые в сельском хозяйстве китайцы безнаказанно бросают в отвалы гуннского городища пустые банки из-под химических удобрений китайского производства и прочий мусор»²³, а выращиваемые ими овощи вредны для здоровья²⁴.

¹⁷ Фроленко С. Мигранты, которые кому-то мешают жить и работать // Центральная газета. 2004. № 45; Бадмаева Л. Латание дыр безработицы? // Правда Бурятии. 2004. № 49; Родионов Д. «Китайский подарок» // МК в Бурятии. 2004. № 51; Болотов С. Заграница нам «поможет». Гастарбайтеры постепенно вытесняют наших строителей // Молодежь Бурятии. 2005. № 10; Галданова А. Безработных много, а работать некому // Бурятия. 2005. 14 апреля.

¹⁸ Иностранцы обостряют ситуацию на рынке труда Бурятии // Центральная газета. 2006. № 16.

¹⁹ Вам что ближе: Пасха или Первомай // Молодежь Бурятии. 2005. № 17.

²⁰ Что делать с теми, кто грабит дачи, унося металл? // Молодежь Бурятии. 2005. № 4; Симухин А. Лес — китайцам, нам — пеньки // Пятница плюс. 2005. № 12; Панфилова О. Во всем виноваты китайцы, или заграница нам поможет? // Пятница плюс. 2005. № 24; Белобородов С. Топорная работа // МК в Бурятии. 2005. № 40.

²¹ Панфилова О. На одного россиянина приходится 63 тысячи китайцев // Пятница плюс. 2005. № 30; Цыдыпов В. Последние люди на севере // Молодежь Бурятии. 2005. № 30; Родионов Д. Новая Сибирь // МК в Бурятии. 2005. № 31.

²² Башкуев Г. На одно лицо // МК в Бурятии. 2006. № 13.

²³ Галин А. Все мы немножко гунны // Центральная газета. 2004. № 31.

²⁴ Якимов С. Куда пойдут наши рабочие? // Молодежь Бурятии. 2005. № 5.

Вообще, антимигрантские настроения распространены широко. Очень точно они представлены в опросе, проведенном газетой «Молодежь Бурятии»:

«М. Урбаева, домохозяйка:

— По-моему, в последнее время в Бурятии стало уж слишком много иностранцев. Конечно, ведь республика богата природными ресурсами, рядом Байкал. Народ у нас спокойный, доброжелательный. Вот иностранцы и приживаются здесь. Китайцы уже весь Дальний Восток к рукам прибрали и в Бурятии тоже хозяевами себя чувствуют. На рынке и нахамить могут, если попытаешься с ними торговаться. Разные миссионеры с Запада обращают людей в свою веру, тоже, значит, имеют виды на нашу землю. Правда, сами-то они здесь жить не будут, как китайцы, а найдут способ управлять нами через “своих” местных.

Н. Тыххишенова, предприниматель:

— Не так часто, но приходится все же бывать в Москве. Сразу скажу: отношение к приезжим там плохое. А после очередного взрыва в течение нескольких дней людям с неславянской внешностью передвигаться по городу весьма хлопотно. Я не говорю о милиционерах, которые проверяют документы, особенно у мужчин, через каждые двести метров. Отношение простых москвичей тоже нельзя назвать приветливым. Не знаю, смогла ли бы я переехать в Москву и жить там постоянно. Наши люди к приезжим относятся совсем по-другому. По-моему, у нас с “гостеприимством” даже какой-то перебор — все лучшие торговые места, лучшие помещения готовы уступить “гостям”. А свои остаются ни с чем...

Д. Кочетов, автомеханик:

— Ничего не имею против людей, которые приехали в наши края надолго и хотят устроить здесь свою судьбу. У меня двоюродная сестра вышла замуж за молдаванина, и они неплохо живут. А вот к “рабсиле”, кочующей за длинным рублем, отношусь отрицательно. У меня есть знакомые, которые месяцами не могут найти себе работу. А здесь посмотришь — одна бригада “шабашников”, там — другая... Ладно бы, российские граждане, а то кого только нет! И китайцы, и армяне, и азербайджанцы. Есть такая поговорка, как раз про мигрантов, наверное: украинцы живут на Украине, а хохлы там, где лучше.

С. Сивков, служащий:

— Насколько я знаю, во всем цивилизованном мире отношение к трудовой миграции спокойное. Такие “пожилые страны”, как Франция, Германия, во многом решают свои экономические проблемы за счет переселенцев. России с ее тяжелой демографической ситуацией просто необходимо поощрять прилив “свежей крови”. Проблема несколько в другом. Неприязненное отно-

шение к мигрантам в нашей республике вызвано тем, что некоторые из них ведут себя антисоциально, противопоставляют себя местным жителям. Не секрет ведь, что цыганская диаспора нередко занимается распространением наркотиков. Вот люди и реагируют соответственно...

А. Махеев, журналист:

– Я против того, чтобы к нам на работу в большом количестве приезжали китайцы. Я знаю многих шэнэженских бурят из Внутренней Монголии Китая, которые говорили мне, что там китайцы относятся к ним, монголам, эвенкам, как к людям второго сорта, при мне как-то китаец не захотел даже пожать руку эвенку из Внутренней Монголии. Даже на наших рынках многие китайцы, хозяева торговых точек, издеваются над своими продавцами. Китайцы, только когда их мало, такие милые и улыбочивые. Когда их будет много, они покажут свое истинное лицо.

И. Кушнаренко, преподаватель Российской академии государственной службы (г. Москва):

– Я не против того, чтобы китайцы или кто-то еще работали в нашем сельском хозяйстве. Выращивали капусту, картошку, морковь. Сейчас я искренне возмущен тем, что китайцы скупают у населения цветные металлы, лом, железо, охотятся за нашей пушниной, золотом, лесом и все это вывозят в Китай. Этим они поощряют воровство на дачах, незаконную вырубку леса, браконьерство. Ведь не секрет, что настоящими владельцами фирм, которые производят скупку металла и вырубку леса, являются китайцы.

А. Мокроусов, журналист:

– Как-то я видел, как китаец, один из хозяев китайского ресторана, бил своего официанта, который перед ним провинился. Это было в Москве, и этот официант приехал туда из Казахстана. У него не было ни прописки, ни регистрации в Москве, и он даже жил в подвале этого ресторана вместе с женой и сыном. Он полностью зависел от своих китайских хозяев. Низкий китаец бил высокого русского парня, а тот даже ничего не мог ему ответить. Так что я за то, чтобы китайцев не стало здесь слишком много»²⁵.

Новым явлением стала антибалтийская истерия. В основном она выражается в перепечатках²⁶, в неопределенно-агрессивных фразах типа «наши бывшие социалистические друзья, такие, как Польша и Латвия, перешли на сторону наших бывших врагов»²⁷, «как бы сейчас ни перекручивали историю лидеры прибалтийских стран, мы знаем точно одно – советский

²⁵ Вам мигранты не надоели? // Там же. 2004. № 51.

²⁶ Если бы нацисты остались // Центральная газета. 2005. № 17.

²⁷ Вам что ближе: Пасха или Первомай.

солдат на войне был победителем»²⁸. Широко освещались организованные Фондом поддержки народной инициативы и «Молодежным единством» публичные акции. Например, 29 апреля 2005 г. на площади Революции Улан-Удэ было проведено театрализованное «поругание» президента Латвии В. Вике-Фрейберги (ее изображала резиновая кукла из секс-шопа) и министра обороны Эстонии Я. Йыэрююта²⁹.

Активно ведется кампания против программ планирования семьи и профилактики болезней, передающихся половым путем. При этом утверждается, что эти программы – составная часть американского плана по разращению и уничтожению российского народа. Такие публикации появляются и в официальной газете «Бурятия»³⁰. Америку обвиняют в наркотизации и алкоголизации России, насаждении «секта»³¹. Утверждается, что общественные организации, существующие на западных гранты, вырастают в «пятую колонну»³². Доказывается, что «в нашей стране, в угоду Западу, проводится мощнейшая протабачная политика и не предпринимается никаких действенных мер по защите здоровья населения»³³.

Ксенофобские настроения вызывали и «цветные революции» в бывших республиках СССР: «Сергей М., сотрудник правоохранительных органов (фамилию просил не называть): Да, я еще, когда это произошло в Грузии,

²⁸ Михайлов О. Герой, о котором до сих пор молчали // Информполис. 2005. № 22.

²⁹ Шевцов Е. Президент Латвии «сдулась» на глазах улан-удэнцев // Центральная газета. 2005. № 18; Бадусева Н. Президента Латвии растоптали в Бурятии // Информполис. 2005. № 18; Дружинина Н. За державу обиделись // МК в Бурятии. 2005. № 18; Куклу президента купили в секс-шопе // Молодежь Бурятии. 2005. № 4.

³⁰ Галин А. Недетские игры // Центральная газета. 2004. № 37; Иванов Ю. Пропаганда или профилактика // Православная Бурятия. 2004. № 18; Лобозеров С. Прививка против... нравственности. Валеология. Что это? // Там же. № 19; Жимбуева Т. Нельзя воспитывать «толерантное» отношение к порокам // Молодежь Бурятии. 2004. № 50; Шигина Л. Волонтерское движение: чему обучает равный равного? // Православная Бурятия. 2005. № 2; Она же. Рак души // Там же. № 8; Засухина В. ...И в результате человек-предатель? // Бурятия. 2005. 10 июня; Бадусев Н. Трезвей по Шичко // Пилуля. 2005. № 13–14.

³¹ Матвеев О. «От пива становятся глупыми, ленивыми и бессильными». Это говорим уже мы, россияне // Бурятия. 2004. 24 сентября; Жестокий бич для духовной пользы человека // Православная Бурятия. 2005. № 1; Дружинина В. Жена для Ивана // Пятница плюс. 2005. № 9.

³² Белобородов С. Филантропы // МК в Бурятии. 2005. № 13; Безуглов Д. Оранжевый бархат // Центральная газета. 2005. № 23; Дружинина В. Сквозь барьеры. К звездам // Пятница плюс. 2005. № 28.

³³ Иванова Т. Курение – просто привычка? Православный взгляд на проблему // Бурятия. 2005. 18 февраля; Она же. Курение – просто привычка? // Православная Бурятия. 2005. № 4.

подумал: сначала иностранные спецслужбы поставят своих марионеток в бывших союзных республиках, а со временем возьмутся и за российские регионы. Недаром у нас обосновались миссионеры. Разные гранты тоже раздают... Бесплатный сыр-то только в мышеловке. На фоне бедности и недовольства властью стоит только бросить искру, как все вспыхнет. Я не понимаю, почему наши спецслужбы спят, почему не предотвращают бархатные революции? Пора бы уже что-то противопоставить заокеанским коллегам...»³⁴

Традиционными стали анекдоты с ксенофобским оттенком. Анализ содержания анекдотов в 10 отслеживаемых газетах (август 2004 — июль 2005 года) показал следующий расклад по этнической направленности: украинцы — 72, евреи — 68, американцы — 62, эстонцы — 34, русские — 31, белорусы — 20. Такое соотношение явно вызвано заимствованием анекдотов из ресурсов интернета, созданных в европейской части России. Жителям близлежащих стран, которые приезжают или проживают в Бурятии, анекдотов посвящено сравнительно немного: китайцы — 14, корейцы — 6, монголы — 3.

Эта работа была повторена на следующем временном отрезке в 9 месяцев (август 2005 — апрель 2006 года), и вот результаты: американцы — 49, украинцы — 43, русские — 31, грузины — 24, евреи — 22, китайцы — 13, армяне — 9. Анекдотов о корейцах 3, а о монголах вообще не зафиксировано. Симптоматично резкое увеличение числа анекдотов про грузин в связи с обострением отношений России с Грузией, внешнеполитическими причинами объясняется и большое количество анекдотов про американцев и украинцев.

Термины «традиционные» и «нетрадиционные» конфессии являются в прессе Бурятии общеупотребительными. При этом к «традиционным» относят православие, буддизм, старообрядчество и шаманизм.

Ряд изданий целенаправленно публикует большие материалы, «разоблачающие» «нетрадиционные» конфессии — мунитов, кришнаитов, пятидесятников³⁵. Против пятидесятников и баптистов крупные материалы опубликованы в «Православной Бурятии»³⁶.

³⁴ У нас такое возможно? // Молодежь Бурятии. 2005. № 20.

³⁵ Бородина Е. Тоталитарная секта действует в Улан-Удэ под вывеской «Молодежного Центра». Почему Прокуратура Бурятии делает вид, что мунитов в Улан-Удэ не существует? // Центральная газета. 2004. № 35; Конова Е. В тихом омуте // Пятница плюс. 2004. № 46; Меня дочь совершенно не слушает, она как загипнотизированная // Номер один. 2005. № 21.

³⁶ Едигарьев В. Письмо от бывшего баптиста // Православная Бурятия. 2004. № 15; Ерохин А. Не повторите ошибку. Исповедь бывшего пятидесятника // Православная Бурятия. 2005. № 5; Кухарь Н. Урок веры // Православная Бурятия. 2005. № 14.

В «Центральной газете» № 4 от 26 января 2005 г. под рубрикой «Антисектик» вышел разворот, состоящий из следующих материалов: «Десять вопросов навязчивому незнакомцу из книги А. Дворкина»; «Что такое деструктивные культы» — определение и список из справочника «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера», изданного Миссионерским отделом Московского патриархата; «17 признаков того, что ты попал в секту»; «Вне закона» — информация о принятом Европейским парламентом 12 февраля 1996 г. постановлении «О сектах в Европе», интервью с благочинным Олегом Матвеевым «Спасите ваши души». Опубликованы также координаты ведущего рубрики и Православного культурно-просветительного центра «Воскресение».

Термин «секты» стал общеупотребительным. Говорится, что «секты — организации в большинстве своем не религиозные, а коммерческие»³⁷, либо их ставят на одну доску со скинхедами: например, главный специалист Министерства образования и науки Бурятии Виктор Тютрин заявляет: «В 90-е пытались разредить воспитание и образование. И получили печальные итоги: скинхеды, секты и другие негативные явления...»³⁸ Оригинальная мысль для ответственного за программу толерантности в учебных заведениях Республики Бурятия!

«Сектантов» обвиняют даже в надругательстве над крестом: «...А камни-то с горы скидывали баптисты-евангелисты и другие сектанты, ломали кресты, поджигали, пока не установили железный крест...»³⁹

В компанию втягивается и президент Бурятии Леонид Потапов. На нелепый вопрос журналистки («... я недавно слышала, что у нас выделяются деньги правительства на существование какой-то непонятной группы “Аборт мозга”. Я была просто возмущена, ведь про них говорят, что они секта, а правительство им помогает...») он отвечает: «То, что правительство не выделяет деньги на секту под названием “Аборт мозга”, это однозначно. ... не верьте подобным слухам, мы сектам никогда не помогали и помогать не намерены»⁴⁰.

³⁷ Лобозеров С. Христос воистину воскрес! // Бурятия. 2005. 29 апреля.

³⁸ Баторова Д. А специалистов среднего звена не хватает! // Бурятия. 2004. 10 декабря.

³⁹ Иоанн. Путь в гору // Православная Бурятия. 2005. № 11.

⁴⁰ «Скажу откровенно...» // Пятница плюс. 2005. № 44.

«Аборт мозга» — довольно незамысловатая панк-группа, ни в текстах, ни в музыке которой невозможно усмотреть ничего, что позволило бы считать группу (анти)религиозной «сектой». См. веб-сайт группы: <http://www.abort-mozga.by.ru/glaw.htm> — *Примеч. ред.*

Жесткую позицию занимают буддийские иерархи. Вот фрагмент из интервью главы буддистов России Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшева: «Свобода совести в нашей стране осуществляется в полной мере. Но мы считаем, что свобода не означает вседозволенности. Должны быть рамки, ограничивающие деятельность так называемых “новых” культов. В противном случае может возникнуть угроза утраты традиционной духовности народов России»⁴¹.

С буддистами солидарны и клирики Русской православной церкви. Епископ Евстафий в своей проповеди так прокомментировал избавление от наркомании адепта одной из неопятидесятнических церквей: «... это страшный пример того, как человек из одной беды попадает в другую, еще более тяжелую. Он был наркоманом, его зависимость была, по большому счету, физиологической, он зависел от определенных препаратов. А теперь он ушел в секту, он стал зависим духовно. И вытащить этого человека из секты гораздо труднее, чем излечить от наркомании»⁴². Эта тема получила продолжение в других публикациях «Православной Бурятии»⁴³. Отец Олег, благочинный Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии, был еще более категоричен:

« — Как вы относитесь к тому, что городские власти выделяют землю под строительство для представителей нетрадиционных религиозных верований?»

— Я думаю, что пройдет некоторое время и городские власти будут жалеть о том, что выделяли землю тем, кому не надо было. В Писании сказано: “Не всякому духу верьте”. Сегодня жизнь слишком демократическая, сегодня человек очень свободен... К сожалению, наше законодательство позволяет регистрировать чуть ли не сатанинские течения. История определила веру, которую исповедует народ российский. Этому доброму опыту прошлой жизни и надо следовать. Мы к решению городских властей относимся неодобрительно...»⁴⁴

Таким образом, мы видим, что для прессы Бурятии характерны общероссийские тенденции языка вражды, несмотря на продвигаемую руководством Республики Бурятия установку на межнациональный мир и межконфессиональное согласие, сохранение которых оно считает своим главным достижением.

⁴¹ Субботин А. Пандито хамбо-лама Дамба Аюшеев: «Свобода совести в России осуществляется в полной мере» // Центральная газета. 2005. № 25.

⁴² Храм — во исцеление души и тела // Православная Бурятия. 2005. № 4.

⁴³ Матвеев О. Идет война — страшнее не бывает // Православная Бурятия. 2005. № 5.

⁴⁴ Бросить пить и сохранить семью поможет вера // Информполис. 2005. № 2.

Валерия Ахметьева

«Люди с песьими головами»: образ чеченцев в российских СМИ

Образ чеченцев за последние десять лет подвергся в российских СМИ такой демонизации, что практически любая публикация, касающаяся чеченцев — даже если она не имеет никакого отношения к вооруженному конфликту в Чечне, — оказывается проникнута языком вражды. И даже те немногие авторы, которые сознательно пытаются противостоять пропаганде античеченских настроений и использованию языка вражды, сами, зачастую неосознанно, воспроизводят шовинистические (в первую очередь античеченские) мифы и используют этот язык.

Это свидетельствует об очень высокой степени ксенофобизации общества, об успешном внедрении в массовое сознание античеченских установок, о том, как именно выглядит сегодня «социальный заказ» в представлении журналистов и редакторов СМИ (и, видимо, владельцев, раз они это не пресекают) и, наконец, о серьезной деградации журналистского сообщества России в целом.

Общая картина выглядит примерно так: все чеченцы (в целом, как народ) — это террористы или бандиты (или и то, и другое одновременно). Напрямую так, разумеется, ни один автор (если перед нами не откровенно националистическое издание) не напишет, поскольку это нарушает правила игры, но подобная позиция легко обнаруживается при цитировании, обмолвках, в приведенной статистике, в том, какие именно элементы языка вражды пытаются оспорить не разделяющие его авторы.

«Чеченцы — бандиты и террористы», — констатирует как «расхожее мнение» на страницах «Известий» Тимур Алиев¹, специально добавляя дальше, что такие высказывания «вы... не услышите... в официальных речах или на совместных приемах. Но поднимите тему Кавказа в разговорах на интернет-форумах и взамен получите такую волну антикавказских высказываний от большинства собеседников, что никогда больше не поверите официальным заверениям в дружбе»².

¹ Алиев Т. Великая чеченская стена // Известия. 2005. 15 ноября.

² Там же.

Александр Колесниченко в «Новых Известиях» приводит социологические данные — с чем у российских граждан ассоциируется слово «чеченец». Результат такой: «при слове “чеченцы” у 30% опрошенных первая ассоциация — это война. На втором месте (15%) — участники чеченского конфликта — боевики, шахиды, сепаратисты. В представлении 10% опрошенных чеченцы — это, прежде всего, террористы. По 3% назвали такие ассоциации, как зло и кинжал»³.

Тимур Алиев приводит в своей статье в газете «Чеченское общество» письмо журналистки из Казани, где прямо говорится: «Для нас что чечен, что бандит — все одно и то же»⁴.

Аналогичные мнения приводит «Комсомольская правда», подавая их как «глас народа»: «Чего они тут забыли? — спросил нас хмурый бомбила. — Мы к ним в гости не собираемся, и у нас им делать нечего. Только терроризм разводять...»⁵

Подобные мнения публично высказывают и официальные лица (чиновники). Во всяком случае, так их передают отдельные журналисты, например, из «Комсомольской правды»: «Поселок Пседах — самый безопасный, потому что в нем никогда не давали селиться “пришлым” — чеченцам»⁶.

Впрочем, иногда слово «террорист» заменяется каким-нибудь прозрачным эвфемизмом: «У слова “чеченец” имеется известный синоним — “ваххабит”. Какие еще нужны объяснения?»⁷ Возможно и дублирующее написание: «чеченцы-ваххабиты» (утверждается, что именно они виноваты в событиях в Нальчике)⁸.

То, до какой степени доведено отождествление чеченцев с террористами (даже на Северном Кавказе!), видно из статьи в «Московском комсомольце», где процитирован упрек руководителя организации «Матери Беслана» Сусанны Дудиевой в адрес чеченских женщин: «рожают и растят террористов»⁹.

³ Колесниченко Александр. Водка, сало и кинжал // Новые Известия. 2005. 26 июля.

⁴ Алиев Т. Поезд «вражды» // Чеченское общество. 2005. № 16.

⁵ Стешин Дмитрий. Бронепоезд дружбы // Комсомольская правда. 2005. 13 сентября.

⁶ Стешин Дмитрий, Коц Александр. В Осетии — траур, в Ингушетии — праздник // Комсомольская правда. 2005. 2 сентября.

⁷ Дубнов Вадим. Черный четверг // Новое время. 2005. № 42.

⁸ Руднев Дмитрий. Неизвестный враг // Профиль. 2005. № 39.

⁹ Денисова Ирина. Мать против матери // Московский комсомолец. 2005. 25 ноября.

Случается, что демонизация чеченцев как этнической группы расширяется и конкретизируется по числу обвинений: «От них ... вся беда — бандитизм, терроризм, торговля наркотиками»¹⁰.

Насколько унижен в цивилизованном обществе подобный подход к любому народу (и насколько провокационен по отношению к народу, образуемому один из субъектов Федерации), похоже, уже не понимают ни сами журналисты, ни те, кого они цитируют: «Недавно чеченской локомотивной бригаде доверили перевозить составы с военнослужащими — а там бывает до 700 человек. Это потому, что не все чеченцы бандиты, делает неожиданный вывод полковник Громов»¹¹.

Часто дело доходит до того, что журналисты оставляют без комментариев пассажи работников правоохранительных органов, в которых те прямо именуют чеченцев «зверями»¹². В некоторых случаях образ зверя конкретизируется: это — волк: «Перекрасились, присягу кому-то дали, но внутри остались волками. Рвут слабых и больных»¹³.

Даже Рамзан Кадыров оказывается вынужден публично реагировать на то, как в российских СМИ (в данном случае — по телевидению) подается образ чеченцев в целом как народа: «Чеченцы там в искаженном виде... Все говорят, что мы россияне, а показывают, что фашисты»¹⁴.

То, что античеченская пропаганда — несмотря на то что, по многочисленным заявлениям властей, «войсковая операция» в Чечне «давно закончена» и идет «мирное строительство» в республике — продолжается и язык вражды на телевидении по-прежнему процветает (в том числе и в пропагандистских телефильмах), видно и из статьи Михаила Трофименкова о фильме «Прорыв», о котором автор, в частности, говорит: «Впервые в отечественном кино создан ... столь впечатляющий групповой портрет врага, суммирующий все пропагандистские озарения обеих чеченских войн»¹⁵.

Поэтому в статье об известной пропагандистской акции «Поезд дружбы» газета «Время новостей» прямо пишет: «Поезд преследует труд-

¹⁰ Баранец Виктор, Родкин Андрей. За взятие Нальчика боевикам обещали по \$1000 // Комсомольская правда. 2005. 15 октября.

¹¹ Раскин Александр. Трансчеченский экспресс // Русский Newsweek. 2006. № 42.

¹² См., например: Хлудов Владимир, Химич Оксана, Речкалов Вадим. «Абонент временно арестован» // Московский комсомолец. 2005. 4 июля.

¹³ Стешин Д. Бронепоезд дружбы..

¹⁴ Гамов-Рублевский Александр. Я был бедный сельский парень, а теперь богач // Комсомольская правда. 2006. 30 мая.

¹⁵ Трофименков Михаил. Образцово-показательная пропаганда // Коммерсант. 2006. 13 мая.

новыполнимую задачу... убедить всех желающих в том, что не все чеченцы боевики и террористы»¹⁶.

При этом, поскольку акции «Поезд дружбы» предшествовали десять лет античеченской пропаганды, во-первых, и эта пропаганда не прекращалась и во время самой акции, во-вторых, результат оказался противоположным задуманному. Вот какую реакцию вызвали телесюжеты о «поезде дружбы» у зрителей (в данном случае у Пюзели Ибрагимовой, что особенно показательно, судя по всему — этнической татарки, то есть представителя «мусульманских народов»): *«Мне от того, что чеченцы танцуют, хреново становится. Не потому, что плохо танцуют, а потому что этот самый поезд колесит за наши деньги. Именно я, моя пожилая и больная мама, мой бывший коллега, который месяц тому назад потерял родителей, жену и дочь, моя знакомая, вечно занимающая у своих родных и знакомых, чтобы прокормить двоих малолетних детей... именно мы платим за то, чтобы brave молодые чеченские парни тусовались подобным образом... каждый день... по новостям навязчиво крутят, куда уходят мои деньги»*¹⁷.

Впрочем, Г. Ибрагимова высказывает несколько неожиданное суждение: *«Я пришла к такому выводу: наше правительство специально все это затеяет, чтобы мы ненавидели друг друга, другую национальность»*¹⁸.

В той же статье приводится мнение журналиста Дмитрия Бабича, справедливо указывающего: *«Когда у нас, с одной стороны, едет “Поезд дружбы” из Чечни на Сахалин, а с другой стороны, по телевизору показывают ... чеченцев как угрозу, — это не способствует созданию дружбы народов»*¹⁹.

Т. Алиев суммирует: *«Российское общество, привыкшее к телевизионным программам о бандитах-чеченцах, восприняло идею Поезда как возможность для чеченцев покататься на “халяву” по России»*²⁰.

Удивительного в этом, однако, ничего не было, если учесть, что даже в «Комсомольской правде», самой тиражной газете страны, служащей трибуной для официальных выступлений, в статье, рассказывавшей о «поезде дружбы», автор прямо сеял межнациональную ненависть: *«Когда состав был во Владивостоке, у донского казачьего атамана дочь изнасиловали чечены, а милиция кинулась их покрывать. Уже совсем собрались казаки чеченов выселять, но опомнились власти: затоптали пожар. Въехал поезд в Иркутск — в Астраханской области чеченские дома начали жечь калмыки.*

¹⁶ Сухов Иван. Рельсовый мир // Время новостей. 2005. 26 июля.

¹⁷ Алиев Т. Поезд «вражды».

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

*Так проняла степняков эта дружба народов — пришлось вводить войска»*²¹. Стоит обратить внимание автора статьи и читателей, что между Иркутском и Астраханью или Ростовом и Владивостоком — несколько тысяч километров, да и конкретные причины упоминаемых тут беспорядков хорошо известны²².

О том, до какой степени доведено пропагандой отождествление понятий «чеченец» и «террорист», свидетельствует и удивительная история с министром транспорта Израиля Меиром Шитритом, который, выказывая недовольство приглашением в Москву лидеров ХАМАС, заявил буквально следующее: *«Что сказал бы Путин, если бы мы пригласили в Иерусалим чеченцев?»*²³

В результате многолетней античеченской пропаганды сложилась парадоксальная ситуация, когда, судя по всему, значительная часть журналистов (и российского общества вообще) даже не осознает, что Чечня и чеченцы — это не какая-то заморская держава, находившаяся в военном конфликте с Россией и Россией завоеванная, а часть Российской Федерации, ее субъект, и, следовательно, чеченцы — граждане России, в том числе и с официальной точки зрения. Чеченские войны воспринимаются журналистами как межгосударственный конфликт (между Россией и Чечней; поход Басаева и Хаттаба в Дагестан в 1999 году называли, помнится, не иначе как «вторжением»), чеченцы — как иностранцы, враждебные всему русскому.

Например, именно так воспринимает войну в Чечне Юлия Калинина из «Московского комсомольца», судя по ее оговорке в статье, посвященной образованию батальонов «Север» и «Юг»: *«Наверняка среди новоиспеченных вэвэшников есть люди, воевавшие не только за русских, но и против них»*²⁴.

²¹ Стешин Д. Бронепоезд дружбы.

²² В селе Ремонтное Ростовской области в августе 2005 года казаки чуть не спровоцировали чеченские погромы, поводом к которым стало заявление об изнасиловании дочери юртового атамана жителем села, этническим чеченцем. В селе Яндыки в августе 2005 года произошли чеченские погромы, спровоцированные смягчением приговора трем чеченцам, осужденным за осквернение сельского кладбища, и бытовой дракой, в результате которой погиб житель села — этнический калмык. Подробнее см.: Кожевникова Галина. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 6 февраля (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6CEEC08>); Она же. «Антиэкстремистское» лето: скинхеды бьют, Госдума пишет // Там же. 2006. 3 ноября (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/832CF6D>).

²³ Асмолов Григорий, Реутов Александр. Что сказал бы Путин, если бы мы пригласили в Иерусалим чеченцев? // Коммерсант. 2006. 11 февраля.

²⁴ Калинина Юлия. Батальоны риска // Московский комсомолец. 2006. 1 июня.

Точно так же — как присоединенных в результате колониальной войны инородцев — воспринимает чеченцев и цитировавшийся выше автор «Комсомольской правды» Дмитрий Стешин: «*Едут в этом поезде наши вновь обретенные соотечественники чеченской национальности*»²⁵.

Дело доходит до того, что даже правозащитник Валерий Борщев, не осознавая этого, в интервью пользуется словесной конструкцией, выходящей Чечню из состава Российской Федерации: «*Это вызывает тревогу у людей, тревогу у москвичей, что идут разборки чеченских разных групп и направлений — и это выяснение отношений вылилось за границы Чечни. Это происходит в городах Российской Федерации*»²⁶.

Этот же подход ярко продемонстрировал премьер-министр Чечни Рамзан Кадыров, который сделал во время событий в Кондопоге ряд заявлений, свидетельствующих о том, что он воспринимал ситуацию как русско-чеченский межгосударственный конфликт²⁷.

Чеченская бард-поэтесса Лиза Умарова (подвергшаяся в Москве нападению группы скинхедов²⁸) справедливо констатировала: «*Получается, что чеченцы — не россияне*»²⁹.

Та же Л. Умарова отметила исключительно высокий уровень распространности в России ксенофобских предубеждений относительно чеченцев — причем предубеждений, не основанных на фактах: «*Говорят, что чеченцы в массе своей ненавидят русских, но это неправда. И во время первой, и во время второй чеченской войны многие чеченские женщины укрывали у себя российских солдат. Если у меня солдат попросит 10 рублей, я дам 50*»³⁰. Интересно, что здесь Л. Умарова также фиксирует указанное выше восприятие чеченцев как неких **враждебных иностранцев**.

В России уже появилась целая когорта журналистов, транслирующих ксенофобские предрассудки по отношению к чеченцам (а зачастую и вообще к кавказским народам и/или мусульманам). Типичный

²⁵ Стешин Д. Бронепоезд дружбы.

²⁶ Политический барометр. № 72 // Центр «Демос». 2006. 13–19 ноября (<http://www.demos-center.ru/reviews/15013.html#1>).

²⁷ Премьер Чечни Рамзан Кадыров обещает разобраться в ситуации в Кондопоге // NEWSru.com. 2006. 4 стынз, hz (<http://www.newsru.com/russia/04sep2006/kondopoga.html#3>). См. также: Заявление Информационно-аналитического центра «СОВА» по событиям в Кондопоге // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2006. 4 сентября (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/7E3F053>).

²⁸ В Москве совершено нападение на чеченскую певицу и ее сына // Там же. 2005. 8 сентября (<http://xeno.sova-center.ru/45A29F2/60815D5>).

²⁹ Умарова Лиза. За годы войны у чеченских женщин повысился материнский инстинкт // Известия. 2005. 1 сентября.

³⁰ Там же.

пример: Ольга Вандышева из «Комсомольской правды», которая вроде бы и не хочет сознательно транслировать язык вражды, но настолько им прониклась, что делает это, видимо, непреднамеренно. Например, интервьюируя популярную телеведущую НТВ Асет Вацуеву (этническую чеченку), О. Вандышева задает вопросы откровенно ксенофобского характера. Журналистку интересует, понимают ли чеченцы русскую культуру (!) или «*признают только свою мораль*», возможно ли вообще взаимопонимание между чеченцами и русскими. В ответ на реплику А. Вацуевой «*Но я же всех понимаю*» Вандышева заявляет «*Но вы же не типичная чеченка*» и интересуется затем, понимает ли А. Вацуева «*логику шахидок*»³¹.

В другом материале, посвященном семейно-бытовым аспектам жизни женщин-мусульманок в Москве, О. Вандышева превосходит себя в демонстрации (неосознанной?) ксенофобских предрассудков: «*Мусульманки наводят красоту так же, как европейки*»³² (предполагается, очевидно, что мусульман-европейцев — таких как боснийцы, албанцы, европейские турки, болгары-мусульмане и т.п. — быть просто не может!).

Судя по всему, чеченофобия постоянно переходит в исламофобию. Следует констатировать, что между этими видами ксенофобии установилась прочная связь. Однако тема данной статьи не позволяет останавливаться на этом вопросе подробно.

В целом, несмотря на обилие материалов о Чечне, вызванных двумя чеченскими войнами (едва ли какой-то другой регион России может похвастаться таким количеством журналистских материалов о себе), объективной информации о чеченцах как об одном из народов, населяющих Российскую Федерацию, стало не больше, а меньше. Понимание того факта, что чеченцы — это не другое название террористов, бандитов и вообще плохих людей, а обычный народ со своими особенностями, разумеется, и что это надо учитывать при общении с чеченцами (как и с представителями любого другого народа), утрачено практически полностью. Чеченцы воспринимаются и подаются в традициях средневекового сознания: как нечто странное и непонятное, не вполне люди и, возможно, даже вовсе не люди или «люди с песьими головами», живущие по недоумению рядом с нами и иногда даже среди нас.

Больше всего это напоминает голливудские фантастические фильмы и сериалы, где на Земле живут и действуют представители инопланетной

³¹ Вандышева Ольга. Телеведущая Асет Вацуева: За русского выходить замуж мне нельзя // Комсомольская правда. 2005. 26 июля.

³² Вандышева О. Москва в хиджабе // Комсомольская правда. 2005. 16 декабря.

расы, формально дружелюбные, но вызывающие у землян подозрения и отчетливо ксенофобские чувства. В голливудских фильмах, как правило, оказывается, что эти подозрения и чувства справедливы и инопланетяне лишь притворяются друзьями.

Сегодняшняя российская власть время от времени предпринимает попытки изменить ситуацию в СМИ. Без сомнения, она могла бы добиться изменения ситуации, в значительной степени вытеснив античеченский язык вражды в область маргинальных и полумаргинальных изданий. Однако попытки эти так неуклюжи, что приводят к обратному эффекту: стоит напомнить хотя бы о знаменитом «секретном распоряжении» Администрации Президента³³, в котором предписываются «терминологические» замены: «террорист» вместо «шахид», «исламский боевик» вместо «ваххабит», «диверсионно-террористическая деятельность» вместо «джихад» и др. Такие методы вытеснения языка вражды из статей о Чечне приводит исключительно к тому, сложившийся устойчивый стереотип чеченцев как врагов переводится на невербальный уровень: зачем говорить, если и так все ясно?

Сергей Лукашевский

НПО в зеркале российских СМИ: дискредитация, диффамация, пропаганда

Цель этой статьи – рассмотреть использование языка вражды по отношению к неправительственным организациям. Язык вражды традиционно используется по отношению к этническим, религиозным или социальным группам. Строго говоря, неправительственные организации (НПО) и активисты «третьего сектора» не являются отдельной социальной группой, однако мониторинг, проведенный в 2006 году, показывал, что НПО представляют собой отдельный устойчивый объект языка вражды.

Причины этого, по-видимому, лежат в общественно-политическом контексте. Многие НПО выступают в защиту меньшинств (тех самых – религиозных, этнических, социальных), а также нередко отстаивают идеи и подходы, которые не разделяет большинство населения или власть.

С конца 2005 года НПО оказались в центре внимания в связи с резким ужесточением государственной политики по отношению к ним. Был принят пакет изменений законодательства, радикально ужесточивший контроль государственных структур за созданием и деятельностью НПО. Президент Путин публично заявлял о недопустимости политической деятельности НПО (подразумевая, что она имеет место), а также обвинил их в зависимости от иностранных спонсоров.

Соответственно, из отмеченных в мониторинге 2006 года 64 публикаций, транслирующих (поддерживающих), нейтральных или осуждающих язык вражды по отношению к НПО, более двух третей приходится на январь и февраль, причем три четверти из них посвящены «шпионскому скандалу»¹. При этом число публикаций, поддерживающих язык вражды, было примерно равно числу осуждающих его. Позже число публикаций резко идет на спад. В марте-июне таких публикаций было 10, еще столько же пришлось на оставшуюся половину года. Зато после июня публикаций, поддерживающих язык вражды, больше, чем осуждающих.

³³ Цензура или этика? Государственному ТВ – государственную политкорректность // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. 2005. 19 ноября (<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21398CB/659A02B>).

¹ Подробнее о СМИ, НПО и «шпионском скандале» см. ниже.

Чаще всего НПО обвиняют в том, что они оказывают негативное влияние на ситуацию в стране (42 публикации). Применительно к НПО таким образом чаще всего оценивается продвижение «вредных» или «чужих» ценностей (западных, либеральных, «общечеловеческих»), что рассматривается как отстаивание чужих интересов (интересов Запада), то есть язык вражды по отношению к НПО является частью того комплекса идей и стереотипов, который принято называть антизападными настроениями.

Второе по частоте обвинение — «утверждение моральных недостатков» (20 публикаций) — возникает в основном в ходе обсуждения проблемы финансирования: НПО ставят в вину получение грантов западных фондов. Эта тема была во многом основана на том, что один из сотрудников британского посольства, фигурантов «шпионского скандала», был координатором Фонда глобальных возможностей (Global Opportunity Fund).

Лидеры по количеству публикаций, в которых используется язык вражды по отношению к НПО, — «Российская газета», «Комсомольская правда» и «Известия». Если официальная «Российская газета» сдержанно пересказывает обвинения, исходящие из уст политиков и представителей государства, то «Комсомолке» свойственны агрессивность и радикальность обвинений. «Известия» отличает более взвешенная позиция: в отличие от двух первых СМИ там был напечатан один материал, защищающий НПО, в первых же двух изданиях таких публикаций нет вовсе.

«Московский комсомолец», хотя и настроен в целом недружественно по отношению к НПО, представляет более сложную картину. Материалы о «шпионском скандале» поданы в газете сдержанно, даже с некоторым недоверием. Зато специальным объектом нападок является Правозащитный центр «Мемориал», который «удостоился» негативных публикаций за позицию по «делу Ульмана» и стремление разобраться в обоснованности преследований сторонников исламистской партии «Хизб ут-Тахрир».

Среди защитников НПО по числу публикаций выделяются «Газета» и «Новые Известия». Развернутые материалы, развенчивающие нападки на НПО, печатал и «Русский Newsweek».

Одна из главных особенностей языка вражды в отношении НПО заключается в том, что НПО как форма социальной организации его объектом не являются вообще. Язык вражды зачастую направлен против общественников, выступающих с правозащитных, демократических или либеральных позиций (все эти определения не обязательно совпадают в каждом конкретном случае), привязка к собственно НПО часто достаточ-

но условна. Самый характерный пример — собирательное понятие «правозащитники», под которыми могут подразумеваться как организации, так и люди, публично выступающие с позиции примата прав человека. Более того, не правозащитные организации могут маркироваться как таковые².

Итак, объектом языка вражды становятся НПО, выступающие как проводники западных ценностей и стандартов и связанные с Западом через получение грантового финансирования, работу с международными организациями и договорными органами (ООН, Советом Европы и ОБСЕ), а также, конечно же, непосредственно представительства международных НПО.

Язык вражды в отношении НПО появляется в критических текстах журналистов и в высказываниях чиновников и политиков, цитируемых в СМИ. И критика может быть связана не только с «прозападной» ориентацией и даже не только с жестко критическим подходом к деятельности власти. Осуждается и содержание работы — защита меньшинств, внедрение западных методик, практик и стандартов в болезненных для общества сферах (борьба с наркоманией и СПИДом, терроризм, чеченский конфликт).

Типичным примером являются две статьи в «Комсомольской правде», опубликованные в январе 2006 года. Автор, Дмитрий Шешин, занимаясь развенчанием программ планирования семьи как морально неприемлемых и политически вредных для России, обрушивается с критикой на западные и российские НПО, внедряющее соответствующие программы. Эти НПО, по его мнению, наносят, зачастую умышленно, вред стране. Однако, заметим, все обвинения в адрес неправительственных организаций не выходят за рамки исследуемой Шешиним темы.

Характерная черта языка вражды в отношении НПО — его зависимость от настроений, транслируемых представителями государства и политиками.

В начале января 2006 года президент Путин подписал известные поправки к законодательству об НПО. 18 января «Газета»³ опубликовала на эту тему материал, в котором приводились комментарии публичных фигур, в том числе лидера ЛДПР Владимира Жириновского. В своем

² В ходе «шпионского скандала» «правозащитной» организацией называли не только Московскую Хельсинкскую группу, что естественно, но и Фонд «Евразия», являющийся донорской структурой.

³ Павликова О., Мухамедьярова Л., Матвеева А. Некоммерческие организации на заметке у прокуроров // Газета. 2006. 18 января.

комментарии Жириновский говорит об НПО в целом: «*Многие россияне ошибочно понимают их функцию, считая, что от этих обществ лишь только польза. Но не нужно забывать, что большинство некоммерческих организаций имеют политический подтекст и занимаются деятельностью, наносящей вред нашему государству*». Впрочем, статья в «Газете» в целом дружелюбна по отношению к НПО, а реплика Жириновского призвана продемонстрировать разброс мнений.

Газета «Россия» в порядке обсуждения нового закона 26 января опубликовала статью в стиле «черного пиара»⁴. Согласно этой статье, целью кампании, которую правозащитники организовали вокруг событий в башкирском городе Благовещенске⁵, было не привлечение внимания к произволу правоохранительных органов, а «*общественно-политическая дестабилизация в отдельно взятом регионе*». Для решения этой задачи правозащитники якобы потратили миллион долларов, полученный от Бориса Березовского, Березовский же делает «многомиллионные вливания» в «оранжевый пожар» на Украине, а лавры украинских «революционеров» «не дают покоя» Михаилу Касьянову, который создает фонд для финансирования некоммерческих организаций. Все это вместе — «*факты и тенденции, которые ... свидетельствуют о том, что принятый закон давно назрел*».

Статья в еженедельнике «Россия» привязала «хвост» медийного сюжета декабря 2005 года, приуроченного к годовщине благовещенских событий⁶, к новой ситуации — подписанному Президентом закону об НПО. (Редакция «России», однако, явно не стремилась к оперативности: 26 января, когда вышла рассматриваемая статья, все СМИ уже были заняты «шпионским скандалом».)

⁴ Жоголева В., Николаев С. Политические манипуляторы в правозащитных тогах // Россия. 2006. 26 января.

⁵ В декабре 2004 года в городе Благовещенске, районном центре Республики Башкортостан, произошел конфликт между местными жителями и сотрудниками милиции. В ответ в городе была проведена спецоперация ОМОНа, в результате которой десятки человек пострадали от незаконного применения силы.

⁶ В декабре 2005 года «информацию» о миллионе от Березовского распространил бывший сотрудник башкирского отделения Движения «За права человека» Вячеслав Бикбулатов. Заявление Бикбулатова обсуждалось в региональной прессе, а на федеральном уровне прозвучало, что примечательно, благодаря РИА «Новости» и Первому каналу. Из печатных СМИ его растиражировали только «Россия» и «Комсомольская правда».

Лидер движения Лев Пономарев обратился в суд. 23 декабря 2006 г. Останкинский суд Москвы, а затем 10 апреля 2007 г. Мосгорсуд признали публикацию Первого канала ложной. Суд обязал Первый канал огласить в программе «Время» решение суда и выплатить Л. Пономареву 5 тыс. руб. — *Примеч. ред.*

В конце января 2006 года телеканал «Россия» в программе «Специальный репортаж» показал фильм, с помощью которого российские спецслужбы сообщили о разоблачении четырех британских шпионов, один из которых, в соответствии с официальной должностью в посольстве Великобритании, был связан с выделением грантов российским НПО. Этот факт тут же был обращен против гражданских организаций. «*Контроль над властью должен осуществляться людьми неподкупными, которые радуют за интересы своей родины, а не чужой страны*»⁷, — заявил автор «разоблачения» Аркадий Мамонтов.

Обвинениям в отношении НПО в связи со «шпионским скандалом» была посвящена половина материалов, отобранных в ходе мониторинга. Публикации вокруг этого скандала шли двумя «волнами» — непосредственно после фильма и в связи с выступлением президента Путина в начале февраля на коллегии ФСБ, где он похвалил спецслужбы за успешно проведенную операцию.

Понятно, что ни одна статья не обошлась без пересказа обвинений, заявленных в эфире «России» и высказанных позднее Президентом, но разные издания преподнесли их по-разному. Например, «Коммерсантъ» дал к своей статье аннотацию: «ФСБ использовало шпионский скандал для дискредитации правозащитников», а в газете «Известия» аннотация к аналогичному материалу звучала следующим образом: «ФСБ установила, что британская разведка финансировала в России общественные организации». Соответственно, если «Коммерсантъ» опубликовал реакцию Московской Хельсинкской группы и фонда «Евразия» — самых известных НПО, непосредственно вовлеченных в скандал, то «Известия» представили только позицию ФСБ, которая, по сути, почти прямо обвиняла НПО в сотрудничестве с иностранной разведкой: «*Мы впервые поймали их “за руку” на агентурной связи и на том, что они финансируют ряд неправительственных организаций, — сказал представитель ФСБ. — На какие цели шло это финансирование — предстоит внимательно разобраться*»⁸.

Однако очень быстро президент Путин перевел ситуацию из уголовного в моральный контекст: «*...думаю, мы не вправе сказать, что в данном случае деньги не пахнут. Благородные цели не могут достигаться негодными средствами*»⁹.

⁷ Зыгарь М., Реутов А., Бородин А., Таратута Ю., Трифонов В. Голос за камнем // Коммерсантъ. 2006. 24 января.

⁸ ФСБ установила, что британская разведка финансировала в России общественные организации // Известия. 2006. 23 января.

⁹ Романова О. Шпионы вернулись в холод // Русский Newsweek. 2006. № 4.

Таким образом, вторая заметная волна языка вражды, по сути, свелась к цитированию Путина, в выступлении на коллегии ФСБ обвинившему НПО в «нечистоплотности»:

«Можно только выразить сожаление, что этот скандал бросил тень на неправительственные организации, — снова поднял вчера эту тему глава государства. — Но вы (ФСБ — С.Л.) здесь ни при чем — нужно быть разборчивее в связях тем, кто принимает финансовую помощь. ФСБ же должна не только оградить общество от попыток вмешательства во внутрироссийские дела из-за границы, но помогать неправительственным организациям беспрепятственно выполнять свои функции»¹⁰.

После того, как обсуждение «шпионского скандала», а почти одновременно с ним и нового закона об НПО начало сходиться на нет, статьи, в которых появляется язык вражды в отношении НПО, встречаются уже эпизодически.

Можно отметить отдельные публикации, в которых всплывает тема продвижения «чуждых» ценностей. В июне 2006 года газета «Время новостей» не без издевки рассказывала об эпизоде, имевшем место на заседании правительства Москвы, посвященном взаимодействию с НПО: *«Одновременно с поддержкой ветеранов депутат-патриот, чутко уловив веяния времени, призвал решительно покончить с тлетворным влиянием иностранных неправительственных организаций, действующих на территории города. Г-н Антонцев, очевидно, имел в виду НПО, занимающиеся профилактикой СПИДа и пропагандой безопасного секса. По крайней мере, другие организации он вряд ли обвинил бы в том, что они “мешают исполнять программу президента по увеличению рождаемости”»¹¹.*

В мае 2006 года Дмитрий Стешин, постоянный обозреватель «Комсомольской правды», озвучил распространенное обвинение в адрес «либеральных» правозащитников в том, что они озабочены только правами меньшинств и игнорируют такие же нарушения в отношении русских¹². Уже в следующем номере редакция поместила подборку отзывов читателей под характерным заголовком «Толстовщина не проходит!», среди которых были и такого рода: *«Правильно Стешин написал! Почему эти правозащитники молчали, когда нашим российским воинам отрезали головы чеченские боевики? Дыма без огня не бывает, а огонь уже давно горит на Кавказе и в некоторых других местах.»¹³*

¹⁰ Кузьмин В. Лубянка слушает: Президент поставил задачи перед ФСБ // Российская газета. 2006. 8 февраля.

¹¹ Гудков А. Гражданское общество. Недорого // Время новостей. 2006. 7 июня.

¹² Стешин Д. Политчутье // Комсомольская правда. 2006. 4 мая.

¹³ Толстовщина не проходит! // Комсомольская правда. 2006. 5 апреля.

Несколько неожиданным образом правозащитным организациям досталось от обозревателя Олега Кашина в газете «Твой день». Кашин выразил уверенность, что если *«Белова (лидера ДПНИ — С.Л.) посадят, пантеон “политзаключенных”, оплакиваемых либеральной общественностью, пополнится еще одним, может быть, самым громким именем»¹⁴.*

Либеральные газеты, писавшие о выпуске правозащитных докладов, цитировали при этом политологов и представителей власти, которые заявляли, что деятельность правозащитных НПО наносит вред России. В качестве характерного примера можно привести цитату из статьи в «Коммерсанте»: *«Правозащитники делают свое дело, не думаю, что их ждет успех, — заявил Ъ президент фонда «Политика» Вячеслав Никонов. — Все эти доклады, сделанные в том числе из-за рубежа, вряд ли будут услышаны милицией. А если комитет ООН 24 ноября примет негативную резолюцию, это будет очередной удар по имиджу России в мире»¹⁵.*

Однако по накалу страстей эти политологические комментарии не идут ни в какое сравнение с обвинениями в связях со спецслужбами или в организации «общественно-политической дестабилизации в отдельно взятом регионе». Вне рамок медийной кампании, раскрученной с подачи властей, язык вражды в отношении НПО появляется реже, теряет в жесткости и масштабе суждений.

¹⁴ Кашин О. Александр Белов. Назад, в Кондопогу // Твой день. 2006. 18 декабря.

¹⁵ Козенко А. Из ООН выбивают признание пыток в России // Коммерсантъ. 2006. 23 ноября.

Анастасия Денисова

Cyber H8¹ – ответный удар

Одним из наиболее эффективных средств коммуникации уже несколько десятилетий является интернет. Вместе с развитием этого уникального ресурса получил широкое распространение язык вражды в интернете – кибервражда (от англ. Cyberhate²). Как мощное средство коммуникации Всемирная Сеть может быть использована любым способом, и свобода в условиях возможной анонимности авторов является одной из уникальных черт этого ресурса.

Что такое кибервражда?

До создания интернета информацию о том, как делать взрывные устройства, или подробные инструкции по нападению достать было возможно, но достаточно проблематично. Сейчас буквально по мановению пальца на клавише на экране можно вызвать язык вражды в любой форме и любой сложности, да даже и рецепт бомбы для ближайшего рынка. В соответствии с Дополнительным протоколом к Европейской конвенции «О преступлениях в киберпространстве», под кибервраждой понимается *«распространение или предоставление доступа к материалу расистского и ксенофобного толка посредством компьютерных систем»*. В свою очередь, под «материалом расистского и ксенофобного толка» понимается *«любой печатный материал, любое изображение или любая манифестация идей или теорий, направленные на разжигание ненависти или унижение достоинства личности или группы по расовому, национальному, этническому, религиозному признакам, по цвету кожи и происхождению»*³. На сайте Антидиффамаци-

ционной лиги инструкции типа «сделай бомбу своими руками» также рассматриваются в аспекте кибервражды⁴.

Безусловно, чаще Сеть является не причиной преступлений, а лишь инструментом, но в случае детей и подростков, впервые столкнувшихся, например, с комиксом «Маленький фюрер», в котором маленький Гитлер уже творит зло по отношению к «неарийцам», именно Сеть может стать причиной преступлений.

Однако было бы нечестно сваливать проблемы и болезни человеческого общества на уникальный свободный ресурс. Баланс между ценностью свободы слова, а значит, осознанно не контролируемым интернетом, и недопустимостью языка вражды чрезвычайно важен для современного, прежде всего молодежного, сообщества. Именно Сеть является местом «тусовки» молодежи, и именно молодежь как социальная группа является одним из главных источников языка вражды и уж точно главной его жертвой. Именно молодежь разрисовывает ксенофобными граффити российские города, создает тематические сайты и блоги в интернете. В сводках о нападениях на почве ненависти в качестве жертв чаще всего фигурируют иностранные студенты, молодые антифашисты и просто молодые люди «нетипичной» внешности.

Зачем противодействовать кибервражде?

Кибервражда может являться причиной преступлений на почве ненависти, поскольку представляет собой информацию, возбуждающую агрессию. Сайты и форумы, аккумулирующие или транслирующие киберненависть, могут и зачастую являются центром притяжения и дискуссий, втягивающих новых жертв ультраправых идеологий.

Специфичность Сети позволяет подростку сформировать определенные ценности даже подсознательно. Широко известен пример иска против поисковой системы Google: на ввод слова jew (англ. «еврей») беспристрастная система выдавала первым номером в списке сайт *Jew Watch* (англ. «постовой по наблюдению за евреями») явно антисемитского содержания. У подростка с несформированной картиной мира и не критическим взглядом возникало представление, что сайт, находящийся в начале списка – это надежный источник информации, отражающий общепринятый взгляд на вещи. Были случаи, когда дети в американских

¹ h8 = hate – типичное сокращение, основанное на гомофонии h + цифры 8 (eight) и слова hate (ненависть, вражда) в английском языке. Используется в интернете, а также при передаче текстовых сообщений с помощью мобильных телефонов и т.д.

² Реже используются термины online hate (ненависть в режиме реального времени) и Internet hate (ненависть в интернете).

³ Additional Protocol to the Convention on cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems. Strasbourg, 28.I.2003 // INACH – International Network Against Cyberhate Международная сеть против кибервражды (<http://www.inach.net/content/cctreatyadduk.html>) – Перевод А. Денисовой.

⁴ Responding to Extremist Speech Online. 10 Frequently Asked Questions // ADL: Fighting Anti-Semitism, Bigotry and Extremism (http://www.adl.org/issue_combating_hate/10faq_extremist_online.asp).

школах включали данные с этого ресурса в свои школьные доклады, неосознанно пропагандируя ненависть.

И, наконец, кибервражда уже вызывает противодействие, которое манифестируется в хэк-тимах (от англ. hack team — команда взломщиков). Подобная кибервойна является частью противостояния, которое ведется между приверженцами националистических взглядов и антифашистами в «реале»: нападения представителей меньшинств, иностранных студентов в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Краснодаре, убийства и покушения на антифашистов, «праворусские» марши, с одной стороны, и уличные атаки «антифа» и срывы наци-концертов, с другой стороны.

Вражда в интернете: правовой и социальный контекст

Во многом благодаря неподконтрольности Сеть является уникальным барометром состояния общества, его точек кипения. Поиск ключевых слов «русские» или «евреи» в разделе «блоги» поисковой системы Yandex расскажет нам о тенденциях в молодежной среде лучше любого социологического опроса. Утрата подобной «лакмусовой бумажки» из-за избыточного контроля приведет к социальной напряженности в сообществе, свободу которого ограничивают. Если пользоваться репрессивными методами в борьбе с кибервраждой, то интернет-сообщество может повести себя как вода, которая, замерзнув в расщелине, разрывает скалу на части.

В соответствии с мировыми тенденциями к гуманизации законодательства представляется важным в целом выступать против репрессивного подхода к источникам языка вражды. Одновременно с этим важно осознавать необходимость своевременного наказания именно за преступление, которое было совершено в Сети или посредством Сети. Надо называть вещи своими именами и наказывать именно за корректно квалифицированное правонарушение.

Очевидно, что в молодежном сообществе России и, например, Европы «фашисты» и «антифашисты» действуют с разной степенью агрессивности. Складывается впечатление, что в таких странах, как Италия или Австрия, например, противостояние также существует, но преимущественно в рамках полемики идеологий: «обоюдоострые» граффити, наклейки, стэнсилы (от англ. stencils — трафаретные рисунки на асфальте, стенах, заборах и т.д.), комиксы, видеоклипы и другие артефакты, но лишь в редких случаях физическое насилие. В России пропагандисты ненависти на расовой почве слишком часто переходят от слов к делу.

По словам Зуреша Гровера, адвоката и директора «Мониторинг Групп» (Лондон), в Европе в той или иной степени разделяется применение politics (политических или законодательных мер) к преступлениям на почве ненависти и policy (общественных действий) к так называемому hate speech (языку вражды).

Американцы же твердо придерживаются максимы Рузвельта: «Тот, кто готов жертвовать свободой ради временной безопасности, недостойни того, ни другого». Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова всем, а значит, защищает всех провайдеров интернет-услуг от правовых претензий к контенту, помимо случаев прямого и непосредственного призыва к насилию.

В России, как известно, в самой публичной речи или публикации заключен весь corpus delicti, то есть объективные признаки преступления, а значит, язык вражды подконтролен правосудию. В нашем арсенале: Конституция, УК РФ, закон «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», закон «О противодействии экстремистской деятельности» (с оговорками) и другие законодательные акты.

Итак, в Европе область hate speech законодательно регулируется достаточно мягко, и насилие сравнительно редко выходит на улицы, в то время как в России есть жесткие нормы, но ситуация выходит из-под контроля. Можно предположить, что в России вражда по национальному признаку контролируется какими-то силами или хотя бы планировалась как подконтрольная. Верно и то, что пользоваться правовыми инструментами ни правоохранительные органы, ни общество в целом не умеют, к тому же разделяют ксенофобные предрассудки тех, кто совершает преступления на почве ненависти. В пользу этих гипотез говорит статистика, приведенная представителем НИИ Генпрокуратуры на семинаре центра «СОВА» и Совета по содействию развитию институтов гражданского общества при Президенте в октябре 2006 года: «30 % прокуроров, работников ФСБ и МВД не знают, как работать со статьей 282 и законом об экстремизме; 45 % считают, что есть народы, склонные нарушать закон».

Mortal Combat

Признавая слабость либеральной традиции в России, в том числе в сфере регулирования свободы слова, необходимо корректно определить адекватные меры противодействия проявлениям ненависти в интернете.

Язык вражды (и тексты, и изображения) могут находиться в интернете в различных формах: веб-страницы (сайты), чаты, форумы, блоги (например, Живой Журнал⁵), информационные рассылки т.д.

Можно выделить несколько видов эффективных действий:

- *общественные* (мониторинг и выпуск докладов, письма с публичным осуждением, сбор подписей под апелляцией к провайдерам/поисковым системам, общественная экспертиза текстов, создание контрсайта и т.д.);
- *правовые* (обращение в прокуратуру для проверки наличия признаков деяний, предусмотренных ст. 282 УК РФ, гражданский иск, лингвистическая экспертиза и т.д.);
- *образовательные и просветительские* (семинары и стажировки для журналистов интернет-изданий, размещение баннеров и кросс-ссылок и т.д.);
- *иные* (фильтры, хакерство и т.д.).

Мы не будем рассматривать политические действия (лоббирование законодательных актов, например), поскольку как раз законодательная база в России по данному вопросу достаточна.

Рассмотрим некоторые из этих действий на предмет адекватности их применения в конкретных случаях.

Обращение в прокуратуру на предмет содержания правонарушения, предусмотренного ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), в связи с текстом, размещенным в интернете, и текстом в любом другом публичном воспроизведении не имеет явных различий. Обращение по поводу материала, опубликованного на сайте-ретрансляторе, не является целесообразным, поскольку в случае возбуждения уголовного дела закроется не источник, а всего лишь копия.

В силу специфики интернета закрытие сайтов вообще не является наказанием, поскольку сайт при наличии копии информации на электронном носителе легко разместить на другом сервере, например, находящемся в США (однако существуют и позитивные результаты общественного давления на американских интернет-провайдеров). Видимо, наказанием должны быть внушительные штрафы создателям ресурсов или авторам текстов, причем с принуждением поместить опровержение по данному адресу.

Сайты — источники языка вражды с большим количеством посетителей в день (специальные счетчики помогут зафиксировать, популярен

⁵ www.livejournal.com

сайт или нет), безусловно, требуют обращения в прокуратуру. Однако и в данном случае необходимо внимательно сопоставлять, что ценнее: возможность открыто следить за деятельностью группы или уничтожение ресурса (или санкции против модераторов).

Вряд ли можно считать адекватной мерой арест человека только за переписку на форуме, где можно проследить какие-то признаки вражды (похоже, нередко участники форумов — это подсадные утки, которые провоцируют участников, тем самым пытаюсь разобраться, кто лидирует, кто слушает лидера и т.д.). Часто форум — это место, где участники разных убеждений «выпускают пар» или, как говорит Виктор Шендерович, «ненавидят друг друга 5 часов подряд в теплой дружеской обстановке».

Скорее такая переписка на форумах, носящая явно ксенофобский характер — повод для общественного осуждения, а вот высказывания на форуме как доказательства по делу о совершенном преступлении могут и должны быть проанализированы и приобщены к делу.

Отдельного внимания заслуживают методы, которыми производится доказывание, что текстовое сообщение является «действием, направленным на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе».

Известно несколько подходов к классификации проявлений языка вражды. Большинство исследователей (Наталья Муравьева, Наталья Ратинова, Михаил Кроз, Вера Малькова и другие) обобщали понятие «язык вражды» и не выделяли особенностей cyberhate. В силу лингвистических тенденций русского и английского интернет-языков к аббревиатурам (например, А.С.А.В.⁶), неологизмам (h8) и окказионализмам (медвед и т.д.), а также в силу насыщенности праворадикального дискурса различными сокращениями и символическими изображениями данное направление представляется перспективным для дальнейшего изучения.

Общественные действия гражданских организаций и публичных персон как форма противодействия проявлениям ксенофобии крайне важны по отношению ко всем формам проявления языка вражды. Не ирреальное искоренение элементов ксенофобии должно являться конечной целью, а именно общественная атмосфера неприятия проявлений ксенофобии.

Очевидно, что научному и правозащитному сообществу необходимо на постоянной основе заниматься мониторингом и выпуском докладов

⁶ А.С.А.В. — All cops are bastards (англ. «все полицейские — ублюдки»).

на тему проявлений кибервражды. Мониторинг англоязычного интернета проводят такие организации, как ADL (Anti-Defamation League) или INACH (International Network Against Cyber Hate). Общий мониторинг и выпуск докладов о ситуации в русскоязычном интернете — ресурс для развития⁷.

Сбор подписей под открытыми письмами с осуждением праворадикальной риторики на популярных сайтах — один из самых частых методов общественных действий. Стоит немедленно обнародовать факты угроз в адрес публичных персон, явно выражающих свою антифашистскую позицию, с помощью подобных открытых обращений, размещаемых на сайтах правозащитных организаций, в рассылках и электронных информационных бюллетенях.

Живой Журнал (ЖЖ) — это интернет-дневник. На него можно подписаться и регулярно получать обновления, которые оставляет создатель Журнала, и их комментировать. Уже разработана апелляция к специальной службе, занимающейся злоупотреблением свободой высказывания в ЖЖ (Abuse Team)⁸, с просьбой вынести предупреждение пользователю журнала на основе соглашения, которое подписывает каждый редактор при создании ресурса. Решение остается за Abuse Team, находящейся на территории США.

Создание контрсайта, то есть сайта с похожим названием, для того чтобы он отображался одним из первых при запросе в поисковой системе на ключевое слово, — это еще один из способов общественного противодействия. На таком ресурсе обычно размещают «информацию наоборот», чтобы сбалансировать вред, причиняемый сайтом языка вражды. В каком-то смысле это отвечает одному из девизов Антидиффамационной лиги «*Лучшее средство против слов, разжигающих ненависть, это еще больше слов, осуждающих их*».

В этом же ключе, по рецепту лидера Amnesty International Питера Бененсона, «зажигая одну свечу, а не проклиная темноту», необходимо действовать при проведении образовательных и просветительских мероприятий по толерантности и культуре речи, понимая, что это лучшее средство в долгосрочной перспективе.

⁷ Известные автору публикации: Дубровский Д.В., Карпенко О.В., Кольцова Е.Ю., Торчинский Ф.И., Шпаковская Л.Л. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003; Ахметьева Валерия. От классических проявлений ксенофобии к борьбе с силами зла // Полит.Ру. 2004. 25 октября (http://www.polit.ru/research/2004/10/25/hate_speech2.html).

⁸ Текст на английском языке можно получить по запросу, посланному на адрес ethnics@russiantolerance.org

Иные действия включают в себя пропаганду среди родителей установки фильтров на домашние компьютеры, которые не только блокируют доступ к сайтам, где размещены тексты или изображения, потенциально способные нести элементы кибервражды, но и отсылают к просветительским материалам по теме толерантности. Один из таких фильтров, ADL HateFilter™, можно бесплатно загрузить на свой компьютер с сайта АДЛ.

Хакерство, то есть различные нелегальные формы блокирования работы тех или иных интернет-ресурсов, широко используется как в сообществах праворадикальных групп, так и среди их противников. Так поступает та часть антифашистской молодежи, которая придерживается девиза «Ничего, из того, что мы говорим, вам не поможет!».

Чаще всего это взломы сайтов, форумов, почтовых ящиков и другие акции. В целом не приемля неправомерных методов борьбы с проявлениями фашизма, ксенофобии и национализма (хакерство само по себе является уголовно наказуемым деянием), приходится признать, что хакерские атаки порой могут предотвратить конкретные акты насилия. Обрушение форума, на котором происходит обсуждение нападения или массовой общественно опасной акции, подобно «Правому маршу» или нападениям во время концертных выступлений, иногда может спасти жизни конкретных людей. Однако это крайняя мера, на которую можно идти, только имея уверенность в огромном риске промедления при использовании других подходов.

В исключительных случаях представляется также адекватной схема, задействованная накануне «Русского марша» 4 ноября 2006 г. Сайт и форум основного организатора марша — ДПНИ были временно заблокированы, что сорвало подготовку общественно опасного мероприятия, но затем сайт продолжил работу на прежнем месте. Важно отметить, что данный способ адекватен лишь в случае использования его как схемы гражданского сопротивления в условиях бездействия государства⁹.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в данной статье, памятуя о девизе *primum non nocere* («Прежде всего не навреди»), сделана лишь попытка начать дискуссию об инструментах, которые помогут уменьшить процент ненависти в киберпространстве, не уничтожая уникальных черт глобальной Сети.

⁹ Автор, таким образом, рассматривает эти случаи хакерства как необходимую оборону. Однако нам представляется весьма сомнительным, что даже в крайних случаях хакерская атака подпадает под действие ст. 37 УК РФ (необходимая оборона), так как эта статья касается действий, предотвращающих непосредственную угрозу, а не подготовку к нападению. Поэтому мы против антифа-хакерства — Примеч. Центра «СОБА».

Михаил Кроз, Наталья Ратинова

От языка вражды к возбуждению ненависти: проблемы судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов СМИ

В последние годы отечественные исследователи масс-медиа все больше внимания уделяют проблеме отражения в средствах массовой информации межконфессиональных и, особенно, межэтнических отношений в российском обществе. Многие ученые предлагают оригинальные модели анализа текстов СМИ, касающихся этой проблематики. Так, этой теме посвящен цикл исследований В.К. Мальковой¹, работы С.А. Кусовой², И.В. Следзевского, В.Р. Филиппова и Е.О. Хабенской³ и др. Особо в этом ряду необходимо отметить многолетний мониторинг материалов прессы, осуществляемый в рамках исследовательского проекта «Язык вражды»⁴.

Одна из основных задач указанных исследований заключалась в оценке степени толерантности/интолерантности текстов СМИ, содержания публикаций прессы, посвященных этнической и религиоз-

ной тематике. Для этого ученые предлагали разнообразные методики диагностики ксенофобии в текстах масс-медиа. Основу этих методик составляли системы признаков (показателей) этнической и религиозной ксенофобии в сообщениях СМИ. Некоторые из них дают возможность не только выявить факт наличия, но и оценить степень интолерантности публикаций. Так, например, классификация видов языка вражды включает выделение отдельных его уровней в зависимости от степени жесткости (мягкий – средний – жесткий язык вражды). И.В. Следзевский и др. утверждают, что предложенный ими «классификатор содержательных интенций, направленных на формирование негативных этноконтактных установок и продуцирующих ксенофобию» представляет собой шкалу, отдельные элементы которой упорядочены в зависимости от степени общественной опасности интенций, провоцирующих межэтническую рознь.

Результаты отмеченных исследований в целом свидетельствуют о том, что за последние годы уровень этнической и религиозной ксенофобии в материалах СМИ значительно вырос. Интолерантные высказывания и целые публикации все чаще встречаются не только в маргинальных, националистических изданиях (для которых подобный стиль является нормой), но и во вполне респектабельных (или, по крайней мере, считающих себя таковыми), массовых газетах и журналах, как центральных, так и региональных, местных. При этом авторы подобных материалов все чаще не только пропагандируют ксенофобию, но преступают грань закона, возбуждая в обществе этническую и религиозную ненависть, а их публикации становятся предметом судебных разбирательств.

Авторы публикаций, провоцирующих этническую и (или) религиозную вражду, совершают преступление, предусмотренное статьей 282 Уголовного кодекса РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»)⁵. Вместе с тем правоприменители обычно сталкиваются с большими сложностями при расследовании подобных преступлений, сборе доказательств по делу. Поэтому, например, в 2002 году судами России по ст. 282 УК РФ были вынесены обвинительные приговоры в отношении лишь 4 человек, в 2003 году – 8, в 2004 году – 11 человек. В последние годы ситуация несколько изменилась: благодаря накопленному опыту предварительного расследования и судебного разбирательства дел данной категории в 2005 году были вынесены обвинительные приговоры в отношении уже 40 человек, а за первое полу-

¹ Малькова В.К. Методы диагностики этнической толерантности в СМИ // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М.: Альтекс, 2002. С. 99–168; Она же. Этническая журналистика и толерантность // Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: Альтекс, 2002. С. 29–48; Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...»: книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М.: Academia, 2005.

² Кусова С.А. Россия между «Норд-Остом» и Бесланом. По материалам федеральных СМИ. М.: Academia, 2005.

³ Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Преодоление ксенофобии в СМИ. Аналитический отчет о результатах исследования // Сайт Международного института гуманитарно-политических исследований, 2004 (http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1101820840.html).

⁴ Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002. Кожевникова Г.В. Язык Вражды в предвыборной агитации и вне ее. Мониторинг прессы: сентябрь 2003 – март 2004 г. М.: Центр «СОВА», 2004.

⁵ В некоторых случаях их действия квалифицируются по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»).

годие 2006 года — 14 человек⁶. Вместе с тем приведенные цифры, даже за последние годы, не отражают реального распространения криминальной ксенофобии в масс-медиа, поскольку подобные преступления обладают высокой латентностью, как естественной (незаявленные преступления), так и искусственной (скрытые преступления)⁷.

Известно, что одним из основных видов доказательств по такого рода уголовным делам являются заключения судебных экспертиз, в которых оценивается смысловая направленность спорных материалов СМИ, ставших предметом судебного разбирательства. Низкое качество многих подобных экспертиз, грубые ошибки, допущенные экспертами (а также и правоприменителями при постановке вопросов к экспертам), их некомпетентность, а в некоторых случаях и явная необъективность, ангажированность служат причиной того, что подобные уголовные дела зачастую закрываются на стадии предварительного расследования или «разваливаются» в суде.

Сложности экспертной оценки ксенофобских материалов часто бывают связаны с низким уровнем специальной подготовки многих экспертов или с неадекватным назначением в качестве экспертов лиц, не владеющих специальными познаниями в требуемой области науки, методами анализа текстов СМИ. Кроме того, эти проблемы имеют и объективную природу: они определяются сложностью проведения подобных

⁶ Материалы судебной статистики не дают информации о том, сколько лиц было осуждено за публикацию ксенофобских материалов именно в СМИ по сравнению, например, с авторами книг, ораторами на митингах и т.д., публично распространявшими таким образом свои противоправные идеи. Некоторые данные по этому вопросу содержатся в материалах многолетнего мониторинга, проводимого Информационно-аналитическим центром «СОВА» в рамках проекта «Противодействие радикальному национализму» (см., например: Кожевникова Г.В. Радикальный национализм и противодействие ему в 2004 году // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Центр «СОВА», 2005. С. 11–43; Она же. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 году // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «СОВА», 2006. С. 9–53), но они также не являются исчерпывающими.

Можно добавить, что в некоторых случаях по ст. 282 УК квалифицировались насильственные преступления, вовсе не связанные с пропагандой — *Примеч. ред.*

⁷ Латентные преступления в криминологии — это «деяния, содержащие запрещенные уголовным законом элементы, о которых не сообщалось в правоохранительные органы (незаявленные или неизвестные преступления) либо сообщалось, но они не получили должной правовой оценки и реагирования в правоохранительных органах (скрытые)». См.: Горяинов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы с ней // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. Сборник материалов международного семинара. М., 1993. С. 21.

исследований, недостаточной разработанностью специальных методик, необходимостью производства комплексных экспертиз либо последовательных экспертиз различного профиля. Так, например, упоминавшиеся выше методики анализа толерантности/интолерантности публикаций масс-медиа малопригодны для нужд правосудия и не могут применяться в судебно-экспертном исследовании, поскольку они разрабатывались для решения иных, прежде всего исследовательских задач, а использованные в них понятия и термины («язык вражды», «интолерантная этническая информация», «интенции, продуцирующие ксенофобию» и т.д.) никак не связаны с терминологией уголовного закона и не могут служить критериями для экспертной оценки.

К настоящему времени в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ разработана методика судебно-экспертной оценки спорных материалов СМИ, иной печатной, аудио- и видеопродукции, публичных выступлений, являющихся предметом судебного разбирательства. Эта методика с успехом применяется на практике при проведении судебных экспертиз и научного консультирования правоприменителей. Так, только в отделе юридической психологии НИИ при Генеральной прокуратуре РФ за 2002–2006 годы с ее использованием было подготовлено более 110 письменных внепроцессуальных научных консультаций по запросам правоприменителей. Примерно в половине этих консультаций анализировалась смысловая направленность материалов СМИ (в остальных случаях объектами исследования служили книги, листовки, материалы с интернет-сайтов, различная видеопродукция, материалы публичных выступлений и даже произведения искусства).

Методология и методика подобного исследования подробно описана в наших публикациях, поэтому мы не будем на ней специально останавливаться⁸. Отметим лишь, что предметом подобной судебной психолингвистической экспертизы является, как уже отмечалось, смысловая направленность спорного материала, а основным методом исследования

⁸ См., например: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2005; Ратинов А.Р., Коньшева Л.П., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений // Юридическая психология. Сборник научных трудов. Выпуск третий. Ч. 1. М., 2005. С. 63–83; Кроз М.В., Ратинова Н.А. Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти... С. 75–91; Кроз М.В., Ратинова Н.А. Участие психолога в прокурорских проверках и расследовании преступлений о возбуждении национальной, расовой, религиозной, социальной вражды. Научно-методическое пособие. М., 2006.

служит качественный критериально ориентированный социально-психологический и психолингвистический анализ сообщения СМИ (его содержания, структуры, языка, невербальных компонентов и др.).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых сложных моментах судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов, проиллюстрируем их на примерах научных консультаций, выполненных в разные годы по материалам различных печатных СМИ, как центральных, так и региональных. При этом мы специально не рассматриваем примеры из маргинальных националистических изданий, поскольку призывы к возбуждению национальной, расовой, религиозной или социальной вражды в них, как правило, выражены прямо, четко, ясно, недвусмысленно и, по нашему мнению, не требуют какого-либо специального исследования ни в рамках судебной экспертизы, ни в рамках научной консультации. Соответственно, оценка противоправной направленности подобных текстов вполне доступна любому юристу (дознавателю, следователю, прокурору, судье), грамотно владеющему русским языком.

Диагностика приемов коммуникативного воздействия в материалах СМИ

Одной из задач судебно-экспертного психолингвистического исследования спорных материалов СМИ является диагностика специальных приемов, применяемых авторами для повышения эффективности воздействия сообщения на аудиторию. Вычленение и описание подобных приемов, использованных в публикациях масс-медиа, служит существенной частью психолингвистического и социально-психологического анализа текста, поскольку их использование свидетельствует о целенаправленном характере действий автора по пропаганде ксенофобских идей, его стремлении донести свои взгляды до читателей (зрителей, слушателей), привлечь их внимание, сформировать соответствующие установки.

Для реализации авторского замысла и достижения наибольшего пропагандистского воздействия может применяться крайне широкий спектр специальных приемов, как психологических либо языковых по своей природе, так и технических, опирающихся на особенности используемого средства массовой информации и специфику предоставляемых этим каналом связи возможностей.

В научной литературе описано большое количество приемов и средств воздействия на аудиторию. При этом их называют по-разному: приемы, способы, методы психологического, информационно-психологического, пропагандистского, манипулятивного, речевого, языкового воздействия

и др. Используя социально-психологическую традицию исследований, мы называем их **приемами коммуникативного воздействия**, поскольку все они применяются в процессах массовой коммуникации.

Подавляющее большинство приемов базируется на использовании одного из двух основных **методов** воздействия: убеждения или внушения.

Убеждение основано на обращении к сознанию людей посредством логической систематизации и упорядочения фактов, выводов, умозаключений, подтверждающих открыто декларируемый тезис, с целью добиться согласия аудитории (или собеседника) с высказанной точкой зрения. Обязательным условием убеждения является строгое следование правилам логики, поскольку оно апеллирует к рациональному мышлению субъекта, его разуму⁹.

Во многих приемах воздействия, применяемых в материалах СМИ для возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды, убеждение аудитории зачастую достигается за счет различного рода скрытых манипуляций информацией, подтасовок, казуистических выкладок, ложных посылок, неправильно построенных умозаключений и т.п. С их помощью недостоверные сведения приобретают вид внешне объективных, точных и логичных. Скрытые в способах подачи информации логические противоречия неподготовленному читателю (зрителю, слушателю) не так-то легко выявить и осознать.

Внушение — это метод воздействия, рассчитанный на некритическое восприятие сообщения субъектом. Воздействие здесь ориентировано не на рассудок, а на эмоциональную сферу; не на сознание, а на бессознательное. Оно не нуждается в доказательствах и логике и предполагает не согласие субъекта с высказанным суждением, а простое принятие информации без ее активного и целенаправленного анализа. Таким образом, в основе внушения лежит ослабление действия сознательного контроля, осуществляемого индивидом в отношении воспринимаемой информации.

Непосредственным результатом убеждения и внушения является формирование у аудитории определенных социальных установок в отношении объектов, упоминавшихся в сообщении СМИ, либо закрепление уже имеющихся установок, либо, наконец, изменение установок, которые противоречат целям осуществляемого воздействия. Несмотря на различие принципов, лежащих в их основе, убеждение и внушение, дополняя друг

⁹ См.: Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. С. 156; Социальная психология: краткий очерк. М.: Политиздат, 1975. С. 164–165.

друга, используются в каждом акте общения, в том числе и в массовых коммуникативных процессах¹⁰.

Кроме того, значительная часть подобных приемов (хотя и далеко не все) имеет манипулятивную природу. С точки зрения психологии, **манипуляция** представляет собой разновидность психологического воздействия, направленного на скрытое возбуждение у субъекта желаний, не совпадающих с его актуальными потребностями; косвенное внедрение в его психику целей, намерений и установок для побуждения к совершению нужных манипулятору действий. Манипулятивные приемы воздействия могут использоваться как при убеждении (например, искажение информации, различного рода подтасовки, ложь), так и при внушении (например, различные способы эмоционального давления, воздействие на подсознание, минуя сознание).

Недобросовестные публикаторы, пропагандируя идеи расизма, национализма и ксенофобии, используют в своих материалах разнообразные, зачастую весьма изощренные приемы воздействия на аудиторию. Систематизированный обзор способов подобного воздействия приводится в одной из наших работ¹¹. Здесь же представляется целесообразным рассмотреть некоторые из подобных приемов на примере конкретных публикаций СМИ.

Ярким примером сообщения СМИ подобной направленности является статья Галины Сапожниковой «Будут ли русские чтить Коран и есть рис палочками?», опубликованная в газете «Комсомольская правда» (2003. 8–10 июля), научная консультация по смысловой направленности которой проводилась одним из авторов настоящей статьи. Материал этот посвящен обсуждению проблем миграции; взаимоотношений переселенцев с коренным населением, этнокультурным и бытовым конфликтам, которые возникают в связи с этим; демографическим изменениям, происходящим в России вследствие массового притока мигрантов. Статья представляет значительный интерес для исследователя, поскольку в ней был использован весьма широкий спектр приемов коммуникативного воздействия на читателей, как вербальных (словесных), так и невербальных. В связи с этим мы подробнее остановимся на аналитическом разборе данного материала.

Одним из приемов пропагандистского воздействия на аудиторию, наиболее часто используемых в публикациях СМИ на этническую тематику, является **эксплуатация страхов и опасений людей оказаться жертвами**

преступления. Как было установлено в специальных социально-психологических исследованиях, нагнетание страха в сообщении (до определенного, «оптимального» уровня) обычно повышает эффективность убеждающей коммуникации¹².

Авторы материалов в СМИ нередко преднамеренно делают акцент на этническом характере преступности (кавказская, чеченская, азербайджанская, цыганская мафии и т.д.), направленной против коренного населения. В результате у аудитории складывается представление о тотальной криминальности тех или иных этнических групп, формируются и подкрепляются этнические стереотипы, усиливаются и подпитываются новыми аргументами предубеждения и предрассудки.

Аналогичным образом воздействуют сообщения СМИ, посвященные проблемам массового наплыва в регионы с традиционно моноэтническим населением иноязычных мигрантов с иными культурными традициями и вероисповеданием¹³.

В статье «Будут ли русские чтить Коран и есть рис палочками?» Г. Сапожникова утверждала: *«Патриотом такой новообращенцу в одночасье все равно не станет: менталитет, вероисповедание, привычки, взгляды, образование – данные не паспортные».* Обсуждая эти самые привычки, автор высказывала мысль о том, что *«У нас с кавказцами вообще разные представления о работе. В их понимании работать – это крутиться, в нашем – вкалывать до седьмого пота».*

Обсуждая проблемы криминализации мигрантов, Г. Сапожникова использовала такой психологический прием как **односторонняя подача сообщения**, т.е. изложение «аргументов и фактов», лишь подтверждающих мнение автора. В публикации приводились только такие примеры, в которых потерпевшей стороной оказывались представители коренного населения, тогда как приезжие описывались как агрессивные, циничные, представляющие опасность для мирных граждан.

Говоря о проблемах турок-месхетинцев, автор делала вывод: *«Через несколько лет на улицы выйдет плохо образованное поколение молодых и агрессивных настроенных к окружающему миру мужчин, не связанных с местным населением ни дружескими, ни родственными узами... Единственными доступными хобби которых будут работа и армия».* Г. Сапожникова, по сути, с некоторыми оговорками солидаризировалась с утверждением,

¹² Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2004. С. 240.

¹³ Здесь и далее другим шрифтом выделены фрагменты собственных консультативных заключений, включенных авторами в текст статьи – Примеч. ред.

¹⁰ См.: Андреева Г.М. Указ соч. С. 155–156; Социальная психология. Краткий очерк. С. 166–167; Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. С. 51.

¹¹ Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Указ соч. С. 123–186.

которое называла народным убеждением: *«Всяк южанин если не вор, то мошенник. Оно, конечно, сильно преувеличено, но повод для этого есть».*

Еще одним приемом, использованным в данной публикации для формирования негативного образа переселенцев, **являлась апелляция к мнению компетентных (с точки зрения автора) экспертов, опора на суждения авторитетных лиц.**

Обсуждая проблему «засилья» приезжих на юге России, автор ссылалась на мнения начальника отдела Совета безопасности Ставропольского края Василия Шнюкова, атамана Крымского казачьего района Сергея Шелковских, директора школы в станице Новобакинской Людмилы Кан. Следует отметить, что все приведенные мнения содержали лишь негативные оценки мигрантов, их личности и образа действий. Иные позиции в тексте статьи не приводились.

В статье Г. Сапожниковой наряду с другими применялся такой прием как **использование вопросительных форм как способ языкового воздействия на аудиторию.** Как известно из исследований лингвистов, философов и психологов, во многих случаях вопросы являются более эффективным способом воздействия оратора (публикатора) на слушателей (читателей), чем повествовательные предложения. Это связано с тем, что в структуре речевого акта вопросительные предложения обладают наибольшей диалогичностью. Они привлекают внимание аудитории, активизируют ее и вовлекают в коммуникативное взаимодействие с автором сообщения (как непосредственно — в ситуации публичного выступления, так и опосредованно, в форме внутреннего диалога — при восприятии письменного текста).

В публикациях СМИ наибольшей силой воздействия на аудиторию обладают вопросы, вынесенные в заголовок (подзаголовок) материала. Они организуют и направляют внимание читателей, скрыто формируют у них соответствующие установки при восприятии всего последующего текста. Как отмечают специалисты, *«вопросительные по форме заголовки дают возможность не только подать информацию компактно, но и передать целую гамму авторских целеполаганий: от оценок и обвинений до сомнений и надежд»*¹⁴.

Примером такого использования вопросительных форм в газетных заголовках может служить разбираемая нами статья Г. Сапожниковой. Первая часть статьи была посвящена обсуждению ряда бытующих в общественном сознании негативных стереотипов (мифов) в отношении иммигрантов, при-

¹⁴ Вахтель Н.М., Муртада К.С. Вопрос в позиции газетного заголовка. Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. С. 3.

бывающих в Россию как из ближнего, так и из дальнего зарубежья. Эти стереотипы были вынесены в подзаголовки: *«Россия задыхается от нашествия мигрантов?»*, *«Они женятся на наших женщинах и приживаются здесь при помощи браков?»*, *«Большинство преступлений совершают кавказцы и прочие гости с юга?»*, *«Мигранты захватили лучшие экономические позиции, лишив русских рабочих мест?»*, *«Русский народ вымирает?»*.

Каждый подзаголовок был графически выделен, бросался в глаза. Несмотря на то, что все они были снабжены вопросительными знаками, что формально означает постановку проблемы, подзаголовки могли восприниматься читателем как утверждения. Текст подразделов был построен по единой схеме: излагался некий миф о приезжих, который вроде бы опровергался объективными данными, после чего выносилось окончательное суждение автора, которое сводилось, по сути, к тому, что «в данном мифе содержится немалая доля истины». Таким образом, содержание подраздела подтверждало идею, заложенную в заголовке.

Психологическое воздействие статьи на читателя усиливалось за счет использования невербальных средств — приводимых графических материалов: фотографий, графиков и др. Так, статья иллюстрирована рядом фотографий, на большей части которых запечатлены люди с «неевропейской» внешностью — иммигранты. Подписи к фотографиям были взяты из текста самой публикации и отражали авторскую позицию и отношение к обсуждаемой проблеме: под фотографией азербайджанца, торгующего на рынке — *«Может ли в роли торговца оказаться русский человек в Баку? Вряд ли»*; под снимком группы женщин в национальных костюмах — *«Еще пять миллионов таких искателей лучшей жизни — и социальный взрыв нам обеспечен»*.

Все это косвенно способствовало формированию и подкреплению у читателей негативных установок и отрицательного отношения к лицам иной этнической и религиозной принадлежности.

Выше уже отмечалось, что одним из приемов коммуникативного воздействия на аудиторию является **односторонняя, тенденциозная подборка в сообщении сведений и аргументов, обосновывающих и подтверждающих позицию автора.** Данный прием широко используется в материалах СМИ этнорелигиозной тематики, зачастую — для обоснования ксенофобских идей и выводов автора. При этом **объектом подобного рода манипуляций могут служить различные статистические данные, подборки цитат авторитетных лиц, мнения свидетелей описываемого события, исторические факты и т.д.** Рассмотрим на двух конкретных примерах, как этот прием используется недобросовестными публикаторами при возбуждении межэтнической вражды.

В журнале «Российская Федерация сегодня» (2004 г., № 18. С. 62–65) была опубликована статья «Чечня. 1920–1943 годы» Юрия Веремеева, представленного как военный историк. Она была посвящена истории взаимоотношений чеченского и ингушского народов с российским государством с XVIII века по 1944 год. Наиболее детально анализировались отношения за период 1920–1944 гг.

Консультант-психолог, один из авторов настоящей статьи, изучавший данный материал, не мог точно и достоверно оценить, в какой степени многочисленные исторические сведения, приводимые Ю. Веремеевым, соответствуют действительности, являются научными фактами, поскольку такого рода анализ выходит за рамки профессиональной компетенции психолога (его должен проводить историк). Вместе с тем психологический анализ этой публикации показал, что для обоснования своей позиции автор использовал указанный выше прием коммуникативного воздействия на аудиторию – **одно-стороннюю и тенденциозную подборку исторических сведений**. Поэтому для оценки общей смысловой направленности статьи не так уж существенно, являются ли данные сведения достоверными или ложными.

Предвзятость позиции автора, проявлялась, в частности, в подборе фактов, касающихся взаимодействия Чечни и России. В статье оно было представлено как практически непрерывное военное противостояние, боевые действия между чеченскими отрядами и российскими войсками, начиная с 1732 года (исторически первая точная дата, указанная в материале) до середины XX века. Автор скрупулезно приводил данные вплоть до численности отдельных войсковых частей и вооруженных формирований противников, количества и качества их вооружений, хода боевых действий, числа потерь обеих сторон и т.д. Так, например, Ю. Веремеев указывал, что *«Всего с 1920 по 1941 год только на территории Чечни и Ингушетии произошло 12 крупных вооруженных восстаний (с участием от 500 до 5000 боевиков) и более 50 менее значительных»*.

В наибольшей степени присущая автору тенденциозность проявилась при описании действий чеченцев и ингушей во время Великой Отечественной войны. Ю. Веремеев детально описывал случаи дезертирства вайнахов, приводил число лиц, уклонившихся от призывов в армию, указывал на отдельные факты предательства, историю деятельности подпольных антисоветских организаций, созданных в военный период на территории Чечни. При этом он, однако, не приводил ни одного факта мужества и героизма, проявленного на фронтах военнослужащими-чеченцами или ингушами, не указывал, сколько вайнахов были награждены боевыми орденами и медалями. У читателя могло возникнуть впечатление, что таких случаев в принципе не было на протяжении всей Великой Отечественной войны. В

результате использования подобной односторонней аргументации в тексте публикации был сформирован негативный образ этноса, практически всем представителям которого фактически приписывалось участие в «антигосударственной деятельности».

Вся эта тенденциозность была необходима автору для обоснования вывода, который он сделал в конце статьи. Этот вывод заключался в оправдании преступной депортации чеченцев и ингушей в 1944 году. Он писал: *«Проблема взаимоотношений горцев и России хоть и жестокими методами, но была решена, дав Кавказу мир и спокойствие на долгие годы»*. Более того, автор утверждал, что депортация пошла на пользу самим чеченцам и ингушам, которые впервые смогли сами прокормить себя, не прибегая к набегам и грабежу (*«...наличие пахотных земель и обширных пастбищ позволило спецпереселенцам наладить собственное сельскохозяйственное производство и обеспечить себя продовольствием, что было практически невозможно сделать на территории ЧИ АССР»*), а также дала *«...горцам возможность стать по-настоящему полноправными гражданами страны, возможность жить, трудиться, растить детей, не попадая в заложники чьих-то националистических, сепаратистских идей, а то и просто своекорыстных интересов»*. Таким образом, по Ю. Веремееву, для того, чтобы чеченцы и ингуши впервые смогли *«стать по-настоящему полноправными гражданами страны»*, их сначала необходимо было депортировать.

В целом основное содержание данной статьи, ее «коммуникативный посыл» можно в сжатом виде сформулировать таким образом. Насильственное переселение вайнахов в другие регионы страны явилось закономерной реакцией государства на проводимую чеченцами и ингушами на протяжении столетий политику неповиновения властям в форме военного противостояния с Российской Империей и Советским Союзом. Депортация оказала позитивное влияние на жизнь народов Кавказа, в том числе и на самих депортированных чеченцев и ингушей.

В некоторых случаях субъективизм автора публикации, тенденциозность подбора информации бывают обусловлены объективными этнополитическими факторами. Проиллюстрируем это на конкретном примере. В Генеральную прокуратуру РФ была направлена жалоба представителей политических партий и общественных объединений Республики Северная Осетия – Алания – участников Круглого стола «Гражданское общество». Поводом для нее послужило распространение в сети Интернет статьи Хаджимурата Костоева под названием «Ингуши не желают жить в Осетии, а рвутся к себе домой – в Ингушетию. Ответ осетинским “аналитикам” на их безнравственный вопрос в газете “Осетия сегодня»». По мнению заявителей, содержание данной публикации было направлено на разжигание этнической вражды.

Предваряя анализ конкретного материала, необходимо отметить ряд общих моментов, существенных для оценки смысловой направленности указанной статьи. В ситуации длящихся межэтнических конфликтов (каковым является осетино-ингушский) с неизбежностью происходит поляризация и радикализация позиций его участников. Осетино-ингушский конфликт уходит своими корнями в далекое прошлое, он многократно обострился в советское время при ликвидации Чечено-Ингушской автономии и депортации вайнахских народов. В наше время он вылился в конфликт по поводу спорной территории, которую каждая из сторон считает своей. Этот конфликт в 1992 году привел к вооруженному противостоянию между ингушами и осетинами, после чего отношения между ними до сих пор находятся в состоянии «холодной войны». Трагические события в Беслане осенью 2004 года послужили еще одним поводом для обострения этих отношений.

Каждая из вовлеченных в межэтническое противостояние сторон воспринимает и оценивает ситуацию сугубо пристрастно, склонна усматривать во всех происходящих негативных событиях «вражескую руку», «происки соседей».

При этом существенно, что в межнациональных конфликтах, особенно сопряженных с насилием, вооруженными столкновениями, тенденциозность информации, распространяемой одной стороной, бывает задана действиями другой. Взаимообвиняющие и взаимоопровергающие публикации каждой из сторон необходимо оценивать в их взаимосвязи и взаимозависимости, но главное – с учетом политико-правовой и социально-психологической ситуации конфликта. Сказанное непосредственно относится и к анализируемой статье.

Статья «Ингуши не желают жить в Осетии...» представляла собой обширный авторский материал (20 страниц), разбитый на ряд подразделов: «Чужой земли не надо нам ни пяди...»; «Беслан – детонатор взрыва национализма»; «Демографический “ларчик”»; «Сущность и специфика осетинского патриотизма»; «Казачья и русскоязычная “карта”». Публикация, по сути дела, являлась продолжением информационного противоборства осетинских и ингушских политиков и журналистов. По утверждению автора, поводом для ее написания стала публикация в газете «Осетия сегодня» развернутого материала осетинского аналитического центра «Согласие и стабильность». Судя по приводимым цитатам (правда, вырванным из общего контекста), данная публикация содержала некорректные, оскорбительные и провокационные высказывания в адрес ингушей. Ответная статья была выдержана в том же тоне.

Пожалуй, самый обширный по объему и наиболее насыщенный по тяжести выдвигаемых против осетин обвинений раздел статьи Костоева был посвящен оценке участия данного народа в Великой Отечественной войне. Причем оценка эта была сугубо негативной. «Осетия готовила почву для братания с немцами», «в Осетии не желали воевать с немцами». Автор

утверждал, что предательства осетин во время войны носили массовый характер, он цитировал некое обращение Ж. Чехоевой в ЦК КПСС, в котором утверждалось, что «С начала войны по сентябрь 1944 г. в Северной Осетии было зарегистрировано 4366 дезертиров и 861 уклонистов, всего 5227 человек. Это самый высокий показатель среди всех регионов Северного Кавказа». Автор писал, что многочисленные предатели-осетины «в годы войны в фашистских формированиях приспособились к высоким военным должностям. А сколько их было на рядовых ролях предателей Родины? Изменники Родины осетинской национальности, как явствуют многие материалы, в борьбе с Красной Армией совершали чудовищные по жестокости преступления». Костоев утверждал, что «... по скудной и совершенно неполной информации более 10 тысяч осетин, в том числе далеко не рядовые, находились в армии дезертиров, уклонистов, предателей, участвовали в депортации народов».

Наряду с общими утверждениями о якобы предательских действиях осетин в годы войны Костоев называл множество конкретных фамилий осетин, по его словам, перешедших на сторону фашистов и служивших в карательных подразделениях.

Автор крайне скептически отзывался и об осетинах – героях войны. Он обещал что «со временем на примере трех-четырех кавалеров (имеются в виду Герои Советского союза – *Примеч. авт.*) мы обязательно расскажем, как некоторые осетины становились “героями”». Поставленные здесь знаки препинания (слово «герои» было взято Костоевым в кавычки) означали, что, по мнению автора, данные лица героями никак не являлись.

Психологический анализ статьи Х. Костоева выявил в указанной публикации многочисленные признаки, характеризующие возбуждение национальной ненависти по отношению к осетинам. Эта публикация являлась одновременно и возбуждающей вражду к осетинскому народу у ингушей, и оскорбляющей достоинство представителей осетинского народа.

В статье была представлена версия событий дальней и близкой истории осетино-ингушского конфликта в освещении ингушской стороны. Подлинность приведенных фактов, обоснованность суждений, истинность выводов не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты анализом самой статьи. Это можно сделать лишь на основании объективного исследования достоверно установленных и доказанных фактов. Весьма вероятно, что автор замалчивал невыгодные для ингушской стороны обстоятельства, делал акцент лишь на информации, положительно характеризующая ингушей и их действия, и сугубо негативно – осетин. В результате подборка и изложение фактов, характер аргументов и выводов отличались крайней тенденциозностью и пристрастностью. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что данная публикация являлась ответом на другие (судя по приводимым в статье Кос-

тоева цитатам – не менее тенденциозные), материалы, опубликованные в осетинской печати. Этим она отличалась от предыдущего примера, в котором необъективность подхода, вероятно, была обусловлена личной позицией автора (Ю. Веремева).

Завершая краткий обзор некоторых приемов коммуникативного воздействия на аудиторию, следует отметить, что наиболее часто целые комплексы такого рода манипуляций встречаются не в публикациях СМИ, а в более объемных материалах, в первую очередь в книгах. Соответственно, обзор примеров их использования недобросовестными публикаторами в целях возбуждения ненависти выходит за рамки настоящей статьи.

Публикации «на грани фола»: проблемы оценки

Многие исследователи, изучающие ксенофобию в СМИ и использующие специальные шкалы для оценки степени толерантности/интолерантности материалов масс-медиа и отдельных высказываний, сталкиваются со значительными затруднениями при оценке конкретных публикаций прессы, отнесении их к той или иной градации применяемой шкалы (например, к «среднему» или «жесткому» языку вражды). Так, А. Верховский отмечает, что «во-первых, невозможно методологически четко определить границы между категориями жесткости. Во-вторых, жесткость реального воздействия определяется не только самим видом, но и интенсивностью, выразительностью Языка вражды в каждом конкретном случае»¹⁵.

Аналогичная ситуация зачастую складывается и при смысловой оценке материалов СМИ в рамках судебно-экспертного или консультативного исследования, поскольку критерии оценки здесь, как и в других видах исследований, имеют качественный и описательный характер. В результате в некоторых, наиболее сложных случаях практически неизбежны разночтения, несовпадения позиций экспертов, как одной, так и разных специальностей, поскольку сами публикации балансируют «на грани фола» – между нарушением стандартов профессиональной журналистской этики и требований закона.

Как уже отмечалось, предметом экспертизы в обсуждаемом случае является смысловая направленность сообщения, а не мотивация ее автора (либо редактора или издателя СМИ). Вместе с тем анализ многих публикаций, проведенный авторами настоящей статьи, показал, что серьезные проблемы с оценкой сообщений СМИ возникают, как пра-

вило, когда автор не имел выраженной мотивации пропагандировать национальную или религиозную ненависть, а допустил некорректные или противоправные высказывания в силу других причин. К таким причинам, в частности, относится стремление привлечь внимание аудитории к материалу, заинтересовать, увлечь читателей, наиболее остро и выразительно поставить проблему и т.д. Некоторые журналисты в этих случаях прибегают к эпатажу, шокированию аудитории, «ради красного словца не жалеют и родного отца», а уж тем более – представителей тех этносов и конфессий, о которых идет речь в материале.

Зачастую такого рода эпатаж, нарушение профессиональных этических норм и требований допускается не в тексте сообщения, иногда вполне корректном и толерантном, а в заголовке к нему, иллюстративных материалах, графически выделенных врезках или в анонсе публикации на обложке издания. Во всех этих случаях авторы (редакторы, издатели) используют специальные приемы и средства для привлечения внимания аудитории к материалу. Подобные способы влияния на читателей способны усилить эффект пропагандистского воздействия (например, достаточно нейтральная по направленности и форме изложения статья иллюстрируется злобной карикатурой), уточнить и конкретизировать авторский замысел, придавать иной смысл всему материалу, расставлять акценты при восприятии публикации читателями. Такие средства могут также ориентировать читателей в материале, задавать направленность их ассоциаций, «подсказывать» скрытые в тексте смыслы, определять его «семантическое пространство» и т.д.

Так, например, в журнале FHM (номер за июль 2004 г.) было опубликовано интервью с известным тележурналистом Владимиром Познером, послужившее объектом прокурорской проверки. Следует сразу отметить, что ответы Познера на вопросы интервьюера были крайне корректны и выдержаны, они не содержали не только противоправных, но даже и интолерантных высказываний. К сожалению, этого нельзя сказать об анонсе интервью, помещенном на первой странице обложки журнала: «Православие это беда. Интервью с Познером» (пунктуация источника сохранена).

Автор заявления в прокуратуру, на основании которого проводилась проверка, обвинил журнал в оскорблении религиозных чувств граждан и разжигании религиозной розни. При этом он справедливо отмечал, что фраза, вынесенная в анонс, в буквальном смысле не содержится в интервью Познера. Действительно, эта фраза была просто «с мясом» вырвана из одного высказывания журналиста. Изъятая из контекста интервью, она приобрела провокационный смысл, совершенно иной, нежели тот, который Познер в нее

¹⁵ Верховский А.М. Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... С. 42.

вкладывал, рассуждая об истории России. В данном случае редакция ФНМ использовала такой **прием манипулирования информацией, как неточное цитирование**, приводящее к искажению смысла сказанного В. Познером.

Понятие «беда» в русском языке выражает отрицательную оценку явления или события¹⁶. Таким образом, во фразе «православие это беда» содержится негативная характеристика православия, и заявление в прокуратуру (поступившее, вероятно, от верующего гражданина) было во многом обосновано.

На это можно было бы возразить, что журнал ФНМ не предназначен для религиозной аудитории. Действительно, анализ содержания номера показал, что издание представляет собой классический образец так называемой «мужской» развлекательной прессы, рассчитанной на молодую, весьма раскрепощенную аудиторию, интересующуюся разнообразной, но поверхностной информацией, зачастую носящей скандально-эпатажный характер. Значительное число текстов в издании написано в ироническом тоне, содержащиеся в них сведения подаются в качестве примеров глупости, нелепости. ФНМ не рассчитан на серьезное прочтение и отношение к приводимым в нем сведениям. Соответственно, к числу читателей, на которых ориентировано издание, никак не относятся люди, придерживающиеся религиозных убеждений, в том числе исповедующие православие.

Вместе с тем журнал продавался во всех торговых точках по распространению прессы, а обсуждаемое высказывание было вынесено на его обложку. Более того, увеличенное изображение первой страницы обложки этого номера ФНМ демонстрировалось на рекламных щитах в Москве в течение длительного времени. Соответственно, «аудитория» обложки была значительно больше числа реальных читателей издания, она включала и глубоко верующих людей православного вероисповедания, безусловно оскорбленных провокационной фразой, которая, на наш взгляд, вполне заслуживала серьезной правовой оценки.

Сходный прием коммуникативного воздействия на аудиторию использовался в статье А. Башлыкова «Храм кришнаитов построят на американские деньги», опубликованной в московской газете «Округа» от 2 марта 2004 г. В ней обсуждалась весьма актуальная и злободневная в то время проблема строительства кришнаитского храма в Москве. Автор предоставлял слово сторонникам противоположных точек зрения: руководителю отдела общественных связей Московского общества сознания Кришны Игорю Аниканову

¹⁶ См., например: «беда» – «то же, что и несчастье», «несчастный случай, горестное событие, что-то плохое, огорчительное» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003. С. 38; Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Т. 1. С. 99).

и руководителю секретариата по взаимодействию Церкви и общества ОВЦС Московского патриархата отцу Михаилу Дудко. Каждый из них излагал свое видение проблемы строительства кришнаитского храма, определяемое религиозной принадлежностью интервьюируемых.

Интервью обоих религиозных деятелей были вполне корректными, они не допускали интолерантных высказываний, хотя и отстаивали противоположные точки зрения. Главное замечание вызвало название данной публикации: «Храм кришнаитов построят на американские деньги». Формально оно было взято из текста интервью И. Аниканова, в котором тот среди прочих спонсоров строительства храма Общества сознания Кришны назвал американского бизнесмена А. Форда. Автор материала, изъязв из контекста данное высказывание и поместив его в заголовок, при этом использовал такой прием манипулирования информацией как логическую подтасовку в форме **поспешного обобщения**, то есть **некорректный перенос частного свойства объекта** (часть денег на строительство храма поступила от американского спонсора) **на целое**. Так, из названия публикации логически следовало, что кришнаитский храм **целиком** строился на американские деньги, что не соответствовало словам И. Аниканова.

Следует отметить, что само по себе строительство какого-либо объекта за счет зарубежного капитала не является чем-то противозаконным или аморальным. Вместе с тем, учитывая специфику социальных установок значительной части читателей, свойственный некоторым из них антиамериканизм, можно предположить, что утверждение, будто кришнаитский храм строится на американские деньги, будет способствовать формированию у части читательской аудитории искаженного образа кришнаитов, негативного отношения к ним как к «агентам иностранного влияния». Таким образом, заголовок статьи искаженно отражал ее содержание, являлся некорректным по отношению к кришнаитской общине.

Серьезные проблемы с оценкой смысловой направленности материалов СМИ зачастую возникают также в случаях, когда авторы публикаций цитируют ксенофобские высказывания своих персонажей, «героев» и при этом никак их не комментируют, не демонстрируют собственную позицию, отношение к обсуждаемой проблеме¹⁷. Если подобного рода материалы¹⁸ не сопровождаются ни авторским, ни редакционным комментарием, то у значительной части аудитории формируется впечатле-

¹⁷ В социально-психологической теории общения подобная позиция коммуникатора (автора сообщения) называется «закрытой» (См.: Андреева Г.М. Указ. соч. С. 79).

¹⁸ В первую очередь здесь речь идет о газетных публикациях, выполненных в жанре репортажа.

ние, что автор и редакция «по умолчанию» солидаризируются с точкой зрения, высказанной «героями» репортажа, поддерживают их позицию. Соответственно, ксенофобские, а, возможно, и противоправные суждения в этом случае воспринимаются как мнение редакции и автора материала, а не только лишь конкретного лица, чьи слова цитируются в публикации СМИ.

Подобные ситуации нередко возникают после опубликования материалов, представляющих собой прямые репортажи из «горячих точек», или интервью с участниками экстремальных событий. «Грешили» небрежностью журналисты, к примеру, при освещении военных действий на территории Чеченской республики, при описании трагедии в Беслане.

Так, в Генеральную прокуратуру РФ было направлено заявление от депутатов Народного собрания Республики Ингушетия по факту публикации в газете «Газета» (№ 163 от 6 сентября 2004 г.) статьи Дмитрия Соколова-Митрича «Смертницы должны знать: от них после смерти останется лишь грязь и вонь». В заявлении утверждалось, что содержание указанной публикации направлено на возбуждение национальной вражды. Психологический анализ смысловой направленности данного материала, проведенный авторами настоящей статьи, показал следующее:

Публикация «Смертницы должны знать...» включает текст статьи и фотографию. На ней изображены последствия террористического акта в Беслане: около стены, у которой взорвалась террористка-смертница, работают двое людей в штатском, очевидно, эксперты. Под фотографией подпись: «Стена в классе. На ней все, что осталось от шахидки». На снимке – текстовая врезка, анонсирующая содержание публикации: «На месте трагедии побывал спецкор Газеты Дмитрий Соколов-Митрич».

Публикация представляет собой репортаж с места события, включающий описание увиденного корреспондентом в освобожденной школе № 1 г. Беслана и высказывания очевидцев трагических событий: заместителя начальника Пригородного РОВД г. Беслана Олега Тидеева, местного жителя Константина Галаева. При этом сам корреспондент не комментирует слова очевидцев и не дает им никаких оценок. Все эмоциональные оценки автора связаны лишь с увиденным в школе: «...возникает ощущение, что стены плачут ... сочатся кровью».

Основное место в репортаже занимает изложение событий, данное О. Тидеевым, сопровождавшим автора по школе. Он описывает последовательность событий и действия боевиков. При этом сам О. Тидеев как представитель правоохранительных органов старался сдерживать свои эмоции и давать взвешенные комментарии, не фиксируясь на национальной принадлежности

бандитов: «Вообще среди боевиков кого только не было – и негр, и арабы, и ингуши, и даже один осетин... Те, кто здесь был, это не дети своих родителей, это мразь, профессиональная, хорошо подготовленная мразь».

Однако наряду с этим О. Тидеев высказывал следующие претензии в адрес представителей ингушского народа: «У нас сейчас ингуши – это самые невинные овечки. Их только пальцем тронь – они тут же президенту пишут. Они что-нибудь натворят, при задержании оказывают сопротивление, а в ответ на любое применение силы пишут Путину: дескать, осетины провоцируют продолжение межнационального конфликта».

Высказывания О. Тидеева в целом достаточно корректны, но в них присутствует негативный эмоциональный оттенок в отношении представителей ингушского народа: «пишут, ... жалуются, ... невинные овечки, ... из-за них пострадали наши сотрудники». В то же время оскорбительных и унижительных характеристик, открытых негативных оценок в его словах не выявляется.

Более резко и непосредственно выражал свои эмоции другой герой репортажа – Константин Галаев. Он дал следующую оценку произошедшего: «...пришли эти люди со стороны Ингушетии. И все наши беды идут оттуда... Их и близко больше сюда подпускать нельзя». Подобные высказывания содержат такие признаки возбуждения этнической вражды, как приписывание представителям ингушского народа агрессивных намерений в отношении осетин, требования не допускать их на территорию Северной Осетии.

Для того, чтобы оценить смысловую направленность публикации, необходимо развести позиции героев репортажа и его автора. Журналист для всестороннего описания происходящего может приводить любые достоверные сведения о событии, обсуждаемом в его материале, различные точки зрения на проблему, в том числе высказанные в достаточно резкой форме. При этом в описании таких крайне деликатных проблем, как межнациональные взаимоотношения, очень важной является позиция автора материала и редакции печатного издания в отношении тех сведений и высказываний, которые добросовестно приводятся в публикации. Именно вся совокупность этих данных, а не отдельные ее элементы определяют общую смысловую направленность материала.

Высказывания людей, приведенные в репортаже «Газеты», являются аффективно обусловленными и пристрастными. Герои репортажа были эмоционально вовлечены в ситуацию, пережили тяжелую трагедию, еще не оправившись от шока, вызванного произошедшими событиями. Кроме того, на их восприятие и оценку случившегося накладывала свой негативный отпечаток длительная история осетино-ингушского конфликта. Сведения о том, что среди террористов были ингуши (наряду с представителями других национальностей), в этой связи воспринимались особенно остро. Поэтому

их интерпретация случившегося и его причин не являлась, да и не могла быть объективной, беспристрастной.

В таких обстоятельствах особое значение приобретает позиция автора материала, то, каким образом он комментирует мнения, высказанные героями публикации, как их оценивает, какие смысловые акценты составляет. Подобная оценка в анализируемом репортаже отсутствует, он заканчивается цитатой высказывания одного из героев статьи. Разумеется, можно допустить, что и сам репортер, «окунувшись в атмосферу» трагедии, пообщавшись с людьми, охваченными горем и гневом, также оказался эмоционально захвачен общим настроением жителей Беслана. Однако в такой ситуации должна была прозвучать позиция редакции «Газеты», чего также сделано не было.

В результате ни автор, ни редакция никак не дистанцировались от радикальных высказываний одного из героев репортажа, и их позиция могла восприниматься читателями как совпадающая с цитированными утверждениями. Особенно болезненно на публикации подобного рода могут реагировать представители другой стороны, вовлеченной в межнациональный конфликт (ингуши). Об этом свидетельствует сам факт обращения в прокуратуру депутатов Народного собрания Республики Ингушетия после публикации данного материала.

Вероятно, можно по-разному оценивать такого рода материалы. Так, например, известно решение Европейского суда по правам человека, освободившее журналиста от уголовной ответственности за комментированную подачу расистского материала, притом что уголовная наказуемость самих высказываний, приведенных в телесюжете, судом не подвергалась сомнению (дело Йерсилд против Дании, 1994 г.)¹⁹. Вместе с тем последовательное использование данного подхода на практике в современных российских условиях, характеризующихся взрывным ростом ксенофобии, национализма, религиозной нетерпимости, представляется весьма проблематичным. Поэтому мы полагаем, что при правовой и судебно-экспертной оценке такого рода материалов необходимо учитывать и то, каким образом они будут восприниматься и усваиваться аудиторией, какие выводы сделают читатели после прочтения публикации.

Безусловно, проблемы, связанные с анализом текстов СМИ и описанные в настоящей статье, не являются принципиально новыми. Так,

¹⁹ Цит. по: Верховский А.М. Зарубежный опыт профилактики и противодействия распространения ксенофобий: можно ли сбить национал-радикальную волну в России? // Толерантность против ксенофобии (зарубежный и российский опыт). М.: Academia, 2005. С. 119.

например, в недавно опубликованной работе Г. Кожевникова среди типичных ошибок журналистов, пишущих на этническую тематику, называет и небрежное использование данных статистики, различного рода манипуляции с цифрами, и некорректные заголовки и анонсы к вполне толерантным по содержанию и направленности публикациям, и проблему отношения журналистов к ксенофобским высказываниям своих персонажей и интервьюируемых лиц, отсутствие редакционного комментария к таким высказываниям, и другие механизмы языка вражды²⁰. Таким образом, при анализе и оценке текстов СМИ исследователю приходится решать сходные задачи и сталкиваться с аналогичными трудностями, изучает ли он проявления языка вражды в прессе или проводит судебную психолингвистическую экспертизу. Правда, в последнем случае неизмеримо выше ответственность исследователя, поскольку от правильно проведенного анализа зависят выводы эксперта, которые, в свою очередь, являются одним из доказательств (зачастую — ведущим) по конкретному уголовному делу.

²⁰ Кожевникова Г.В. Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Права человека, 2006. С. 95–105.

Оксана Грунченко

Назначать, нельзя отказаться, или Назначать нельзя, отказаться

К вопросу о целесообразности проведения лингвистической экспертизы языка вражды

При всей очевидности необходимости привлечения специалистов-лингвистов к анализу текстов, предположительно направленных на разжигание межнациональной розни, использование специальных лингвистических познаний в практике следственных действий в настоящее время не приносит ожидаемого результата.

Попытаемся разобраться в причинах, способствующих тому, что лингвистическая экспертиза воспринимается в лучшем случае как вещь бесполезная («Мы и сами по-русски говорим, а значит, русский язык знаем»), а в худшем — как нечто вредное, средство манипулирования следствием и судом, своего рода современная софистика («Эти лингвисты что хочешь тебе напишут, все наизнанку вывернут»).

Сразу оговоримся, что спорить с последним утверждением по существу, вероятнее всего, бесполезно, поскольку основанием для его формирования является, как правило, частный случай — встреча с конкретным, мягко говоря, не вполне профессиональным, а возможно, и не вполне порядочным человеком. Развенчание же некоторых заблуждений, связанных с лингвистическими исследованиями, думаю, позволит убедить сомневающихся в несомненной полезности данного вида экспертной оценки.

Итак, заблуждение № 1: «Название экспертизы не имеет значения».

Действительно, если по незнанию какой-то следователь указывает в постановлении, что желал бы провести «лингвистическую» экспертизу, специалист может его просто мягко поправить — перед нами элементарная орфографическая ошибка.

Однако поскольку от названия экспертизы зависит тип и характер сведений, которые могут быть получены, выбор наименования, на первый взгляд кажущийся сугубо техническим и мало значащим фактором,

на самом деле является важным шагом в самом начале экспертного исследования текста.

Отступление от представляющегося наиболее приемлемым наименования — лингвистическая экспертиза — может происходить или сознательно, что позволяет назначающему экспертизу реализовать заранее известные ему конкретные цели, или без конкретной цели, тогда есть опасность проведения исследования, которое не даст ответов на существенные вопросы именно вследствие некорректности избранного наименования экспертизы. Проблемные ситуации, связанные с определением названия экспертизы, можно условно разделить на три типа:

- 1) выбор названия экспертизы, сужающего круг анализируемых языковых явлений;
- 2) выбор названия экспертизы, требующего ее проведения силами специалистов в определенных лингвистических дисциплинах;
- 3) выбор названия экспертизы, расширяющего круг анализируемых явлений.

Выбор названия экспертизы, сужающего круг анализируемых языковых явлений, оказывается в подавляющем большинстве случаев нецелесообразным. Такие названия, как *стилистическая экспертиза*, *семасиологическая экспертиза*, *семантическая экспертиза*, *лексическая экспертиза*, задают слишком узкие рамки исследуемой предметной области — это фактически оборачивается «втискиванием» исследования в рамки одного метода.

Безусловно, исследование семантики (то есть значения) лексем (то есть слов) необходимо, причем с учетом стилистической принадлежности анализируемого текста. Однако хотелось бы еще раз подчеркнуть: лингвистический анализ текста не осуществляется путем простого суммирования выявленных стилистических особенностей текста и контекстуального значения лексем, этот текст составляющих.

Начнем с характеристики так называемой стилистической экспертизы. Стилистика — раздел языкознания, предметом которого является понятие стиля в различных его аспектах: стиль языка, функциональный стиль, индивидуальный стиль, стиль художественного произведения и т.п. Стиль — разновидность языка или речи, связанная с особыми принципами отбора, комбинации и организации языковых средств — фонетических, словообразовательных, лексических, синтаксических. Под стилем языка со времен М.В. Ломоносова с его «теорией трех штилей» принято понимать разновидность языка, традиционно закрепленную за какой-либо сферой социальной жизни. Выделяют нейтральный, книжный («высокий») и разговорный («низкий») стили языка. Кроме того,

принято выделять пять функциональных стилей книжной литературной речи: научный, официально-деловой, публицистический, церковно-религиозный. Разговорная речь представляет собой особую разновидность литературного варианта русского национального языка. Индивидуальный стиль речи, или идиостиль, присущ каждому носителю языка — мастеру слова, писателю, журналисту, каждому из говорящих и пишущих на том или ином языке. Язык художественных произведений находится вне системы функциональных стилей: в нем возможно использование элементов не только литературных, нормативных, но и диалектных, просторечных, жаргонных и др.; тем или иным художественным текстам присущ определенный стиль, и тогда говорят о стиле художественного произведения, стиле литературного направления и т.д.

Стилистическая экспертиза способна оценить текст с точки зрения его принадлежности, например, к публицистическому стилю. При этом сам по себе факт выражения мыслей в рамках того или иного стиля, подбор с большей или меньшей степенью удачности стилистических средств (лексических, фразеологических, синтаксических) может свидетельствовать об общем образовательном уровне говорящего, о богатстве его словарного запаса, наконец, о его риторических способностях, но ни на йоту не приблизит исследование к ответу на вопросы, которые интересуют следствие.

Проще говоря, стилистическая экспертиза способна определить, что, например, при назывании представителей некоей национальности *кровососами на изможденном теле богатырской нации X* использован публицистический стиль, а при описании их же как *гнусных тварей, на каждом шагу обжирających X-ов* — сниженный, разговорный стиль. Однако таких выводов явно недостаточно для полной лингвистической характеристика указанных фрагментов текста. Кроме того, последовательно осуществляемое подчеркивание значимости именно стилистического анализа для экспертиз языка вражды¹ представляется немотивированным — высказывания как публицистического, так и разговорного стиля, приведенные выше, передают идею противопоставления наций, способную посеять рознь и вражду между их представителями.

Назначение *семасиологической* или *семантической* экспертизы (семасиология, или семантика — раздел языкознания, изучающий значения слов, их взаимодействие и развитие; теория языкового значения) воз-

¹ См., например: Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. М.: Юридический мир, 2006. С. 53.

можно и целесообразно, если речь идет лишь о значении одного слова или группы слов. Например, слово *жид* в контекстах типа *Ну и жид же сосед, зажал сотню до зарплаты!* и *Бей жидов, спасай Россию!* имеет, очевидно, разное значение, изменявшееся во временном интервале с начала XIX века до наших дней. Однако, как правило, перед экспертом ставится целый комплекс вопросов, касающихся не только значения отдельных слов, но и смысла высказываний, коммуникативных интенций говорящих и пишущих, поэтому искусственно сужать границы исследования, называя экспертизу семасиологической, нецелесообразно.

Сказанное выше в полной мере относится и к *лексической* (лексика — словарный состав языка, совокупность слов языка) экспертизе. Если эксперт предпримет попытку все-таки ответить на вопросы, предполагающие, например, анализ типологии некоторых синтаксических конструкций, он выйдет не за рамки своей компетенции, но за рамки круга лингвистических явлений, которые может изучать в ходе экспертизы с подобным названием.

Выбор названия для экспертизы, требующей проведения ее силами специалистов в определенных лингвистических дисциплинах, может быть вполне оправданным при назначении *социолингвистической* или *психолингвистической* экспертизы, осуществляемой соответственно специалистами по социолингвистике или психолингвистике. Обычно такая экспертиза требуется в тех случаях, когда речь идет о восприятии призывов, обращенных к определенным возрастным, социальным, профессиональным группам, группам лиц, объединенных по признаку пола, места проживания, общности интересов или политической ориентации и т.п. Однако опыт многолетней работы подсказывает, что лучше в данном случае назначать комплексную *комиссионную социолого-лингвистическую* или *психолого-лингвистическую* экспертизу, то есть экспертизу, проводимую силами специалистов смежных гуманитарных специальностей — социологов и лингвистов или психологов и лингвистов соответственно, возможно, с привлечением также социолингвистов или психолингвистов.

При формировании комиссии экспертов и формулировании обращенных к ним вопросов следует изначально исходить из того, что лингвисты способны проанализировать содержащиеся в тексте оценки, призывы, создающие определенные предпосылки для понимания текста, а социолог и психолог, в том числе и с использованием экспериментальных методов, способны подтвердить или опровергнуть гипотезы, выдвинутые лингвистами, с опорой на те или иные социальные и психологические факторы.

Выбор названия экспертизы, расширяющего круг анализируемых явлений, также нецелесообразен. Это касается, например, такого названия, как *филологическая* экспертиза.

К сожалению, это достаточно широко распространенная ошибка. Даже специалистами в области судебных экспертиз слова «филолог» и «лингвист» употребляются как синонимы. Например: «*Специалист, не проводя собственно лингвистического исследования спорного речевого произведения, может высказать суждение на основе своих профессиональных филологических знаний...*» (подчеркнуто мною — О.Г.)². Но дело-то как раз в том, что не каждый филолог — лингвист. Филология как совокупность гуманитарных наук включает в себя как лингвистику (языковедение), так и литературоведение. Предположить, что существенными для интересов следствия могут оказаться сюжетные линии некоего текста, его литературные достоинства, использованный в пропагандистских стихах стихотворный размер и т.п., то есть проблемы, находящиеся в поле зрения литературоведения, трудно. В то же время производство экспертного исследования литературоведом почти наверняка направит следствие по ложному пути, поскольку эксперт, будучи кандидатом или доктором филологических наук, может специализироваться, например, на изучении истории литературы, на литературной критике, не владея в полной мере даже понятийным аппаратом лингвистики текста. Поскольку филологическая экспертиза отличается от лингвистической наличием литературоведческой составляющей, которая в рамках экспертиз по рассматриваемым делам не представляется существенной, назначать *филологические* экспертизы вообще не рекомендуется.

Что касается *социогуманитарной* экспертизы как типа экспертных исследований, рекомендованного в некоторых методических пособиях, то гуманитарная сфера знания о мире столь широка, что предполагает возможность привлечения таких специалистов, как историки, религиоведы, политологи, культурологи, искусствоведы и пр. Но, как показывает опыт, как правило, типовые вопросы достаточно легко группируются по двум-трем смежным гуманитарным специальностям, отнюдь не охватывая всего спектра гуманитарных дисциплин. Если действительно имеется необходимость рассмотрения текста с разных сторон, например, специалистами по психологии, языковедами и религиоведами, можно определить порядок проведения трех самостоятельных экспертиз, каждая из которых будет оценивать либо один и тот же массив текстов, либо сужать круг исследуемых явлений (например, психологи оценивают

видеозапись в целом, языковеды — дискурс, отраженный в нем, то есть текст и ситуацию общения).

Итак, целесообразность назначения *лингвистической* экспертизы мотивирована, во-первых, возможностью в ее рамках без дополнительных комментариев объективно оценивать языковые явления разных уровней — лексика, стилистика, синтаксис, коммуникативные цели, ситуация общения. Кроме того, координация многочисленных экспертных групп, работающих в разных учреждениях, довольно сложна, а выполнение каждой группой своей части работы позволяет следователю получить в итоге несколько экспертиз, каждая из которых квалифицированно оценивает текст с интересующей следствие стороны.

Заблуждение № 2: «Лингвистическая экспертиза может дать ответ на все вопросы».

При определении границ компетенции эксперта-лингвиста следует помнить о том, что при работе с печатной продукцией он анализирует текст, а при работе с видеоматериалами — дискурс, то есть текст в определенной ситуации общения, в которой есть адресант (говорящий, автор) и адресат (слушающий, зритель, читатель). Есть при этом некоторые моменты, которые лингвист может оценить как гражданин, человек, носитель языка, наконец, но не в состоянии квалифицировать как эксперт — например, восприятие и понимание того или иного текста, а также степень действенности призывов, если таковые в тексте обнаруживаются. Иными словами, эксперт-лингвист не может определить, какова специфика восприятия того или иного текста людьми в зависимости от их пола, возраста, профессии, места жительства, фоновых знаний, образованности и т.п. и сформируется ли в сознании читателей то или иное отношение к описываемой проблематике. Если эксперт-лингвист и попытается дать ответ на вопросы типа *Может ли данный призыв привести к массовым беспорядкам в среде учащейся молодежи?* — то ответ этот следует квалифицировать как мнение частного лица, предположение, строящееся на субъективном представлении конкретного человека о системе ценностей, бытующей в рамках конкретной социальной группы, склонности этой группы к активным действиям и т.п. К ответам на подобные вопросы необходимо привлекать экспертов других специальностей, например, социологов, специалистов в области социальной психологии и др.

Вне компетенции эксперта-лингвиста и вопрос, все ли читатели, ознакомившись с тем или иным текстом, будут совершать действия, к которым их в явной или неявной форме призывают авторы текста. Иначе говоря, постановка перед экспертом-лингвистом вопроса о том,

² Там же.

сколь вероятно совершение насильственных действий или действий дискриминирующего характера после прочтения того или иного текста, методически некорректна.

Не следует проводить только силами экспертов-лингвистов исследование объектов, имеющих эстетическую ценность — художественных текстов, кинокартин, видеоматериалов с элементами монтажа и т.п., так как очевидно, что есть разница между публицистической статьей, видеозаписью митинга и романом, кинофильмом, в последнем случае фактическая основа переосмысливается, подчиняется достижению эстетической цели.

Наконец, трудность представляет анализ текстов не светского, а религиозного содержания вне зависимости от конфессиональной принадлежности текста и самого эксперта. Анализ таких текстов в принципе не может производиться с позиций буквального прочтения. Причин тому множество: многие тексты религиозного содержания являются переводными, как правило, избобилуют метафорами, фрагментами в виде притч (например, Евангелие или Шулхан-Арух), создавались много веков назад, могут отражать ситуацию гонений на веру и ее сторонников и т.п. Кроме того, их понимание, толкование определяется не столько законами языка, сколько многовековой церковной традицией.

Таким образом, вне сферы компетенции эксперта-лингвиста оказываются вопросы, касающиеся восприятия, понимания, действительности текстов, содержащих призывы к экстремистской деятельности, а исследование текстов религиозного содержания или художественных требует привлечения в качестве экспертов специалистов иных гуманитарных специальностей — религиоведов, искусствоведов и пр.

Заблуждение № 3: «Если в тексте нет бранных слов, он не может разжигать вражду и рознь».

Разумеется, проще всего противопоставить нацию X нации Y, приписав представителям первой положительно оцениваемые в социуме действия, свойства, а представителям второй — действия и свойства, оцениваемые отрицательно. В русском языке имеется богатый выбор средств передачи негативной оценки. Проще всего использовать для такой оценки слова *нецензурные, бранные, неприличные, грубые, вульгарные*.

Правда, даже при использовании так называемых нецензурных (обсценных) слов, явно передающих резко негативную оценку, эксперт-лингвист сталкивается с неожиданной проблемой: словари русского литературного языка традиционно не включают в свои словники нецензурную лексику, и *доказать* принадлежность того или иного обсцен-

ного слова, особенно производного, к числу нецензурных оказывается затруднительно.

Также негативные оценки могут передаваться наименованиями лиц по принадлежности к той или иной расе, народности, нации, уже содержащими негативный коннотативный элемент в значении, но не фиксируемыми словарями русского литературного языка, например: *хачик, азер*. Наличие отрицательной оценочности этих номинаций без труда доказывается невозможностью существования словосочетаний типа *очень порядочный хачик, славный азер* и пр. В этом случае, как и в указанном выше, специалисту следует, не ограничиваясь собственной исследовательской интуицией, активнее обращаться к словарям сленгов, жаргонов, бранной лексики³.

Отдельно следует сказать о неологизмах — новых словах, не фиксируемых словарями, но, как правило, образуемых по продуктивным словообразовательным моделям с достаточно прозрачным значением. Например, по аналогии со словом *черномазые*, *черножопые* образуются в текстах националистической направленности слова типа *черноухие, чернопузые, черноспинные*, являющиеся квазисинонимами соответствующих наименований. В этом случае именно лингвист должен разъяснить юристам, каким образом формируется у данных слов негативная оценочность.

Кроме того, негативные оценки могут передаваться словами литературного языка, в значении которых присутствуют негативный коннотативный элемент, которые грамматически подчинены словам, называющим лиц по принадлежности к той или иной нации, народности, расе, например: *грязные X-ы, тупые Y-и, похотливые Z-ы* и т.п. Как правило, такого рода эпитеты отражают существующие в языковой картине мира определенной части общества стереотипы восприятия той или иной расы или народности. К слову, косвенные указания на национальную принадлежность типа «люди в ермолках» или «носатые», как правило, без труда дешифруются с учетом экстралингвистических знаний, но лингвисты почему-то не считают нужным подробно анализировать использованные в таких случаях языковые средства, чем дают повод для разного рода спекуляций со стороны тех, кого выводы экспертного заключения «не устраивают».

Наконец, наибольшую сложность представляет собой анализ контекстов, в которых нет прямо или косвенно выраженных отрицательных оценок, например: «*Россию — русским! Кавказцев — на Кавказ!*»; «*Чемодан,*

³ См., например: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. СПб., 2004.

вокзал, Баку!». В данном случае основанием для рассмотрения этих фраз как выражающих идею национальной вражды является исключительно контрастная интерпретация смысла этих призывов: призыв уехать касается *только* кавказцев или *только* азербайджанцев.

Итак, отсутствие в тексте бранных слов не является препятствием для рассмотрения его в ходе лингвистической экспертизы — методами комплексного лингвистического анализа в таком тексте могут быть выявлены языковые средства, передающие идею национальной розни, которая способствует, в свою очередь, разжиганию межнациональной вражды.

Таким образом, остановившись лишь на наиболее распространенных заблуждениях, касающихся использования лингвистической экспертизы для анализа языка вражды, и подробно их рассмотрев, еще раз подчеркну, что неэффективность этой экспертизы бывает связана с недостаточной продуманностью действий лиц, ее назначающих; завышенными требованиями к лингвисту как автору абсолютно всестороннего и исчерпывающего анализа; а также недооценкой значимости комплексного профессионального подхода к анализу языковых явлений.

Сведения об авторах

Акифьева Раиса Николаевна (р. 1978) — психолог, магистр социологии, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социологии Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики, соискатель факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор ряда работ в области социальной психологии предрассудков и миграционных исследований.

Ахметьева Валерия Вилленовна (р. 1965) — сотрудник Информационно-аналитического центра «СОВА». Постоянный участник мониторингов языка вражды, проводившихся Центром в 2003–2006 годах, работала в проектах «Новый консерватизм в России» (2003–2004), «Демократия в осаде» (2005–2006), «Барометр демократии» (2006). Редактор всех книг, выпущенных Центром.

Грунченко Оксана Михайловна (р. 1971) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Сфера научных интересов — теория и практика лингвистических экспертиз.

Денисова Анастасия Викторовна (р. 1982) — филолог, преподаватель английского языка Института экономики, права и гуманитарных специальностей в Краснодаре. Президент Краснодарской краевой общественной организации Молодежная Группа за Толерантность «ЭТНИКА». Сфера научных интересов — молодежные действия против ксенофобии, национализма, языка вражды, дискриминации. Автор ряда публикаций, включая «Язык вражды и противодействие межэтнической вражде» (2006).

Дубровский Дмитрий Викторович (р. 1970) — магистр этнологии, заведующий отделом современной этнографии, межнациональных отношений Российского этнографического музея. Сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге, преподаватель Смольного института свободных искусств и наук. Соавтор монографии «Язык вражды в русскоязычном Интернете» (2004), ряда статей по проблемам ксенофобии и языка вражды.

Кислов Евгений Владимирович (р. 1962) – правозащитник, журналист, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Геологического института СО РАН в Улан-Удэ. Председатель Республиканского правозащитного центра. Автор ряда статей в периодической печати и обзоров в Интернете по межнациональным и конфессиональным проблемам.

Кожевникова Галина Владимировна (р. 1974) – кандидат исторических наук, специалист по истории российской государственности. Заместитель директора Информационно-аналитического центра «СОВА», до этого – сотрудник Центра «Панорама». Автор ряда публикаций по проблемам национализма и ксенофобии в современной России, включая «Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее» (2004) и все квартальные и ежегодные доклады Центра «СОВА» по преступлениям на почве ненависти и противодействию им.

Кочергин Алексей Анатольевич (р. 1975) – социолог, эксперт Центра понтийско-кавказских исследований (г. Краснодар) и заместитель директора по вопросам прикладной аналитики Северо-Кавказского научно-исследовательского института истории и социокультурных исследований. Заместитель главного редактора журнала «Гуманитарная мысль Юга России». Автор ряда публикаций по проблемам дискурса этничности, ксенофобии и языка вражды.

Кроз Михаил Владимирович (р. 1959) – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Автор около 70 научных работ по социальной, юридической психологии, психодиагностике, в том числе соавтор коллективных монографий «Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика» (2005), «Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии» (2005).

Лукашевский Сергей Маркович (р. 1975) – директор Информационно-исследовательского центра «Демос». В 1999–2003 годах – составитель ежегодных докладов Московской Хельсинкской группы о ситуации с правами человека в России, а также тематических мониторинговых докладов, включая «Национализм, ксенофобия и нетерпимость в современной России» (2002); соавтор сборника «Язык мой...» (2002).

Понарин Эдуард Дмитриевич (р. 1964) – доктор социологии (Ph.D.), декан факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Сфера научных интересов – национализм, формирование национальной идентичности, этнические и религиозные меньшинства, количественная методология. Автор ряда статей и книг в этих областях.

Рафинова Наталия Александровна (р. 1959) – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Специалист в области юридической, клинической психологии, психодиагностики, судебно-психологической экспертизы. Соавтор коллективных монографий «Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка)» (2000), «Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика» (2005), «Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии» (2005).

Толкачева Анна Николаевна (р. 1977) – кандидат политических наук, ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор ряда публикаций, посвященных этническим и региональным конфликтам на постсоветском пространстве, национализму и национальной идентичности.

Шнирельман Виктор Александрович (р. 1949) – этнолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, специалист по этничности, национализму и расизму. Автор книг «Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia» (1996), «The Value of the Past. Myths, Identity and Politics in Transcaucasia» (2001), «The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s – 1990s» (2002), «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье» (2003), «Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России» (2004), «Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше)» (2005), «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке» (2006) и др.